

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

На правах рукописи

Пантеева Ксения Владимировна

**КОСВЕННАЯ ОЦЕНКА В СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Викторова Елена Юрьевна

Саратов – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ И СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА.....	13
1.1 Косвенная оценка: основные понятия и характеристики.....	13
1.1.1 Оценочность как языковая категория.....	13
1.1.2 Основные виды классификаций оценки.....	16
1.1.3 Косвенная оценка и речевое воздействие.....	18
1.1.4 Косвенная оценка и хеджирование.....	22
1.2 Общая проблематика исследования спортивного медиадискурса.....	26
1.2.1 Спортивный медиадискурс как субдискурс спортивного дискурса: базовые характеристики.....	26
1.2.2 Жанры спортивного медиадискурса.....	31
1.2.2.1 Спортивный комментарий как ядерный жанр спортивного медиадискурса.....	36
1.2.2.2 Спортивная новость.....	41
1.2.2.3 Изменения в жанровом пространстве современного спортивного медиадискурса. Спортивное превью.....	45
1.2.3 Интердискурсивность спортивного медиадискурса.....	50
Выводы к главе 1.....	55
ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ.....	58
2.1 Косвенная и имплицитная оценка: точки пересечения.....	58
2.1.1 Понятия эксплицитности и имплицитности.....	58
2.1.2 Соотношение понятий «имплицитный» - «косвенный», «эксплицитный» - «прямой».....	65
2.2 Классификация типов оценки: спорные моменты.....	69
2.2.1 Целесообразность выделения нейтральной оценки.....	69
2.2.2 Необходимость выделения рациональной и эмоциональной оценки.....	73
2.2.2.1 Объективное и субъективное в оценке.....	73
2.2.2.2 Роль эмоций в порождении оценки: рациональная и эмоциональная оценка.....	78
2.2.2.3 Экспрессивность и степень эмоциональности.....	89
2.3 Идентификация косвенных оценочных высказываний.....	92
2.3.1 Разграничение понятий «оценка», «оценочность» и «субъективная модальность».....	93
2.3.2 Модель идентификации косвенных оценочных высказываний.....	97
2.4 Проблема интерпретации косвенной оценки.....	106
2.4.1 Роль контекста в процессе интерпретации косвенных оценочных высказываний.....	108
2.4.2 Фоновые знания и их роль в интерпретации косвенной оценки.....	118
Выводы к главе 2.....	124

ГЛАВА 3 ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ В РОССИЙСКОМ И БРИТАНСКОМ СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	127
3.1 Функции косвенной оценки.....	127
3.2 Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного комментария.....	138
3.3 Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивной новости...150	
3.4 Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного превью...168	
Выводы к главе 3.....	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	189
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Формирование в лингвистике новой научной парадигмы в рамках антропоцентрического подхода обуславливает непрекращающийся интерес исследователей к проблемам речевой коммуникации. Как показывают некоторые исследования, в большинстве высказываний присутствуют элементы, формального выражения в тексте не получившие, но все же присутствующие [Макурова 2013]. «Человек воспринимает больше, чем может выразить язык. За его пределами остается несказанное, невыразимое, ненареченное, неизреченное» [Арутюнова 2000: 433], т. е. план содержания в большинстве случаев гораздо шире и богаче плана выражения. Элементы плана содержания, не получившие формального выражения, как правило, рассматриваются в рамках не прямой коммуникации [Дементьев 2006]. Данная работа посвящена явлению, которое, по мнению многих лингвистов, также относится к сфере не прямой коммуникации – косвенной оценке.

Актуальность исследования. Оценка – комплексное явление, которое привлекает внимание исследователей в разных областях науки: философии и психологии, юриспруденции и социологии, литературоведении, лингвистике и многих других. Оценка окружающих нас людей, предметов, феноменов – неотъемлемая часть мыслительных процессов, сопровождающих восприятие и анализ элементов действительности.

Понятие языковой оценки получило довольно широкое освещение в научной литературе, однако многие спорные вопросы, связанные с анализом оценки в целом и косвенной оценки в частности, по-прежнему остаются нерешенными. Прежде всего, с методологической точки зрения недостаточно изученными являются вопросы соотнесенности таких смежных понятий, как «оценка» и «субъективная модальность», «оценка» и «оценочность», «имплицитность» и «косвенность». Подробного исследования требуют принципы, лежащие в основе выделения традиционных, но все же дискуссионных, типов оценок: нейтральная оценка (как противопоставление положительной и отрицательной оценке), рациональная и эмоциональная оценка. Проблема идентификации косвенного оценочного высказывания –

высказывания, содержащего косвенную оценку – и его последующей интерпретации логически вытекает из вышеперечисленных методологических вопросов.

Косвенная оценка как психологическое и лингвистическое явление проникло во все сферы человеческой жизнедеятельности. Примеры косвенной оценки можно найти как в персональном, так и в институциональных типах дискурса. Спортивный медиадискурс, как один из институциональных дискурсов, отличается яркой оценочностью, что, возможно, объясняется нацеленностью спорта на достижение максимально возможных результатов. Кроме того, необходимо учитывать обусловленность характера оценки особенностями речевого жанра. То, как именно косвенная оценка реализуется в разных жанрах российского и британского спортивного медиадискурса, представляет несомненный научный интерес.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется несколькими причинами: во-первых, недостаточной проработанностью методологических вопросов, связанных с категорией косвенной оценки, во-вторых, необходимостью детального изучения реализации косвенной оценки в спортивном медиадискурсе. Помимо этого, изучение вышеперечисленных аспектов косвенной оценки позволяет упростить процесс распознавания и понимания косвенной оценки в речи, что повышает эффективность коммуникации.

Объект исследования – спортивный медиадискурс и реализующаяся в нем косвенная оценка.

Предмет исследования – способы реализации косвенной оценки в различных жанрах российского и британского спортивного медиадискурса, а также методологические проблемы, которые возникают при изучении феномена косвенной оценки.

Цель работы – разработать модель идентификации косвенного оценочного высказывания и с ее помощью выявить специфику косвенной оценки и способов ее реализации в спортивном медиадискурсе. Для достижения настоящей цели был поставлен ряд конкретных задач:

1) проанализировать понятие языковой оценки и основные принципы ее классификации, изучить проблемы соотношения косвенной оценки и категорий, связанных с процессами речевого воздействия и категоричности речи;

2) исследовать базовые характеристики спортивного медиадискурса и особенности таких жанров спортивного медиадискурса, как спортивный комментарий, спортивная новость и спортивное превью;

3) разграничить понятия «косвенная оценка» и «имплицитная оценка», оценить возможность выделения нейтральной оценки наравне с положительной и отрицательной оценкой, проанализировать оценку с точки зрения наличия в ней рациональной и эмоциональной составляющих и, как следствие, проанализировать необходимость деления оценки на рациональную и эмоциональную;

4) выработать модель идентификации косвенного оценочного высказывания в тексте;

5) изучить особенности косвенной оценки с точки зрения теории не прямой коммуникации и проанализировать проблему интерпретации косвенных оценочных смыслов;

6) определить основные функции косвенной оценки в спортивном медиадискурсе, а также выявить и сопоставить особенности реализации косвенной оценки в жанрах спортивного комментария, спортивной новости и спортивного превью в рамках российского и британского спортивного медиадискурса.

Теоретическую базу исследования составили: общетеоретические работы, посвященные проблемам исследования теории дискурса, прагматики, речи, лингвистики речи (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. Е. Чернявская, К. Ф. Седов, Г. Н. Манаенко, А. П. Седых, D. Schiffrin, C. Shannon, W. Weaver, H. P. Grice и др.); исследования отечественных учёных в области аксиологии и языковой оценки (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Т. А. Трипольская, Ю. И. Кошман, Л. М. Васильев, А. С. Самиггулина, А. Л. Федорова, Т. В. Дубровская, К. М. Шилихина и др.); достижения

зарубежных лингвистов в области изучения структуры и прагматики оценки (R. Martin, P. R. White, M. Bednarek, P. Brown, S. Levinson, S. Bullo, D. Silvestri, R. Wilson и др.); работы, посвященные непрямо́й коммуникации (В. В. Дементьев, А. П. Марюхин, Л. А. Гоготишвили, Дж. Серль, E. L. Vallauri и др.), исследования в области речевого воздействия и хеджирования (А. П. Марюхин, О. Д. Пастухова, Ю. Е. Чубарова, С. В. Юткина, Л. А. Будниченко, G. Lakoff, E. Prince, J. Frader, C. Bosk и др.), исследования жанров речи (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, Н. А. Пром, Т. В. Шмелева, В. И. Коньков, Г. Я. Солганик, R. H. Robins и др.); исследования особенностей спортивного дискурса и речи СМИ (К. В. Снятков, Е. Г. Малышева, О. А. Панкратова, Ф. Н. Шарикова, Э. А. Орлова, Т. Г. Добросклонская, Н. И. Клушина, Н. Н. Кошкарлова, M. Lewandowski, A. Tolson, M. Conboy, M. Morse и др.).

Материал исследования. Эмпирической базой исследования послужили тексты устного и письменного спортивного медиадискурса на русском и английском языках. Все тексты посвящены фигурному катанию – одному из самых зрелищных и, как следствие, оценочно нагруженных видов спорта. Жанр спортивного комментария изучался на материале расшифровок видеозаписей с комментариями к внутрироссийским и международным соревнованиям по фигурному катанию в период с 2002 по 2020 гг. Исследованы комментарии российских (прямые трансляции Первого канала, каналов «Матч ТВ», «Россия 1», «Россия 2», «Спорт», российской версии канала «Евроспорт») и британских тележурналистов (прямые трансляции британской версии канала «Евроспорт») общей длительностью более 28 часов. Всего было расшифровано и исследовано 88 видеозаписей: 46 видеозаписей на русском языке (общим объемом 90 018 словоупотреблений) и 42 видеозаписи – на английском (общим объемом 89 837 словоупотреблений). Жанр спортивной новости изучался на материале текстов двух новостных сайтов: русскоязычного сайта Федерации фигурного катания на коньках России (ФФККР) (<https://fsrussia.ru>) и англоязычного сайта Международного союза конькобежцев (ИСУ) (<https://www.isu.org>).

Новостные тексты посвящены соревнованиям 2018-2020 гг. В ходе исследования были проанализированы 27 текстов спортивных новостей на русском языке (общим объемом 11 340 словоупотреблений) и 18 новостных текстов на английском языке (общим объемом 10 980 словоупотреблений). Жанр спортивного превью изучался на материале сайтов ФФКР, ИСУ, а также российского сайта <https://www.championat.com>. Исследовано 16 текстов спортивных превью на русском языке (общим объемом 9 800 словоупотреблений) и 11 текстов спортивных превью на английском языке (общим объемом 12 100 словоупотреблений) за период 2013 – 2020 гг. Всего было выделено и проанализировано 14 092 контекстов, содержащих косвенную оценку: 6 155 на русском языке, 7 937 на английском языке.

Методы исследования. Данная работа выполнена в рамках дискурсивного анализа, который позволяет рассматривать примеры косвенной оценки в тексте в связи с внеязыковой действительностью. Основными методами настоящего исследования стали описательный метод, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, а также метод контекстуального анализа и интерпретационный метод, с помощью которых выявлялись и толковались средства косвенной оценки. Помимо этого, были использованы элементы количественного анализа для обобщения полученных в ходе исследования количественных данных.

Научная новизна. В исследовании доказывается необходимость разграничения понятий оценочности и субъективной модальности, разграничения косвенных и имплицитных оценок, а также обосновывается нерелевантность выделения нейтральной оценки и деления оценок на рациональные и эмоциональные. Предложена авторская модель идентификации косвенного оценочного высказывания в тексте. Выявлена ключевая роль различных типов контекста и фоновых знаний при интерпретации косвенной оценки. Анализ функций и способов выражения косвенной оценки осуществлен на ранее не использовавшемся для этой цели материале российского и британского спортивного медиадискурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Косвенная оценка – тип оценки, в котором оценочные смыслы выражены опосредованно и требуют интерпретативных усилий со стороны адресата, причем имплицитная оценка (оценка, содержащая скрытые смыслы) всегда косвенна, тогда как эксплицитная оценка может быть прямой (если она реализуется посредством оценочной лексики) и косвенной (если эксплицитные оценочные смыслы выражены иными способами).

2. Необходимо разграничивать понятия оценочности и субъективной модальности и рассматривать оценку только как один из видов субъективной модальности (наравне с модальностями достоверности, долженствования, необходимости и пр.), в рамках которой субъект оценки выражает положительное или отрицательное отношение к некоему фрагменту действительности, т. е. нейтральную оценку необходимо рассматривать как отсутствие оценки, а не как один из ее видов. Поскольку оценка всегда подразумевает некое отношение автора оценки к какому-либо объекту действительности, эмоциональную вовлеченность субъекта оценки следует считать обязательным условием оценки. Степень эмоциональности оценочного высказывания, в свою очередь, позволяет говорить о наличии или отсутствии в нем экспрессивности.

3. Идентификация косвенного оценочного высказывания в тексте – одна из важных методологических проблем, корректное решение которой необходимо для более детального изучения косвенной оценки на материале различных дискурсов. Идентифицировать высказывание как косвенно оценочное возможно с учетом структуры оценки, а именно с помощью верификации наличия в высказывании всех обязательных компонентов оценки (субъект и объект оценки, основание оценки, оценочная шкала и авторская позиция / эмоциональная вовлеченность автора). В случае наличия всех элементов структуры оценки высказывание можно считать оценочным.

4. Значимой характеристикой косвенной оценки является необходимость интерпретации оценочных смыслов со стороны адресата, так как для косвенных оценочных высказываний типична интерпретативная

неоднозначность, что обусловлено ситуативным и субъективным характером не прямой коммуникации. Возможность неверной интерпретации косвенного оценочного высказывания повышает роль контекста и фоновых знаний в процессе осмысления косвенных оценочных высказываний. Главные факторы адекватной интерпретации косвенной оценки – широкий языковой и экстралингвистический контекст, тогда как фоновые знания выполняют вспомогательную функцию, облегчая интерпретацию косвенной оценки.

5. Спортивный медиадискурс – институциональный тип дискурса, реализуемый через СМИ – характеризуется высокой степенью оценочности: из всех языковых функций ведущую роль в данном типе дискурса играют информирование и оценивание, при этом оценивание здесь часто превалирует над информированием. Средства косвенной оценки в спортивном медиадискурсе, с одной стороны, применяются с целью усиления экспрессивности высказывания и, как следствие, степени речевого воздействия. С другой стороны, косвенная оценка выполняет функцию смягчения категоричности высказывания.

6. Реализация косвенной оценки в российском и британском спортивном медиадискурсе осуществляется на различных языковых уровнях, причем во всех трех исследуемых жанрах косвенная оценка превалирует над прямой оценкой. В англоязычном материале, однако, количество случаев использования косвенной оценки больше, чем в аналогичном русскоязычном материале.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении многих спорных вопросов, связанных с методологией изучения косвенной оценки, и в определении особенностей функционирования косвенной оценки в русском и англоязычном спортивном медиадискурсе, что вносит вклад в разработку ряда аспектов теории дискурса, аксиологии, теории речевого воздействия, теории не прямой коммуникации.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут применяться в вузовских курсах и спецкурсах по речевой коммуникации, риторике, в практике изучения

английского языка, при подготовке спортивных журналистов, переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации.

Достоверность результатов данного исследования обеспечена репрезентативностью исследованного материала, привлечением данных наиболее авторитетных источников, методологической базой исследования и применением современных методов анализа.

Апробация полученных результатов. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на 10 международных и всероссийских конференциях: XLVIII Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 18 – 27 марта 2019 г.); Международная научная конференция «Герценовские чтения. Иностранные языки» (Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «РГПУ им. А. И. Герцена», 11 – 12 апреля 2019 г.); VII Международная научная конференция, посвященная 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского «Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 15 апреля 2019 г.); III Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (Пенза, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», 24 – 26 апреля 2019 г.); Международная научно-практическая конференция «Личность – Язык – Культура», посвященная 110-летию СГУ (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 27 – 28 ноября 2019 г.); III Всероссийская научная конференция «Школа молодых ученых». Тематический приоритет конференции «Наука. Регион. Развитие» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГТУ имени Гагарина Ю. А.», 21 мая 2020 г.); Всероссийская с международным участием научная конференция «Языковое сознание. Речевая коммуникация», посвященная памяти профессора В. Е. Гольдина (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 14 – 16 октября 2020 г.); Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти к.ф.н доцента кафедры русского языка и литературы Андиганского

государственного университета Т. Л. Рахмонова (Андижан, Андижанский государственный университет им. З. М. Бабура, 30 октября 2020 г.); Казанский международный лингвистический саммит «Вызовы и тренды мировой лингвистики» (Kazan International Linguistic Summit «Challenges and Trends in World Linguistics»), посвященный 175-летию основателя Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртенэ и 145-летию начала его работы в Казанском университете (Казань, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 16 – 20 ноября 2020 г.); V Всероссийская научная конференция с международным участием «Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты» (Самара, ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», 26 – 27 ноября 2020 г.).

По теме диссертации опубликовано 16 статей, в том числе 6 – в реферируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации: Работа состоит из введения, трех глав («Теоретические основы изучения косвенной оценки и спортивного медиадискурса», «Методологические проблемы исследования косвенной оценки», «Особенности реализации косвенной оценки в российском и британском спортивном медиадискурсе»), заключения, списка использованной литературы (308 наименований) и списка условных сокращений. Работа содержит 6 таблиц и 1 рисунок.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ И СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА

1.1 Косвенная оценка: основные понятия и характеристики

1.1.1 Оценочность как языковая категория

Вероятно, впервые вопрос о том, что есть ценность и благо, и какую роль они играют в жизни человека, был поставлен Сократом [Кессиди 2001], хотя такие явно «ценностные» понятия, как «истина», «добро», «любовь», «красота» рассматривались мыслителями, стоявшими у истоков философии. В античной и средневековой философии проблема ценностей, этические и эстетические идеалы человека непосредственно связаны с понятием бытия [Кулешов 2007]. Просвещение и Реформация – эпоха, когда философы подчеркивают ценностную значимость каждого человека вне зависимости от его происхождения и благосостояния: именно человек во всей его многогранности становится главной ценностью. Философы XVIII века пытались освободить человеческие ценности из-под гнета божественных ценностей. Во второй половине XIX века ценностная структура мира и роль человека в ней становятся предметом изучения отдельного раздела философии – аксиологии, формальное возникновение которой связывают с книгой Р. Г. Лотце «Микрокосмос», издававшейся с 1856 по 1864 гг. [Шапочникова 2005] Сам термин «аксиология» был введен П. Лапи и Э. Гартманом в начале XX века. Расцвет аксиологии, однако, пришелся на середину XX века и часто связывается с феноменологией Э. Гуссерля: мир в рамках феноменологии рассматривается как «пункт направленности», как «интенциональное переживание», в результате которого возникают интуитивные представления, смыслы, оценки [Гуссерль 2009]. Одновременно с этим, началось переосмысление вопроса ценностей и с позиций логики. Так, логика оценок ставит своей целью выявление логических законов и механизмов формирования оценки [Ивин 1970].

Как нам кажется, оценочность как языковая категория объединяет в себе все то, что становилось предметом изучения в философии и логике: с одной стороны, языковая оценка неизменно связана с системой ценностей

говорящего, тогда как интерпретация оценки зависит от системы ценностей реципиента. С другой стороны, процесс продуцирования оценочного суждения во многом обусловлен логическими законами формирования оценки. Таким образом, именно в языковой оценке актуализируются ценностные ориентиры человека, однако данный процесс не хаотичен, а происходит согласно определенным логическим механизмам. Именно оценочная семантика связывает «концептуальную речемыслительную деятельность человека говорящего со всем многообразием объектов окружающей действительности» [Маркелова 1993: 8].

Под оценкой, прежде всего, понимают интеллектуально-психический акт, в процессе которого говорящий дает положительную или отрицательную характеристику предмета, причем эта характеристика всегда основывается на признании или непризнании некой ценности [Темиргазина 2015]. Как отмечает З. К. Темиргазина, «в формально-содержательном плане конкретное ценностное значение можно считать мировоззренческим смысловым содержанием ценностного отношения, а оценку – психологический процесс, в котором ценность «схватывается» сознанием, считать его формой» [Темиргазина 2015: 17]. Е. М. Вольф рассматривает оценку как семантическое понятие, подразумевающее ценностный аспект значения языковых выражений. По мнению Е. М. Вольф, оценка, с семантической точки зрения, подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как А – субъект оценки – считает, что Б – объект оценки – хороший или плохой [Вольф 2006]. Л. М. Васильев определяет оценку как один из способов познания действительности, наряду с глагольными наклонениями и делением слов на части речи, и считает, что «некоторые собственно модальные значения (например, значение необходимости, значение возможности и т. п.) могут быть истолкованы и как оценочные, ибо выражают оценочные суждения о «положении дел», оценочный способ познания мира» [Васильев 1996: 57].

Определение, предложенное В. Н. Телией, однако, нам представляется наиболее точным: «Оценка – это связь, устанавливаемая между ценностной

ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия 1986: 22 – 23]. Ключевым моментом в данном определении, иногда игнорируемом в других дефинициях, является акцент на том, что оценка – это не просто суждение о чем-либо, но также соотнесение некоего фрагмента действительности с понятиями «хорошо» и «плохо».

Н. Д. Арутюнова считает, что оценка является одним из наиболее важных типов прагматического значения, то есть значения, которое слово или высказывание приобретает в ситуации речи [Арутюнова 1988]. В процессе интерпретации слова и высказываний важно не только собственно значение слова, но и различные прагматические импликации, поэтому для интерпретации оценочных значений нужно знать все детали контекста. Оценка всегда мотивируется фактическими свойствами предмета (явления, процесса, ситуации), но оценка не может верифицироваться: одни и те же мотивы могут использоваться для разных типов оценки. Высокая степень обусловленности контекстом делает оценку одним из «наиболее трудно определяемых типов прагматического значения» [Арутюнова 1988: 5].

Как отмечает В. Гумбольдт, «язык, являясь важнейшим средством общения, выражает всевозможные оценки» [Гумбольдт 2000: 344], поэтому функции оценки довольно разнообразны: когнитивная, прагматическая, аксиологическая, эмотивная, кумулятивная, апеллятивная, метаязыковая, дидактическая, познавательная [Арутюнова 1988; Маркелова 1993; Гумбольдт 2000; Трипольская 2003; Вольф 2006; Данилевская 2009б; Шилихина 2013; Телицына 2016]. При этом свойственный языку способ концептуализации действительности носит отчасти универсальный, отчасти национально-специфичный характер [Апресян 1995; Ефанова 2013].

Как мы видим, оценочность – комплексное явление, интегрирующее понятия из области философии, логики, этики, лингвистики. Оценка как ментальный процесс установления ценности чего-либо во многом зависит от

контекста и от говорящего: оценочные значения выражают мнения, чувства, личные вкусы говорящего субъекта. Оценка является сугубо индивидуальным понятием. В то же время, оценка социально обусловлена, поскольку она отражает нормы, традиции, мировоззрения, принятые в конкретном обществе и во всем мире в целом. Среди основных функций оценки можно выделить такие функции, как когнитивная, прагматическая, аксиологическая, эмотивная, кумулятивная, апеллятивная, метаязыковая, дидактическая.

1.1.2 Основные виды классификаций оценки

Оценка неоднократно становилась объектом многочисленных классификаций: разнообразие трактовок понятия языковой оценки, которые приводятся различными исследователями, привело к тому, что не существует единой классификации оценочных значений. В зависимости от конкретных целей исследования лингвисты при анализе проявлений языковой оценочности обращаются к разным классификациям типов оценки.

Критерий, лежащий в основе одной из наиболее популярных классификаций оценок – аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического характера – «хорошо» и «плохо» – позволяют в зависимости от знака оценки выделить положительную (мелиоративную) и отрицательную (пейоративную) оценку [Вольф 2006]. Деление оценок на положительные и отрицательные признается большинством исследователей, поскольку соотнесение объекта окружающей действительности с понятиями «хорошо» и «плохо» – ключевой признак любой оценки.

Согласно второй, также довольно распространенной классификации, все оценочные значения могут быть разделены на общеоценочные и частнооценочные [Вригт фон 1986; Арутюнова 1988]. Значение относят к общеоценочному, если объекту дается общая оценка, т. е. невозможно с точностью определить, какое объективное качество легло в основу оценки. Основанием частных оценок, напротив, являются определенные качества объекта оценки. К общеоценочным значениям, например, можно отнести

такие прилагательные, как *хороший*; *замечательный*; *превосходный*. Прилагательные *техничный*; *яркий*; *четкий* – примеры частнооценочных значений.

Наличие эмотивного компонента – еще один релевантный критерий, позволяющий говорить о рациональных (интеллектуально-логических) и эмоциональных оценках в зависимости от наличия или отсутствия данного компонента [Арутюнова 1988; Прокопчик 2010]. Рациональные оценки опираются на социальные стереотипы и рассудочное переосмысление качеств объекта обсуждения, тогда как второй тип, как правило, связывают с непосредственной реакцией на объект оценки, поэтому такая оценка по мнению некоторых исследователей характеризуется эмоциональностью и экспрессивностью.

Оценки также могут быть вербальными (словесными) и невербальными (выраженными с помощью жестов, мимики, интонации, в знаковой форме). Исследование невербальных оценок приобрело особую популярность с развитием электронных средств общения и появлением эмодзи – языка идеограмм и смайликов [Крылов 2017]. С помощью эмодзи возможно выражение не только широкого спектра эмоций, но и трансляция положительных и отрицательных смыслов.

Согласно тому, как именно оценка реализуется в тексте, все оценки можно разделить на прямые и косвенные [Самигуллина, Федорова 2004]. Использование таких лексем, как *потрясающий*; *удачный*; *провальный* мы связываем с прямой оценкой. Косвенная оценка – более комплексное явление, характеризующееся тем, что оценка выражена непрямо, т. е. оценочная сема не входит в денотативное значение слов, с помощью которых субъект оценки выражает свое отношение к некоему фрагменту действительности.

Соответственно, оценочность находит выражение в определенных оценочных значениях, которые, в свою очередь, могут быть классифицированы согласно таким критериям, как аксиологическая интерпретация (положительная и отрицательная оценка), характер основания оценки (общая и частная оценка), наличие эмотивного компонента

(рациональная и эмоциональная оценка), вербальность (вербальная и невербальная оценка), способ выражения оценки (прямая и косвенная оценка).

1.1.3 Косвенная оценка и речевое воздействие

Как было сказано выше, оценка может быть выражена как прямо, так и косвенно. Косвенная оценка как разновидность оценки, где оценочные смыслы выражены опосредованно, представляется нам более интересным явлением, чем прямая оценка. Действительно, учитывая опосредованный характер выражения косвенных оценочных значений, можно сделать вывод, что косвенная оценка принадлежит сфере не прямой коммуникации. В. В. Дементьев определяет не прямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2006: 5]. Сама природа языка в сочетании с особенностями человеческого мышления обусловили преимущественно не прямое выражение смыслов [Серль 1986; Гоготишвили 2006; Hall 1969; Vallauri 2016].

Непрямая коммуникация и косвенная оценка как ее разновидность непосредственно связаны с категорией интенциональности, так как выбор косвенных средств выражения смыслов обусловлен интенциями автора высказывания. Понятие интенциональности восходит к философии Средневековья [Перлер 2016], по крайней мере, в трудах философов той эпохи можно встретить термин «intentio» (от лат. «стремление», «намерение»). В современной философии понятие «интенциональность» было сформулировано Ф. Brentano, предположившим, что любой психологический акт имеет интенциональную направленность [Брентано 1996]. Однако, наибольшее развитие идея интенциональности получила в работах Э. Гуссерля, посвященных феноменологии [Гуссерль 2009]: центральным понятием данной теории стала «интенциональность сознания», т. е. обязательная направленность сознания на объект.

Идеи феноменологии Э. Гуссерля нашли отражение и в некоторых моделях коммуникации. Так, долгое время основной моделью речевой коммуникации считалась информационно-кодовая модель, разработанная К. Шэнноном и У. Уивером, согласно которой речевая коммуникация представляет собой осознанный процесс обмена информацией между коммуникантами [Shannon, Weaver 1949]. В инференционной модели коммуникации Г. Грайса, однако, категория интенциональности уже была принята в расчет: в рамках данной модели коммуникация рассматривается как стремление коммуникантов обменяться смыслами с целью сделать свои интенции понятными для собеседника [Grice 1971]. Следующей ступенью стала интеракционная модель коммуникации, которая также подчеркивает значимость интенций коммуникантов, но допускает неосознанную передачу смыслов [Schiffrin 1994].

Сходный процесс мы наблюдаем при косвенной оценке: с одной стороны, автор использует косвенные средства выражения оценки, преследуя некие цели (усилить степень воздействия на реципиента, снизить категоричность высказывания и пр.), с другой – мы допускаем возможность передачи оценочных смыслов, которые автор изначально не вкладывал в высказывание. Причиной неосознанной трансляции оценочных смыслов может стать, например, потенциальная оценочность языковых единиц, которая в определенной ситуации позволяет реципиенту текста увидеть оценку там, где, вероятно, ее нет (хотя возможно и обратное – когда реципиент не видит оценку там, где она есть, в силу косвенного способа ее выражения).

Несмотря на то, что в некоторых случаях возможна передача оценочных смыслов без конкретных интенций, в большинстве речевых ситуаций оценка имеет явный интенциональный характер [Павлова 2004; Шилихина 2014]. Под актом общения с точки зрения его целенаправленности, т. е. интенциональности А. А. Леонтьев понимает речевое воздействие [Леонтьев 2010]. Речевое воздействие приобретает особое значение в процессе выражения оценки в институциональных

дискурсах, хотя, как отмечалось выше, интенциональная направленность оценки – ее универсальное свойство. Так, в массмедийном дискурсе, например, журналист, давая оценку тому или иному событию, преследует конкретные цели, а именно информирования, непосредственно оценивания и воздействия на реципиента текста посредством оценивания. Функции информирования, оценивания и воздействия, как правило, тесно взаимосвязаны, но функция воздействия нам представляется ведущей.

Говоря о речевом воздействии, нельзя не упомянуть категории персуазивности и суггестивности (суггестии). Большинство исследователей разграничивают данные категории, акцентируя внимание на том, что персуазивность непосредственно связана с убеждением, воздействием на сознательную сферу человека [Рюкова, Филимонова 2016; Катермина, Сафронова 2017; Alemi, Ashkan 2018; Plevskaya 2019], тогда как суггестивность направлена на бессознательное, т. е. это, скорее, внушение [Полуйкова 2012]. Ю. Е. Чубарова и С. В. Юткина, например, сопоставляют категорию персуазивности с рационально-интеллектуальной сферой. Суггестия, в свою очередь, в их исследовании соотносится исключительно с эмоциональной сферой [Чубарова, Юткина 2008]. Одновременно с этим, Ю. Е. Чубарова и С. В. Юткина отмечают скрытый характер суггестии. Л. А. Будниченко в своей статье про суггестивную направленность публицистического текста подчеркивает, что суггестия связана со скрытым воздействием через эмоции и передачей собственных оценок и мнений [Будниченко 2012]. Согласно данному подходу, суггестивное воздействие также возможно в случае, когда субъект речевого воздействия апеллирует к эмоциональной сфере реципиента.

Критерии разграничения понятий «персуазивность» и «суггестивность» – с одной стороны, апеллирование к рациональной / эмоциональной сфере объекта воздействия, с другой стороны, явный / скрытый характер воздействия – представляются нам несколько разнородными по некоторым причинам. Как следует из вышеупомянутых работ, персуазивность – явное воздействие через аргументы, в то время как суггестивность – скрытое

воздействие на эмоциональную сферу реципиента. Маловероятно, что возможно оказывать неявное речевое воздействие на кого-либо с помощью конкретных доводов: аргументация, скорее всего, в большинстве случаев носит явный характер. Воздействие на эмоции, однако, вполне может быть неявным, т. е. не осознаваться объектом воздействия.

Разграничение персуазивности и суггестивности, несомненно, необходимо, однако основополагающим критерием, по нашему мнению, является явный (персуазивность) и скрытый (суггестивность) характер воздействия, поскольку персуазивность допускает апеллирование к рациональной и эмоциональной сферам, а суггестивность – апеллирование исключительно к эмоциональной сфере в силу того, что рассудочная аргументация вряд ли может быть неявной. Не случайно, в ряде работ в качестве примеров суггестивных текстов приводят тексты молитв, заговоров, аутотренингов [Романов 2004], т. е. случаи, когда речевое воздействие направлено на сферу бессознательного.

Оценочная деятельность приобретает особое значение в СМИ – пространстве, где реализуются политический, спортивный и другие институциональные дискурсы, и с функциональной точки зрения, журналист, давая оценку тому или иному явлению, стремится не только информировать зрителей или читателей, но и воздействовать на их мнение [Манаенко 2014]. Таким образом, в медийных текстах категория оценочности пересекается с категорией персуазивности, под которой подразумевается намеренное воздействие на когнитивно-ментальную сферу читателя с целью добиться нужного результата [Виноградов 1996; Демьянков 2002; Гаврилов 2013; Soules 2015; Heaton 2018]. Как отмечают [Клушина 2008], [Садовская 2016], [Мартемьянова 2013], именно косвенная оценка становится одним из основных средств воздействия на реципиента медийного текста.

Косвенная оценка, таким образом, может содержать элементы персуазивности (если субъект оценки объясняет свое отношение к объекту и приводит некие доводы) и суггестивности (если высока степень экспрессивности оценки).

1.1.4 Косвенная оценка и хеджирование

Косвенная оценка, будучи частью непрямой коммуникации, может быть связана с хеджированием (хеджингом) – уклонением от прямого ответа [Горина, Храброва 2017].

Считается, что термин хеджинг был впервые использован Дж. Лакоффом в работе «Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts» [Lakoff 1975]: английское слово *hedge* означает «живая изгородь», и, видимо, поэтому Дж. Лакофф решил его использовать для метафорического обозначения явления речевого «отгораживания», уклончивости с помощью таких дискурсивных маркеров как *kind of; sort of; rather; essentially; basically; principally; particularly; literally; actually* и пр. В ряде работ данную разновидность дискурсивных маркеров называют хедж-маркерами или хеджами [Марюхин 2008]. Э. Принс и ее коллеги делят хедж-маркеры на две группы: 1) щиты (shields) – хедж-маркеры, показывающие отношение говорящего к достоверности пропозиции, и 2) аппроксиматоры (approximators) – хедж-маркеры, указывающие на истинность всей пропозиции [Prince et al. 1982].

Явление хеджирования, изначально появившееся в рамках исследования слов, используемых для того, чтобы подчеркнуть неуверенность в точности сообщаемой информации, в конце 1980-х годов стало трактоваться гораздо шире. Так, П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987] рассматривали хеджирование как часть теории вежливости: согласно данной теории важной задачей каждого члена общества является «сохранение лица» (*face-saving*), и именно хеджирование – использование специальных слов и словосочетаний – это один из способов сохранения «лица» говорящего. В других работах [Lachowicz 1981; Schröder 1992, 1997; Darian 1995; Hyland 1998; Nikula 1997] хеджирование анализировалось как средство смягчения просьб и извинений, причем в качестве средств хеджирования приводились предложения с обобщенно-личным значением, пассивные конструкции, местоимения, модальные глаголы, риторические и стилистические средства. Хеджирование также стало предметом

социолингвистических исследований [Biber et al. 1999; Farr et al. 2004; O’Keeffe et al. 2007; Knight et al. 2013; Gray, Biber 2015], посвященных проблемам снижения авторитарной тональности в обиходно-бытовом, академическом, новостном и других дискурсах. Более того, термин «хеджирование» как особый вид сделки, целью которой является урегулирование, «страховка» финансовых рисков, проник и в экономическую сферу [Огорокова 2017].

Работа А. П. Марюхина «Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков)», как нам кажется, является одним из наиболее важных отечественных исследований в области хеджирования: ее автор связывает неопределенность термина «хеджирование» с тем фактом, что расплывчатость и неясность как атрибуты хеджирования распространяются не только на слова, но на все коммуникативное пространство [Марюхин 2010]. Исследователь также предпринял попытку обозначить основные явления, составляющие основу хеджирования и уже становившиеся предметом исследования отечественных и зарубежных ученых:

1) явления первого порядка (конструкты коммуникативного «отгораживания»): эпистемическая модальность [Palmer 1979]; downtoners (даунтонеры, смягчающие операторы степени) [Blum-Kulka et al. 1989]; shields («щиты») [Prince et al. 1982]; детенсификаторы [Hübler 1983]; степень обязательной очевидности [Chafe 1986]; «смягчение» [Brown, Levinson 1987]; аппроксиматоры; интенсификаторы; преуменьшение;

2) явления второго порядка – категории коммуникативного «отгораживания»: дискурсивные маркеры [Schiffrin 1991]; субкатегории позиционного метадискурса [Crismore 1990]; полиграмматическое явление [Hyland 1998];

3) явления третьего порядка – «отгораживание» как особая разновидность коммуникативно-опосредованного разобщения: «непрямое говорение» (термин [Гоготишвили, 2006]); несобственно-прямая речь [Марюхин 2010].

Несмотря на то, что вышеприведенный список крайне неоднороден, он наглядно демонстрирует, сколько смежных и крайне разнородных понятий соприкасаются с категорией хеджирования.

Как отмечает К. Хайленд в работе «Hedging in Scientific Research Articles», «хеджирование можно отнести к любым лингвистическим средствам, которые используются либо для того, чтобы показать неполную принадлежность к истинностному значению сопутствующей пропозиции, либо с целью категоричного выражения принадлежности» [Hyland 1998 цит. по Петровой 2019: 114]. Хеджирование, вероятно, может осуществляться и невербально, но данный вопрос пока малоизучен.

Важной характеристикой хеджирования является его обусловленность контекстом. Так, говоря о средствах хеджирования, стоит допускать, что практически любое слово или фраза может создавать эффект хеджирования в определенном контексте [Darlan 1995; Vlasyan 2018]. Следовательно, хеджирование, прежде всего, связывается с категориями неясности, снижения категоричности. В научной речи хеджирование вызвано необходимостью снижения категоричности суждений и уменьшения степени личной ответственности за сказанное [Руцкая, Звягина 2018]. Педагогический дискурс характеризуется высокой частотностью использования средств хеджирования для смягчения комментариев преподавателя [Farr et al. 2004]. В ситуации повседневного общения хеджирование необходимо для соблюдения норм вежливости, тактичности [Власян, Петрова 2019].

Косвенная оценка, как и хеджирование, может быть связана со «смягчением» транслируемых смыслов. Так, А. П. Марюхин отмечает, что хеджирование позволяет говорящему 1) индивидуализировать свое высказывание; 2) установить ответственность за достоверность пропозиции; 3) ограничить степень достоверности или действительности суждения; 4) избежать абсолютной трактовки [Марюхин 2010: 12]. Как нам кажется, косвенная оценка позволяет реализовать субъекту оценки те же возможности, что еще раз демонстрирует тесную взаимосвязь между косвенной оценкой и хеджированием. Необходимость смягчения оценки может быть обусловлена

определенной коммуникативной ситуацией: в рамках некоторых видов институциональных дискурсов, например, в массмедийных дискурсах, косвенная оценка – довольно распространенный феномен, поскольку этика журналиста не всегда позволяет говорящему выражать мнение в открытой, категоричной форме. Этические принципы и законодательные нормы также могут стать причиной ограничения степени достоверности суждения. В рамках профессионального общения, допустим, в ситуации, когда два комментатора обсуждают одного спортсмена, возможно косвенное оценивание друг друга и уже высказанных суждений. В таком случае речевые стратегии снижения категоричности необходимы для соблюдения норм речевого этикета и для снижения коммуникативных, социальных и профессиональных рисков [Рискогенность 2016].

Подобные причины использования косвенной оценки можно наблюдать практически во всех институциональных дискурсах, что, вероятно, связано с общественной значимостью социальных институтов и текстов, реализуемых в рамках этих институтов. Так, хеджирование, как и косвенная оценка, нередко встречается в юридическом, политическом, научном, спортивном дискурсах. Пренебрежение средствами хеджирования при выражении оценки в данных видах дискурса может иметь неблагоприятные юридические последствия, стать причиной дипломатического скандала, вызвать негативный общественный резонанс. Таким образом, косвенная оценка неразрывно связана с хеджированием как средством смягчения категоричности, авторитарности высказывания, что особенно релевантно в институциональных дискурсах [Вольф 2006; Щербатых 2012].

Учитывая то, что в большинстве научных работ хеджирование преимущественно анализируется с позиций неясности, расплывчатости, некатегоричности, тот факт, что хедж-маркеры могут выступать средством речевого воздействия, не столь очевиден. Однако именно эту особенность хеджирования отмечает О. Д. Пастухова, анализируя способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе [Пастухова 2018]. О. Д. Пастухова отдельно подчеркивает, что хеджи «помогают построить

высказывание таким образом, чтобы оно не провоцировало никаких конфликтов, не создавало ощущение дискомфорта, не становилось причиной споров и т. д.» [Пастухова 2018: 97]: исследовательница не отрицает «расплывчатой» природы хеджирования, но рассматривает данное понятия несколько шире – как средство речевого воздействия. В рамках данного подхода, следовательно, снижение категоричности высказывания – не просто способ соблюдения норм вежливости и этики: хеджирование имеет несколько более глобальную цель – речевое воздействие на реципиента путем создания бесконфликтной речевой ситуации.

В предыдущей части этой главы мы уже рассматривали корреляцию косвенной оценки и категорий персуазивности и суггестивности – основных видов речевого воздействия. Хеджирование, как оказалось, также связано с речевым воздействием, хотя данная взаимосвязь несколько опосредована. В любом случае, сложно отрицать, что анализ косвенной оценки вряд ли возможен без учета особенностей такого языкового явления, как хеджирование, поскольку смягчение мнений и оценок, что часто достигается с помощью косвенной оценки, является важным компонентом речевой коммуникации.

1.2 Общая проблематика исследования спортивного медиадискурса

1.2.1 Спортивный медиадискурс как субдискурс спортивного дискурса: базовые характеристики

В современной лингвистике большое внимание уделяется институциональным типам дискурса – типам дискурса, присущим тем или иным социальным институтам, функционирующим в обществе в определенный исторический период [Карасик 2000; Карасик 2002; Манаенко 2017; Phillips et al. 2004]. Под термином «социальный институт» подразумевается, прежде всего, исторически сложившаяся форма организации и регулирования общественной жизни, необходимая для выполнения жизненно важных для общества функций, включающая совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных

учреждений, систему контроля [Социальная политика: энциклопедический словарь 2005]. На современном этапе развития общества выделяются такие виды институционального дискурса, как научный, массово-информационный (массмедийный), политический, педагогический, медицинский, религиозный, юридический, рекламный, деловой, спортивный и мн. др.

Рассмотрим основные характеристики спортивного дискурса. Проблемам спортивного дискурса посвящены многочисленные работы таких исследователей, как О. А. Панкратова, Б. А. Зильберт и А. Б. Зильберт, К. В. Снятков, Е. Г. Малышева и мн. др. К. В. Снятков подчеркивает, что главная характеристика спортивного дискурса – трансляция смыслов, определяющих спортивную деятельность [Снятков 2008]. Значимость спортивной тематики как конституирующего элемента подчеркивает и Е. Г. Малышева [Малышева 2011]. В нашем исследовании мы придерживаемся широкого понимания спортивного дискурса как современного социокультурного конструкта, совокупности коммуникативных практик, обслуживающих институт спорта [Кудрин 2011].

Р. В. Белютин представляет спортивный дискурс как совокупность субдискурсов тренеров, спортсменов, болельщиков, массмедийного субдискурса и пр. [Белютин 2012]. Спортивный дискурс действительно отличается крайней неоднородностью и может включать в себя довольно различные образования в зависимости от состава участников, условий и целей коммуникации [Исаева, Казарина 2012; Вэньчун 2015; Бобырева 2016]. В связи с этим, нам кажется целесообразным рассматривать спортивный дискурс как некий континуум, имеющий ядро, ближнюю и дальнюю периферии, а спортивный медиадискурс – как субдискурс спортивного дискурса, занимающий определенное место в этом континууме.

Рассмотрим подробнее континуум спортивного дискурса. К ядру континуума спортивного дискурса относится общение базовых участников спорта как социального института. Базовые участники или актанты ядерной зоны спортивного дискурса включают в себя как профессиональных (спортсмены, тренеры, судьи и пр.), так и «полупрофессиональных»

(спортивные врачи, менеджеры, массажисты и пр.) коммуникантов [Исаева, Казарина 2012]. Для ядерной зоны спортивного дискурса характерна определенная коммуникативная цель – успешное осуществление спортивной деятельности и достижение спортивных результатов [Панкратова 2005]. Важную роль играет и профессиональная ситуация общения, т. е. ситуация общения, в которой в наибольшей степени реализуются статусные позиции участников (например, тренировка).

К ближней периферии, по нашему мнению, могут быть отнесены такие виды спортивного дискурса, как спортивно-учебный дискурс, спортивно-научный дискурс и, собственно, спортивный медиадискурс. Данные дискурсивные разновидности отличаются включением в спортивный дискурс элементов педагогического, научного и массмедийного дискурсов соответственно. Помимо субъектов, непосредственно вовлеченных в спортивную деятельность, участниками околоядерной зоны спортивного дискурса выступают 1) преподаватели специализированных дисциплин, направленных на формирование профессиональных качеств у будущих деятелей спорта как социального института; 2) ученые, занимающиеся исследованием процессов подготовки спортсменов и разработкой оптимальных методик достижения наивысших спортивных результатов; 3) журналисты, информирующие непрофессионалов о том, что происходит в мире спорта. Коммуникативные цели могут варьироваться от обучения будущих спортсменов и тренеров до популяризации спорта и формирования его социального имиджа, а ситуации общения в полной мере сохраняют свой институциональный характер.

Дальняя периферия спортивного дискурса содержит различные дискурсивные образования, которые объединяет их соотнесенность со спортивной тематикой, и, как следствие, подобные разновидности спортивного дискурса обладают широким спектром участников, целей и ситуаций общения. Так, в качестве коммуникантов здесь могут выступать практически любые языковые личности, обращающиеся к институту спорта, причем институциональные признаки ситуаций общения могут

нейтрализоваться, частично или полностью (общение болельщиков, воспоминания спортсменов, комментарии к видеозаписям соревнований и пр.). Коммуникативные цели участников общения также весьма неоднородны: установление контакта с окружающими, пропаганда здорового образа жизни, маркирование «себе подобных», выражение своего мнения относительно спортивного события или поведения спортсмена [Исаева, Казарина 2012]. Следовательно, на дальней периферии спортивного дискурса находятся коммуникативные ситуации, тематически связанные со спортом, однако их дискурсивно-когнитивная доминанта лишь косвенно связана со спортивными событиями. Так, например, обсуждение спортивных соревнований в ситуации повседневного общения относится, скорее, к персональному типу дискурса; официальное объявление состава жюри перед началом соревнований – принадлежит, преимущественно, сфере делового дискурса, судебное разбирательство по вопросу дисквалификации какого-либо спортсмена – юридическому. Ряд подобных примеров можно продолжать практически бесконечно, находя области пересечения периферийных зон различных дискурсов.

Данное исследование посвящено спортивному медиадискурсу, относящемуся к ближней периферии спортивного дискурса. Спортивный медиадискурс – это субдискурс спортивного дискурса, главная характеристика которого – освещение спортивного события в СМИ. Под хронотопом спортивного медиадискурса понимается время и место проведения спортивного соревнования [Панкратова 2005; Малышева 2011], а в качестве базовой пары участников спортивного медиадискурса выступают журналист и читатель / зритель / слушатель [Зильберт, Зильберт 2001], причем второй участник этой диады – всегда массовый. Массовость аудитории, в свою очередь, определяет поведение журналиста. Так, журналист 1) ориентируется на информационные запросы публики, т. е. учитывает тематическую уместность сообщаемого; 2) транслирует оценки и мнения, способные заинтересовать массовую аудиторию, одновременно с этим ограничивая слишком субъективные высказывания; 3)

учитывает особенности восприятия информации аудиторией, объясняя сложные термины или не совсем понятные ситуации [Качанов, Шестерина 2015]. Отсутствие обратной связи с массовой аудиторией обуславливает монологический характер речи журналиста, за исключением тех случаев, когда теле- или радиожурналисты работают в паре. Однако даже работа «в одиночку» не исключает диалогизации речи журналиста, включающей, например, обращения к невидимому зрителю [Малышева 2011; Бобырева 2016; Гаранина 2018], причем это характерно как для устной, так и для письменной разновидности спортивного медиадискурса.

Основная коммуникативная цель спортивного медиадискурса – сообщить массовой аудитории о событиях, происходящих в сфере спорта. Помимо основной коммуникативной цели существуют и сопутствующие цели: 1) способствовать формированию положительного имиджа спорта; 2) поддерживать интерес общества к спорту и привлекать более широкую аудиторию; 3) формировать определенное отношение к какому-либо спортсмену, спортивному явлению или событию; 4) привлекать внимание к проблемам, связанным с институтом спорта. Коммуникативные цели спортивного медиадискурса, конечно, вышеперечисленными не исчерпываются.

А. А. Трубченинова и Н. А. Пром отмечают такую важную особенность спортивного медиадискурса, как развлекательную форму подачи информации о спортивных событиях, что обусловлено влиянием массовой культуры: журналисты стараются акцентировать те стороны спортивного события, которые потенциально интереснее для читателей или зрителей [Трубченинова 2006; Пром 2008]. Д. Б. Гудков, говоря о тенденциях в современном институте спорта, упоминает о двух параллельных процессах: росте значимости спорта в СМИ и всевозрастающей медийности спорта. В качестве примера исследователь приводит случаи, когда федерации некоторых видов спорта специально меняют правила соревнований, чтобы сделать их более зрелищными и, следовательно, более привлекательными для зрителей [Гудков 2010]. Стремление «развлечь» публику, в свою очередь, влияет на языковое

воплощение спортивного медиадискурса, для которого свойственна эмоциональность и экспрессивность [Трубченинова 2006; Клушина 2010; Никитина 2010; Малышева 2011; Ласкова, Егорова 2019].

Другой значимой характеристикой спортивного медиадискурса является его неизолированность [Качанов, Шестерина 2015], что выражается в тематическом и концептном взаимодействии с другими дискурсами: подробнее данную особенность спортивного медиадискурса мы рассмотрим ниже (раздел 1.2.3).

Таким образом, спортивный медиадискурс, являющийся одним из субдискурсов спортивного дискурса, сочетает в себе черты как спортивной, так и массмедийной дискурсивных разновидностей: все происходящее в мире спорта выступает как тематическая основа спортивного дискурса, тогда как базовые участники (журналист и массовая аудитория) и основная коммуникативная цель (информировать массового реципиента о событиях в институте спорта) характерны для массмедийного дискурса. Помимо этого, от других видов спортивного дискурса спортивный медиадискурс отличает нацеленность на формирование общественного мнения в совокупности с развлекательной составляющей.

1.2.2 Жанры спортивного медиадискурса

Многообразие целей и задач спортивного медиадискурса определяет широкий спектр его жанров. Но прежде, чем говорить об особенностях жанров спортивного медиадискурса, представляется целесообразным рассмотреть термин «речевой жанр» в современной лингвистике.

Речевые жанры – объект многочисленных исследований [Алпатов 2002; Данилов 2002; Салимовский 2002; Седов 2002; Шейгал 2002; Иванова 2004; Москвин 2005; Паршина 2005; Алефиренко 2007; Рабенко 2008; Дементьев 2010; Карасик, Бейлинсон 2010; Дубровская 2013; Колокольцева 2016; Новикова 2018; Шилихина 2018; Wierzbicka 1983; Swales 1990; Yates et al. 1999; Hanks 2000; Bhatia 2002; Witosz 2005; Lakoff 2006; Tannen 2010; Mustajoki 2013]. Если прежде речевые жанры рассматривались в основном с

позиции их структуры, то в настоящее время в жанроведении доминирует лингвопрагматический аспект, в рамках которого речевые жанры изучаются в контексте коммуникативной ситуации [Дементьев, Седов 1998; Тырыгина 2008].

В ряде работ подчеркивается, что речевой жанр – обязательный элемент социального взаимодействия людей [Макаров 1998; Долинин 1999; Борисова 2001; Могилевская 2006]. Р. Робинс утверждает, что речевые жанры – средство «индивидуации текста» и что это связано с тем, что речевые жанры зависят не от «мыслей, которые надо облечь в словесную форму», а от видов деятельности, принятых в данном человеческом сообществе» [Robins 1971 цит. по Богин 1997: 22].

В. В. Дементьев определяет речевой жанр как «средство формализации социального взаимодействия» [Дементьев 2002: 30], причем исследователь отмечает важную роль адресата – релевантного аспекта речевого жанра, которому уделялось гораздо меньше внимания по сравнению с адресантом [Дементьев 2002]. Поэтому при изучении речевых жанров в современной лингвистике учитывается интенциональная природа речевых жанров [Нугуманова 2014], коммуникативное взаимодействие между адресантом и адресатом. В данной работе мы опираемся на определение речевого жанра, предложенное С. Ю. Даниловым, согласно которому речевой жанр – «речевая единица, которая воплощает интенциональное состояние, связывающее адресанта и адресата, и строится по тематическим, стилистическим и композиционным канонам, закрепленным в культуре» [Данилов 2002: 218].

Данная концепция также коррелирует с классической теорией жанров М. М. Бахтина, согласно которой стилистические и композиционные особенности речевого жанра определяют его функция, условия общения и конкретная ситуация коммуникативного общения [Бахтин 1996]. Сам термин «речевой жанр» был тоже предложен М. М. Бахтиным: по его мнению, понятие жанра тесно связано с понятием высказывания [Бахтин 1996], т. е. с конкретной речевой ситуацией. Для М. М. Бахтина характерно широкое понимание термина «высказывание», что во многом сближает данный термин

с речевым жанром. Так, речевому высказыванию, согласно М. М. Бахтину, присущи завершенность, предметно-смысловая исчерпанность, типические композиционно-жанровые формы, фактор адресата. Как пишет М. М. Бахтин в одной из своих работ, «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1996: 159]. Исследователь придает особую значимость речевым жанрам, говоря, что они «организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы <...>. Если бы речевых жанров не существовало <...>, речевое общение было бы почти невозможно» [Бахтин 1979: 257 – 258].

М. М. Бахтин также классифицирует все речевые жанры по параметрам первичности (простые речевые жанры, сформировавшиеся в условиях непосредственного речевого общения: шутка, просьба, обещание, объяснение, спор и т. п.) и вторичности (сложные речевые жанры, сложившиеся в условиях более сложных, социально обусловленных ситуациях общения: пародия, апелляция в суде, принесение присяги, лекция, дискуссия и т. п.) [Бахтин 1979]. К вторичным речевым жанрам мы относим и жанры спортивного медиадискурса.

Жанры медиасферы формировались в отрыве от теории литературных жанров, но в тесной взаимосвязи с обществом [Шмелева 2012]. Как следствие, речевые жанры массмедийного дискурса напрямую зависят от социальной действительности и от тех функций, которые СМИ выполняют в обществе [Скороходова 2008; Шмелева 2012; Попова 2018]. Так, по мнению Н. А. Пром, функция информирования в некоторых медийных жанрах уступила место функциям оценивания и воздействия [Пром 2011], а Н. И. Клушина подчеркивает развлекательную функцию жанров СМИ [Клушина 2010; Клушина 2015].

Предметом многочисленных дискуссий становятся общие принципы дифференциации и систематизации жанров медиасферы, их наименования, функции и пр. [Шмелева 2012], в связи с чем спорным является даже вопрос

приблизительного количества медиажанров. Некоторые исследователи выделяют до 400 жанров СМИ [Солганик 2010]. Т. В. Шмелева довольно точно описывает ситуацию в жанрах медийной сферы, говоря, что «теория медиажанров как бы догоняет практику» [Шмелева 2012: 28], поскольку именно фактический репертуар речевых жанров, обусловленный быстро меняющимися социальными факторами, становится предметом анализа, классификации и систематизации. Причем рост количества и разновидностей речевых жанров медиасферы настолько высок, что теория действительно «догоняет» практику. Именно данный подход, в рамках которого речевые жанры определяются дедуктивно, исходя из целей, участников, типа сценария, степени ритуализации, а также с опорой на реально существующие формы общения, кажется наиболее оптимальным [Карасик 2002]. Неслучайно, В. И. Коньков отмечает, что «система газетных жанров не является системой в строгом смысле этого термина, а представляет собой набор типов текстов, выделенных на разных основаниях с чисто прагматическими профессиональными намерениями на основе профессионального здравого смысла» [Коньков 2010: 59].

Жанры спортивного медиадискурса отличаются некоторой неоднородностью, что привело к возникновению нескольких классификаций жанров спортивного медиадискурса. Так, К. В. Снятков в зависимости от типа источника информации выделяет телевизионный и газетно-журнальный спортивный медиадискурс, а также его интернет- и радио- разновидности [Снятков 2008]. Вследствие того, что мы живем в эпоху информационных технологий, самыми распространенными видами спортивного медиадискурса сегодня являются электронные, т. е. те, которые реализуются через телевидение и Интернет [Crystal 2001].

К. В. Снятков выделяет три жанра электронного спортивного медиадискурса: 1) спортивная новость (спортивно-новостные передачи); 2) спортивная аналитическая программа; 3) спортивный комментарий (прямые трансляции) [Снятков 2008: 13]. Главное отличие первых двух жанров от последнего заключается в том, что в новостях и аналитических программах

гораздо чаще присутствует элемент подготовленности: материал заранее анализируется, комментируется, а зрителям (или слушателям) предоставляется результат работы спортивных аналитиков. В отличие от спортивной новости и спортивной аналитической программы, жанр «спортивный комментарий» может быть спонтанным. Конечно, часть информации также заранее продумывается (например, данные о спортсменах, тренерах, правила соревнований), но основная часть абсолютно спонтанна, поскольку невозможно заранее точно спрогнозировать все происходящее, предугадать все результаты. Поэтому данный жанр электронного спортивного медиадискурса характеризуется особенной эмоциональностью, экспрессивностью. К. В. Снятков относит жанр спортивного комментария к ядерным жанрам спортивного медиадискурса [Снятков 2008].

Ф. Н. Шарикова и Э. А. Орлова рассматривают жанры спортивного медиадискурса исходя из целей, участников и хронотопа спортивного медиадискурса. Основными целями исследователи считают: 1) освещение событий в спортивной жизни общества; 2) информирование о состоянии спорта; 3) формирование определенного отношения к занятиям спортом (пропаганда здорового образа жизни); 4) исследование направлений дальнейшего развития в мире спорта [Шарикова, Орлова 2017: 340]. Основными участниками спортивного медиадискурса, согласно данной концепции, могут выступать журналисты, спортивные комментаторы, теле- и радиоведущие спортивных программ, спортсмены. Хронотоп, в свою очередь, составляют различные места проведения спортивных мероприятий (непосредственно спортивная арена, тренировочные зоны, комментаторские кабинки и т. п.), телевизионная студия или радиостудия, время проведения и трансляции соревнования, записываемые на видео и транслируемые повторы удачных и неудачных моментов, время подготовки к соревнованию [Панкратова 2005]. В соответствии с целями, участниками и хронотопом выделяют такие речевые жанры спортивного медиадискурса, как спортивное интервью, спортивный репортаж, спортивные теле- и радионовости,

спортивный телевизионный комментарий, спортивная аналитическая статья, спортивное ток-шоу и др. [Шарикова, Орлова 2017; Панкратова 2005].

Таким образом, к ядерным жанрам спортивного медиадискурса мы, прежде всего, относим те жанры медиасферы, в которых в наибольшей степени реализуются задачи спорта как социального института, а именно спортивный комментарий и спортивную новость. Ближней периферии спортивного медиадискурса принадлежат спортивная аналитическая статья, спортивное превью, спортивный обзор, спортивное интервью, спортивная пресс-конференция, спортивное ток-шоу.

Объектом данного исследования являются три жанра спортивного медиадискурса: спортивный комментарий, спортивная новость и спортивное превью. Первые два жанра были выделены по причине их принадлежности к ядерной зоне спортивного медиадискурса, а спортивное превью интересно своей относительной новизной в медиасфере и малоизученностью.

1.2.2.1 Спортивный комментарий как ядерный жанр спортивного медиадискурса

Жанр спортивного комментария является центральным в спортивном медиадискурсе [Снятков 2008; Гутцайт 2012]. Стоит отметить, что в ряде работ в качестве ядерного жанра спортивного медиадискурса наряду со спортивным комментарием отмечается спортивный репортаж [Казеннова 2009; Алексеев 2017]. Некоторые исследователи пытаются разграничить термины «спортивный комментарий» и «спортивный репортаж», тогда как в других исследованиях данные понятия используются взаимозаменяемо. С одной стороны, в пользу разграничения данных жанров приводятся следующие доводы: 1) спортивный репортаж представляет собой ретрансляцию происходящих событий, а спортивный комментарий – аналитический жанр [Омуралиева 2014; Турлыгин 2019]; 2) журналист, работающий в жанре спортивного репортажа, должен быть предельно объективен, в то время как спортивный комментарий включает в себя субъективный компонент [Цвик 2004]; 3) спортивный комментарий может

быть составной частью репортажа [Лягунова 2017]. С другой стороны, в процессе комментирования трансляции спортивного соревнования происходит неизбежное смешение и взаимодействие как минимум двух видов деятельности: журналист не может просто описывать то, что происходит на его глазах, не анализируя это, как и невозможно комментирование чего-либо без опоры на визуальный ряд. Таким образом, описательный и аналитический блок в большинстве случаев неотделимы друг от друга.

Более того, с развитием технологий (например, с появлением экранов и мониторов высокого разрешения) описательный блок несколько утратил свою значимость: в эпоху радио и маленьких черно-белых телевизоров журналисту действительно приходилось подробно описывать то, что происходит на стадионе / катке / спортивной площадке. На современном этапе, однако, качество телевизионного видеоряда значительно превышает качество «картинки», наблюдаемой из комментаторской кабинки, поэтому комментатор также опирается на видеотрансляцию, включающую, например, видеоповторы. Как следствие, именно анализ происходящего становится ключевым аспектом работы комментатора.

Таким образом, как мы видим, разграничение жанров спортивного репортажа и спортивного комментария довольно условно, поэтому в данной работе мы поддерживаем мнение тех исследователей, которые отождествляют эти речевые жанры [Истрате 2006; Александрова 2011; Малышева 2011; Солнцева 2015]. Более того, учитывая то, что собственно комментирование превалирует над описанием происходящего, термин «спортивный комментарий» является, вероятно, более предпочтительным по сравнению с термином «спортивный репортаж» (от фр. *reporter* – сообщать).

Перейдем к анализу жанра «спортивный комментарий». Для характеристики данного жанра воспользуемся «анкетой» речевого жанра, предложенной Т. В. Шмелевой, включающей следующие компоненты: 1) коммуникативная цель жанра; 2) концепция автора (говорящего); 3) концепция адресата; 4) событийное содержание (коммуникативная ситуация); 5) фактор коммуникативного прошлого (взаимодействовали ли участники

коммуникации в прошлом); 6) фактор коммуникативного будущего (планируется ли дальнейшее взаимодействие участников коммуникации); 7) языковое воплощение (композиция) [Шмелева 1997: 90].

Коммуникативная цель спортивного комментария – вербализовать непосредственно наблюдаемую деятельность субъектов-агентов спортивного соревнования [Александрова 2011]. Для достижения этой цели спортивный комментатор выполняет ряд задач: 1) описать то, что происходит на спортивной площадке; 2) сообщить дополнительные факты, связанные с данной ситуацией; 3) проанализировать и обобщить информацию; 4) дать оценку происходящему. Поликодовый характер спортивного комментария и особый способ подачи информации, когда одновременно передаются знаки разной семиотической природы (зрительный ряд, музыка, звучащий вербальный текст), называемый в общей теории информации «фенестративным», привели к тому, что с развитием технологий собственно описательная составляющая спортивного комментария постепенно отходит на второй план [Зильберт, Зильберт 2001]. Как форма авторского самовыражения, напротив, более значимым компонентом спортивного комментария становятся анализ и оценивание [Пром 2008]. Данное явление, вероятно, связано с тем, что в наше время электронные разновидности спортивного комментария всегда сопровождаются красочным видеорядом, и комментатору не требуется детально описывать то, что происходит на спортивной площадке: в эпоху отсутствия Интернета и цветного телевидения, например, тележурналисты детально описывали форму спортсменов, ее цвет, а иногда и внешность спортсменов. Во время современных трансляций, если комментатор и обращает внимание зрителей на какую-то визуальную составляющую спортивного события, то, как правило, для того чтобы проанализировать ее и дать ей оценку.

Для характеристики жанра спортивного комментария важно учитывать позицию комментатора (что является концепцией автора согласно «анкете» жанров Т. В. Шмелевой). О. А. Панкратова отмечает, что комментатор является «медиатором между социумом и агентами спортивного дискурса,

обеспечивающими поставку культурологических концептов <...> формирует отношение к спорту и сопутствующим ему концептам как к национально значимым сущностям» [Панкратова 2005: 128]. Важно отметить, что концепция комментатора также обусловлена выполняемыми им функциями. Функции комментатора во многом совпадают с основными функциями языка и речи: информативная, когнитивная, номинативная, фатическая, оценочная, эмотивная, функция воздействия.

Е. Г. Малышева выделяет несколько основных типов языковых личностей комментаторов: комментатор-«репортер» (наиболее объективный тип комментатора, описывающий то, что происходит в течение соревнования), комментатор-«аналитик» (комментатор, объясняющий некоторые тонкости комментируемого вида спорта, анализирующий преимущества или ошибки спортсменов), комментатор-«знаток» (комментатор, показывающий довольно глубокие знания в области истории и современности какого-либо вида спорта и позиционирующий себя как крупный специалист), комментатор-«балагур» (комментатор, выполняющий развлекательную функцию, рассуждающий больше о подробностях частной жизни спортсменов, чем о самом соревновании); комментатор-«болельщик» (наиболее субъективный тип комментатора, открыто выражающего свои спортивные предпочтения) [Малышева 2011]. Как правило, в ситуации реального общения происходит смешение дискурсивных типов личностей комментаторов [Косякин 2014; Филимонова 2017], хотя один из типов может превалировать. При комментировании соревнований по фигурному катанию дискурсивный тип комментатора во многом зависит от того, является ли спортивный комментатор профессиональным журналистом, тренером, действующим или бывшим спортсменом.

Немаловажную роль в жанре спортивного комментария играет и фактор адресата. При рассмотрении концепции адресата необходимо учитывать, что адресат спортивного комментатора – массовая аудитория. Только компетентное налаживание и поддержание контакта с массовой аудиторией может обеспечить эффективную коммуникацию. Как правило, спортивный

комментарий рассчитан на широкий круг заинтересованных лиц, вследствие чего использование узкоспециализированной терминологии сводится до адекватного минимума, а особенно сложные термины комментатором поясняются. Тем не менее, предполагается, что большая часть аудитории относительно постоянна и все-таки владеет знаниями ключевой терминологии. Поэтому комментатор вынужден выстраивать свою речь таким образом, чтобы неподготовленный адресат понимал, что происходит на спортивной площадке и что имеет в виду журналист, а более «профессиональный» болельщик не заскучал от разъяснения очевидных для него понятий.

Фактор коммуникативного прошлого (взаимодействовали ли участники коммуникации в прошлом) логически связан с фактором адресата. Так, с одной стороны, среди аудитории могут оказаться те, кто мало знаком или вообще не знаком с правилами комментируемого спортивного соревнования, именами спортсменов, и, соответственно, с конкретным комментатором. С другой стороны, возможна и противоположная ситуация, когда поклонники какого-либо вида спорта не пропускают ни одной трансляции, имеют представление о том, кто, как и когда комментирует интересующие их спортивные соревнования. Как следствие, некоторые журналисты имеют собственную аудиторию, предпочитающую именно их стиль комментирования. Комментатор, конечно, не может знать процентное соотношение постоянных и новых слушателей или зрителей, но, думается, предполагает наличие обеих категорий. Что касается фактора коммуникативного будущего (планируется ли дальнейшее взаимодействие участников коммуникации), жанр спортивного комментария предусматривает возможность «перехода» части аудитории из одного спортивного соревнования в другое (в рамках одного вида спорта), что часто отражается в таких клишированных фразах комментаторов, как *До новых встреч!*; *Увидимся на Чемпионате Европы!* и пр.

Спортивный комментарий относится к жанрам с одной макротемой, поскольку объектом комментирования является конкретное спортивное

событие. Другая особенность данного жанра связана с композицией спортивного комментария, поскольку речь комментатора, во-первых, подчинена зрительному ряду, во-вторых, структуре спортивного соревнования. Тем самым, каждый спортивный комментарий композиционно состоит из следующих частей, переходящих из одного соревнования в другое: 1) представление спортсмена / команды; 2) непосредственно комментарий выступления / программы; 3) оглашение результатов / оценок [Снятков 2008].

Таким образом, возможно выделить несколько жанрообразующих характеристик спортивного комментария: 1. Комментатор – медиатор между зрителями и агентами спортивного дискурса (спортсменами, тренерами, судьями и другими непосредственными участниками спортивного соревнования). 2. Коммуникативная цель спортивного комментария – вербализация наблюдаемой деятельности субъектов-агентов спортивного соревнования. 3. Адресат спортивного комментария массовый, а степень подготовленности массового адресата может варьироваться. 4. Спортивный комментарий – жанр с одной макротемой, поскольку, как правило, сопровождает одно спортивное событие. 5. Композиция спортивного комментария подчинена зрительному ряду и структуре спортивного соревнования.

1.2.2.2 Спортивная новость

Еще одним ядерным жанром спортивного медиадискурса является спортивная новость. Несмотря на то, что основным жанром спортивного медиадискурса считается спортивный комментарий, спортивная новость, по мнению ряда лингвистов, также относится к ядерной части спортивного медиадискурса [Малышева 2011]. Жанр спортивной новости отличается высокой степенью подготовленности, т. к. объект сообщения – уже прошедшее спортивное событие.

Жанр спортивной новости представлен двумя разновидностями: письменной и устной. Спортивные новостные письменные тексты, как правило, встречаются в журналах и газетах спортивной тематики, а также на

вебсайтах, посвященных определенным видам спорта. Устные спортивные новости, в свою очередь, являются частью новостных программ общего характера или новостных программ спортивной направленности на телевидении и радио. Данное разделение довольно условно: как устные, так и письменные новости представляют собой заранее подготовленные тексты.

Объем письменной спортивной новости может варьироваться в зависимости от освещаемого события от одного-двух абзацев (если новость посвящена итогам одного из этапов соревнования, например, короткой программе у фигуристов-одиночников) до развернутых новостных текстов (в случае, когда подводятся общие итоги крупного международного соревнования). Устная разновидность спортивной новости, соответственно, также может быть как краткой (менее минуты), так и объемной (более полчаса), хотя длительные новостные сюжеты относительно редки. Характерными чертами жанра спортивной новости являются, с одной стороны, фактуальность и точность, с другой – эмоциональность и экспрессивность. Рассмотрим данный жанр подробнее, используя «анкету» речевых жанров Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997].

Коммуникативная цель жанра спортивной новости (как устной, так и письменной разновидности) состоит, прежде всего, в информировании телезрителей или читателей [Зильберт, Зильберт 2001; Снятков 2008]. Именно в жанре спортивной новости подводятся итоги спортивного соревнования [Conboy 2017], т. е. основная цель данного жанра – информирование читателей или телезрителей о результатах спортивного события. Наличие аналитического блока опционально: ведущий программы новостей или автор новостного текста может делать небольшие вставки, в которых анализируются причины удачи / неудачи спортсмена, решения судей или мотивы поведения тренеров и спортсменов во время и после соревнований. Тем не менее, данный компонент не является обязательным для спортивных новостей, поскольку главная задача данного жанра – сообщить значимую информацию. Оценочный блок, обязательный для жанра спортивного комментария, в спортивной новости присутствовать может, но

оценочный компонент, как и аналитический, не является обязательным. Так, сопровождать информацию об итогах соревнования некой оценкой кажется естественным, хотя ее отсутствие вполне возможно, если автор текста стремится сообщить исключительно факты о результатах спортивного события.

Ряд исследователей отмечает рекреативную (развлекательную) функцию СМИ [Трубченинова 2006; Федотова 2011], которая наиболее ярко проявляется в жанре спортивной новости [Панкратова 2005]: специалисты, готовящие новостной выпуск, могут целенаправленно выбирать для освещения наиболее интересные для массового адресата события. В некоторых случаях спортивная новость может приобретать черты ток-шоу [Панкратова 2005]. Спортивные новости пользуются большей популярностью по сравнению с другими жанрами СМИ, специализирующимися на «развлечении» массовой аудитории в силу того, что «реализм» спорта гораздо выше, чем в других, «придуманных» развлекательных передачах [Morse 1983]. Таким образом, наравне с ключевой функцией информирования и дополнительными функциями анализа и оценивания можно также говорить о рекреативной функции жанра «спортивная новость».

Автор или группа авторов спортивной новости в большинстве случаев неизвестны. Ведущий выпуска новостей номинально выполняет роль автора, являясь по сути медиатором, читающим заранее подготовленный текст. Задача автора, как правило, профессионального журналиста – познакомить телезрителей или читателей с итогами прошедшего спортивного соревнования, поэтому для спортивных новостей характерна результативная информативность [Снятков 2008].

Адресат спортивной новости всегда массовый [Зильберт, Зильберт 2001]. Любопытен тот факт, что адресат жанра спортивного комментария также является массовым, однако спортивная новость рассчитана на несколько более широкую аудиторию. Если основным адресатом спортивного комментария являются поклонники определенного вида спорта, то потенциальным адресатом спортивной новости является любой телезритель

или читатель массового издания. Адресат спортивного комментария должен обладать определенными фоновыми знаниями (виды программ, правила соревнования, система судейства, известные спортсмены и тренеры в данном виде спорта, названия технических элементов), тогда как адресат спортивной новости (если эта новость не размещена в узконаправленном издании спортивных СМИ или на специализированном вебсайте) может иметь только общее представление о том виде спорта, о котором идет речь в спортивной новости. Именно поэтому лексика спортивной новости менее специфична, а ведущий новостей или автор новости при необходимости поясняет те моменты, которые могут быть непонятны массовой аудитории.

Телевизионная спортивная новость представляет собой один из фрагментов новостной программы – компиляцию кратких сообщений на разные темы [Снятков 2008], причем речь ведущего подчинена заранее подготовленному видеоряду, сопровождающему новость. Задача видеоряда – проиллюстрировать сообщаемую информацию. Факторы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего в данном случае довольно условны, поскольку каждая спортивная новость – относительно изолированный текст. Помимо этого, возможны включения видеофрагментов с отрывками интервью спортсменов или их тренеров.

В случае с жанром новости в письменном спортивном медиадискурсе важно то, в каком издании или на каком вебсайте размещена спортивная новость: в изданиях общей тематики новостные тексты довольно изолированы, и для них не характерно наличие одной макротемы. Иная ситуация в специализированных спортивных СМИ: новостные заметки, следующие друг за другом, уже менее изолированы, и для них типична одна макротема – конкретный вид спорта. Факторы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего, следовательно, также могут играть важную роль: связь между разными новостными текстами может осуществляться с помощью гиперссылок. В качестве дополнительных компонентов письменной спортивной новости стоит отметить цитаты, отрывки интервью,

фото. Однако данные элементы не являются жанрообразующими, и их наличие в спортивной новости опционально.

Композиция любой спортивной новости состоит минимум из двух частей: из краткого описания соревнования / этапа соревнования и непосредственно его результата. В зависимости от характера и политики новостного издания возможны включения таких элементов, как биографические заметки, оценки перспектив на следующих соревнованиях и т. д.

Итак, спортивная новость – речевой жанр, основной целью которого является информирование массовой аудитории о результатах прошедшего спортивного соревнования, при этом автор спортивной новости, как правило, анонимен, а ведущий спортивных новостей является ретранслятором. Устная и письменная разновидности спортивной новости могут характеризоваться разной степенью изолированности. Значимость факторов коммуникативного прошлого и будущего также может варьироваться. Композиция спортивной новости, однако, всегда состоит из двух блоков: описания соревнования и его итогов.

1.2.2.3 Изменения в жанровом пространстве современного спортивного медиадискурса. Спортивное превью

Как упоминалось выше, к основным, хоть и не ядерным, жанрам спортивного медиадискурса также относятся жанры спортивной аналитической статьи, спортивного интервью, спортивного анонса, спортивного обзора и пр. Стоит отметить, что система спортивных медиажанров довольно подвижна, т. е. одни речевые жанры могут терять популярность, а другие, наоборот, становятся более частотными [Дускаева 2003; Дзялошинский 2014; Добросклонская 2014; Шершнева 2016]. Возможно и появление новых жанров [Горошко, Полякова 2014]. Так, жанр спортивной аналитической статьи становится все менее востребованным: в связи с быстрорастущей ролью спорта в индустрии досуга и развлечений важность аналитики резко снижается [Ким 2005]. В таких видах спорта, как

фигурное катание жанр спортивной аналитической статьи (статьи ведущего обозревателя газеты «Спорт-экспресс» Е. В. Вайцеховской, например) постепенно уступил место псевдоаналитическим заметкам, записям блогов, постам в Инстаграме и других соцсетях, причем автор иногда остается анонимным. Специалисты фигурного катания (профессиональные спортсмены и тренеры), которые, казалось бы, могут выступать авторами серьезных спортивных аналитических статей, предпочитают писать заметки в Инстаграме или Твиттере. Степень глубины анализа в подобных случаях, как правило, невелика, и такие тексты, скорее, ближе жанру сплетни, а не аналитическим жанрам журналистики. В некоторых видах спорта (футбол, хоккей, баскетбол), несомненно, данный жанр по-прежнему широко представлен, но общая тенденция такова, что аналитический компонент уступает развлекательному.

Жанр спортивного обзора – речевого жанра, целью которого является изучение особенностей публикаций в различных изданиях СМИ, подведение итогов какого-то спортивного события на основе анализа ряда публикаций, также претерпевает некоторые изменения. Так, в советское время обзоры СМИ играли важную роль в обществе, что было связано с расширением круга газетной продукции и желанием разобраться в этом многообразии [Омуралиева 2014]. Данный жанр также использовался для того, чтобы воздействовать на политику некоторых изданий СМИ. В настоящее время спортивные обзоры относительно менее востребованы: функция воздействия на другие издания не так актуальна, как в советское время [Тертычный 1998; Касаткин 2013]. Кроме того, стремление массовой аудитории познакомиться с репертуаром различных мнений, представленных в разных СМИ, также невелико. Как следствие, жанр спортивного обзора среди узких специалистов и преданных поклонников определенного вида спорта по-прежнему популярен, но назвать его широко распространённым жанром спортивного медиадискурса довольно сложно.

Спортивное интервью и спортивная пресс-конференция представляются смежными жанрами [Киуру 2012; Новикова 2018; Caldwell et

al. 2017]), поскольку в обоих жанрах коммуникация строится по принципу «вопрос – ответ». Принципиальным различием между этими речевыми жанрами является количество участников коммуникации. Так, для жанра спортивного интервью характерно наличие одного интервьюера и одного или нескольких спортсменов или тренеров, отвечающих на задаваемые вопросы (количество интервьюированных зависит от вида спорта и конкретного типа соревнований). На спортивной пресс-конференции количество участников выше, чем во время интервью: на спортивной пресс-конференции всегда присутствуют представители различных медийных изданий, хотя вопросы могут задаваться как одному спортсмену, так и группе спортсменов или тренерскому штабу. Спортивная пресс-конференция – событие более высокого ранга, чем спортивное интервью: если интервью могут взять у любого члена сборной или команды на соревновании местного или международного значения, то спортивная пресс-конференция должна быть посвящена важному событию в мире спорта, и спортсмен или тренер, дающий пресс-конференцию, несомненно, чем-то должен отличаться. Тенденция постепенного снижения степени аналитичности в некоторых жанрах спортивного медиадискурса по причине усиления развлекательного компонента проявилась и в жанрах спортивного интервью и спортивной пресс-конференции. Так, несмотря на то, что теоретически спортивное интервью и спортивная пресс-конференция принадлежат сфере спортивного медиадискурса (институционального типа дискурса), данные жанры перенимают все больше черт персонального дискурса [Cameron 2001], что, возможно, связано с тем, что спортсмены или тренеры часто выступают не просто как представители института спорта, но и как личности. Для того, чтобы сделать интервью или пресс-конференцию более интересной и увлекательной для телезрителей или читателей, журналисты могут задавать вопросы, связанные не столько со спортом, сколько с личной жизнью спортсмена, его взаимоотношениями с тренерами и соперниками, возможными слухами и спекуляциями.

В связи с тем, что такие типичные жанры спортивного медиадискурса, как спортивная аналитическая статья или спортивный обзор, например, довольно слабо представлены в публикациях СМИ, посвященных некоторым видам спорта, а жанры спортивного интервью и спортивной пресс-конференции, также традиционно относящиеся к спортивному медиадискурсу, постепенно утрачивают черты институциональности, мы полагаем, что будет интересно рассмотреть относительно новый спортивный медиажанр – жанр спортивного превью.

До недавнего времени жанр спортивного превью не выделялся в отдельный жанр, хотя, вероятно, тексты, обладающие некоторыми характеристиками данного речевого жанра, существовали и ранее. Вследствие своей «молодости» жанр спортивного превью – один из наименее изученных жанров спортивного медиадискурса.

Этот термин зародился в англоязычной среде: слово «превью» происходит от англ. *preview* – «предпросмотр». Неудивительно, что и сам термин преимущественно используется в англоязычных СМИ. Спортивное превью, как правило, представляет собой письменный текст, анонсирующий некое спортивное событие и предлагающий информацию об участниках соревнования. Объем спортивного превью может варьироваться от нескольких абзацев до нескольких страниц. Рассмотрим данный жанр согласно «анкете» речевых жанров Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997].

Как следует из самого названия, основная коммуникативная цель спортивного превью – проинформировать читателей о предстоящем спортивном соревновании, познакомить со списком участников и оценить их шансы на призовые места. Таким образом, функции информирования, анализа и оценивания выходят на передний план. Стоит отдельно отметить, что необходимо разграничивать жанры «спортивное превью» и «спортивный анонс» – речевой жанр, цель которого – дать краткую информацию относительно времени и места соревнования, иногда количества участников (объем спортивного анонса не превышает нескольких предложений). В отличие от спортивного превью, спортивный анонс лишен аналитического

блока и представляет только фактуальную информацию [Жаркова 2014]. Жанр спортивного превью также не стоит смешивать с жанром спортивной новости, так как спортивная новость всегда посвящена прошедшему событию, а спортивное превью – будущему.

Другой важной функцией спортивного превью, не типичной для других жанров спортивного медиадискурса, является «рекламирование» предстоящего соревнования. Тексты спортивных превью составляются таким образом, чтобы не просто проинформировать читателей о планируемом соревновании, но привлечь бóльшую телевизионную аудиторию и продать больше билетов на соревнование. Таким образом, в жанре спортивного превью присутствуют явные черты рекламного дискурса: нацеленность на привлечение внимания, возбуждение интереса и эмоциональное воздействие [Куликова 2008; Тюрина 2009; Гаспарян 2016].

Именно поэтому в жанре спортивного превью фактор адресата гораздо важнее фактора автора: автор спортивного превью в большинстве случаев анонимен, тогда как текст явно ориентирован на потенциального зрителя или телезрителя. Так, тексты превью отличаются красочностью и эмоциональностью, потому что нацелены на привлечение внимания как можно большего количества болельщиков. Наиболее типичный прием в жанре спортивного превью – подчеркнуть значимость соревнования, «звездный» состав участников, ожидаемый «накал страстей».

Значимыми также являются факторы коммуникативного прошлого и будущего, поскольку автор спортивного превью всегда делает отсылки к прошлым достижениям спортсменов, а также прогнозирует их будущие результаты. Для спортивного превью, как и для других основных жанров спортивного медиадискурса, характерно наличие одной макротемы. Данные особенности отразились и на композиции спортивного превью: первый обязательный блок включает название, время и место будущего соревнования, а далее следует перечисление заявленных спортсменов / команд / сборных (начиная с самых титулованных), их спортивных достижений и шансов на победу.

Таким образом, жанр спортивного превью – относительно молодой жанр спортивного медиадискурса, характеризующийся высокой степенью ориентации на адресата – потенциального зрителя или телезрителя соревнования. Автор превью пытается заинтересовать массовую аудиторию, как бы рекламируя будущее спортивное событие. Наравне с «рекламным» блоком в спортивном превью присутствует информативный блок (информация о соревновании, месте и времени его проведения), аналитический и оценочный блоки (анализ шансов участников соревнования занять призовые места, оценка их достижений). При этом, необходимо разграничивать жанры спортивного превью и спортивного анонса (спортивный анонс меньше по объему и сообщает только базовую информацию о соревновании). От спортивной новости спортивное превью отличает рекламный компонент и то, что оценивается не прошедшее, а грядущее событие.

Жанр спортивного превью представляет собой интересное явление в жанровом пространстве спортивного медиадискурса, в котором происходят значительные изменения как в уже устоявшихся жанрах, так и в относительно новых.

1.2.3 Интердискурсивность спортивного медиадискурса

Спорт, будучи многомерным социокультурным феноменом, взаимодействует с различными сферами жизни общества [Лигостаева 2017]. По этой причине, спортивный медиадискурс характеризуется неизолированностью [Зильберт 2001; Качанов, Шестерина 2015], т. е. он активно взаимодействует с другими дискурсами.

Н. Н. Кислицына и Е. А. Новикова объясняют подобную особенность спортивного медиадискурса тем фактом, что спортивные события высокого уровня часто связаны с бизнесом и экономикой, рекламой, политикой [Кислицына, Новикова 2017]. Помимо этого, спорт, с одной стороны, отражает условия существования участников института спорта, с другой стороны, оказывает влияние на формирование ценностных ориентиров.

Повышенная эмоциональность и экспрессивность спортивного медиадискурса не только обеспечивают воспитательную и рекреационную функции, но помогают получить эмоциональную разрядку [Зубчинский 2015]. Подобная «разносторонность» и многофункциональность спортивного медиадискурса обуславливают его неизбежные связи с другими типами дискурса. Т. П. Попова также отмечает, что граница между институциональными дискурсами нередко настолько условна, что определить точную разновидность того или иного институционального дискурса не всегда представляется возможным [Попова 2015]. Многие ученые (В. Е. Чернявская, А. А. Гордиевский, А. О. Иерусалимская, С. А. Данилова, Г. В. Прокофьев, Н. Ю. Георгинова, У. А. Жаркова и др.) склонны называть явление, когда в одной точке наблюдается пересечение двух и более дискурсов, интердискурсивностью.

Несмотря на то, что интердискурсивность – довольно новое явление в лингвистике, определение данного термина вызывает немало дискуссий. Так, У. А. Жаркова описывает интердискурсивность как интеграцию различных коммуникативно-прагматических черт в рамках одного дискурса [Жаркова 2014]. Г. В. Прокофьев определяет интердискурсивность как взаимодействие дискурсов различного семантического уровня в контексте поликодового текста [Прокофьев 2013]. В ряде работ интердискурс анализируется как некое лингвосоциокультурное явление [Олизько 2009; Шевченко 2011]. В других работах, напротив, подчеркивается когнитивный характер интердискурсивности. Согласно данному подходу, интердискурсивность – свойство процесса мышления, находящее отражение в интертекстуальных включениях [Белоглазова 2009; Jianguo 2011; Bullo 2017]. В. Е. Чернявская также отмечает связь интердискурсивности и мышления, рассматривая явление интердискурсивности как определенные когнитивные процессы, предваряющие их конкретную реализацию в тексте [Чернявская 2013].

А. Б. Зильберт, описывая точки пересечения спортивного медиадискурса с другими дискурсами, оперирует термином «интертекстуальность» [Зильберт 2001], хотя, как мы рассмотрели выше,

данное явление является примером скорее интердискурсивности, а не интертекстуальности. Данные категории, действительно, взаимосвязаны, но не могут быть отождествлены, поскольку интертекстуальность – это «многомерная связь отдельного текста с другими текстами – по линиям содержания, жанрово-стилистических особенностей, структуры, формально-знакового выражения» [Гордиевский 2006: 8]. Таким образом, интертекстуальность может указывать на наличие интердискурсивности, так как взаимосвязь между различными текстами, вероятно, служит отражением связи между дискурсами [Данилевская 2009а; Иерусалимская 2016; Allen 2000; Koskela 2013]. Тем не менее, отсутствие признаков интертекстуальности никоим образом не сигнализирует об отсутствии интердискурсивности, поскольку интердискурсивность – более глобальное понятие по отношению к интертекстуальности. Нам видится, что отношение между категориями интердискурсивности и интертекстуальности во многом отражает отношение между категориями текста и дискурса: интертекстуальность, прежде всего, связана со взаимодействием прецедентных текстов, в то время как интердискурсивность, помимо проникновения одного текста в другой, подразумевает смену структуры построения дискурса, изменения в распределении и функционировании коммуникативных ролей, переключение на другой тип мышления как со стороны автора текста, так и стороны реципиента.

Н. Ю. Георгинова объясняет феномен интердискурсивности комплексным и взаимосвязанным характером познавательной деятельности человека, вербализирующей в различных типах дискурса [Георгинова 2014]. С. А. Данилова рассматривает интердискурсивность как следствие дискурсной гетерогенности – явления, когда тексты, принадлежащие сфере какого-либо дискурса, строятся по законам другого дискурса. Более того, исследователь выделяет два типа дискурсной гетерогенности: облигаторную (при которой сам тип дискурса предполагает селективные включения из другого типа дискурса) и интенциональную (когда автор текста специально использует языковые средства другого типа дискурса, как правило, для

большей экспрессивности) [Данилова 2015]. В. Е. Чернявская, говоря об интердискурсивности, отмечает открытость дискурса, т. е. дискурс в принципе не может рассматриваться как изолированная единица, поскольку строится из различных типов текста и входит в дискурсное метапространство. Подобную открытость текста В. Е. Чернявская называет «дискурсивность» и именно в ней она видит основную причину явления интердискурсивности [Чернявская 2007].

Стоит отдельно отметить, что интердискурсивность проявляется не только на периферии дискурсов: жанры, которые относятся к ядру какого-либо дискурса, могут также нести в себе элементы других дискурсов. Рассмотрим данное явление на примере некоторых жанров спортивного медиадискурса.

Большинство исследователей (Е. Г. Малышева, К. В. Снятков, О. А. Панкратова, Е. С. Солнцева), сходятся во мнении, что ядерным жанром спортивного медиадискурса является спортивный комментарий. Спортивный комментарий представляет собой жанр спортивного медиадискурса, в рамках которого осуществляется коммуникативный процесс, происходящий между спортивным комментатором и зрителями трансляции спортивного соревнования [Lewandowski 2012]. Среди жанрообразующих характеристик спортивного комментария стоит отметить наличие одной макротемы, обуславливающей как заранее подготовленный, так и спонтанный блок спортивного комментария [Augendre et al. 2018]. Интересно, что заранее подготовленная часть комментария (информация о спортсмене, тренере, регламенте соревнования, текущих рекордах), как правило, не выходит за границы собственно спортивного медиадискурса. Та же часть спортивного комментария, которая продуцируется непосредственно во время выступления, характеризуется определенной степенью интердискурсивности. В первую очередь, мы можем наблюдать значительные включения персонального дискурса. Наиболее ярко данная особенность проявляется в тех случаях, когда в роли спортивного комментатора выступает непрофессиональный журналист, например, тренер или спортсмен. В таких

случаях возможен не только переход на разговорно-обиходный стиль речи, но и значительные отступления от макротемы, т. е. рассуждения, довольно опосредованно связанные с происходящим на стадионе, а иногда и вовсе не связанные с комментируемым соревнованием.

Спортивные комментарии международных соревнований нередко имеют политическую подоплеку. Таким образом, можно наблюдать пересечение спортивного и политического дискурсов. Многие исследователи отмечают, что момент агональности всегда сближает спортивный и политический дискурсы [Никитина 2010; Зильберт 2011]. Конечно, неправильно было бы говорить о тотальной политизированности спорта, но, когда речь идет о борьбе представителей разных стран за победу на чемпионатах мира или Олимпийских играх, политическая составляющая в большинстве случаев неизбежна.

Отдельно хотелось бы отметить пересечение спортивного и рекламного дискурсов в жанре спортивного превью – специфическом жанре спортивного медиадискурса, целью которого является информирование читателей о предстоящем спортивном соревновании. Здесь же дается предварительная оценка шансов участников соревнования на победу или призовые места (что, в некотором роде, роднит его с жанром аналитической статьи). Более того, в спортивном превью оценка заявленных спортсменов носит не столько информативный характер, сколько нацелена на привлечение потенциальных зрителей или телезрителей. Кроме того, привлечение массовой аудитории означает как медийный, так и коммерческий успех [Солодовникова 2010; Tolson 2006]. Поэтому в спортивном превью максимально красочно описываются причины, почему ожидаемое мероприятие нужно обязательно посмотреть или посетить: внимание аудитории могут привлечь титулованные участники, обещание напряженной борьбы и многое другое. Как мы видим, подобные цели, во многом, преследует и рекламный дискурс: коммерческая составляющая также сохраняется.

Как следует из вышесказанного, интердискурсивность – явление взаимопроникновения и взаимодействия дискурсов, которое может

проявляться через интертекстуальность, т. е. как вкрапление одного текста в другой. Однако отсутствие признаков интертекстуальности не означает обязательного отсутствия интердискурсивности: помимо интертекстуальности, интердискурсивность находит свое проявление в смене типа мышления при порождении и интерпретации дискурса. Интердискурсивность обусловлена определенными когнитивными процессами, предваряющими сочетание элементов разных дискурсов в языке. Одной из возможных причин интердискурсивности является такое свойство дискурса, как дискурсивность, подразумевающая принципиальную открытость дискурса и вхождение каждого типа дискурса в единое дискурсное метапространство. Спортивный медиадискурс также характеризуется высокой степенью интердискурсивности как в периферийной (связь с научным, юридическим, педагогическим, деловым и др. дискурсами), так и в ядерной зоне. Проанализированный материал показал, что в спортивном комментарии мы можем наблюдать элементы персонального дискурса, особенно при привлечении непрофессиональных комментаторов. Пересечение с политическим дискурсом возможно при комментировании крупных международных соревнований. Специфика жанра спортивного превью, в свою очередь, подразумевает пересечение спортивного и рекламного дискурсов.

Выводы к главе 1

Категория оценочности, находя выражение практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности и, соответственно, практически во всех типах дискурса, особенно ярко проявляется в области спорта. Спорт как глобальный социальный институт призван оценить физические и моральные качества отдельных спортсменов, команд и сборных в целом. Именно в спорте оценочная шкала – неотъемлемый атрибут как языковой, так и внеязыковой действительности.

Лингвистическая оценка – важный тип прагматического значения слова (значения, которое слово приобретает в конкретной ситуации). Оценка

наравне с дискурсом допускает множество разнохарактерных трактовок и подходов к анализу и подвергается огромному количеству классификаций, поскольку оценка – сложное комплексное явление. Так, при анализе способов выражения оценки в речи помимо собственно языковых особенностей необходимо также учитывать характеристики оценки с точки зрения философии, логики, психологии.

Косвенная оценка принадлежит сфере не прямой коммуникации – осложненной коммуникации, характеризующейся наличием в высказывании скрытых смыслов, требующих интерпретативных усилий со стороны адресата [Дементьев 2006], и, наличие неэксплицируемых оценочных смыслов позволяет косвенным оценочным высказываниям выполнять свою роль как в детенсификации оценки, так и в повышении персуазивности текста, что сближает косвенную оценку с понятиями хеджирования и речевого воздействия.

Способы выражения оценки, как прямой, так и косвенной, во многом обусловлены типом дискурса, в рамках которого она реализуется. Согласно различным классификациям типов дискурса, предложенных В. И. Карасиком, Б. А. Зильберт и А. Б. Зильберт, спортивный медиадискурс относится к институциональному типу, который характеризуется тем, что участники коммуникации выступают не как индивидуальности, а как представители определенных социальных групп. Пересекаясь с другими подтипами институционального дискурса (политическим, деловым, юридическим, рекламным и др.), спортивный медиадискурс имеет много общего с неинституциональным типом, особенно с персональным дискурсом.

Жанры спортивного медиадискурса характеризуются крайней неоднородностью, что обусловлено разнообразием проявлений спорта в обществе. К ядерным жанрам спортивного медиадискурса относятся жанр спортивного комментария и жанр спортивной новости, причем эти жанры отличаются относительной устойчивостью в жанровом пространстве спортивного медиадискурса. Такие жанры, как спортивная аналитическая статья, спортивный обзор, спортивное интервью, спортивная пресс-

конференция и пр. претерпевают ряд изменений, связанных с возрастанием роли развлекательного компонента в СМИ по сравнению с аналитическими характеристиками медиажанров. Наряду с изменениями в устоявшихся жанрах, появляются и новые жанровые разновидности, например, спортивное превью, цель которого заключается в том, чтобы анонсировать спортивное соревнование и привлечь аудиторию к просмотру трансляции или к посещению соревнования на стадионе. Развлекательная составляющая медиажанров напрямую зависит от количества оценок в тексте и способов их выражения.

ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ

2.1 Косвенная и имплицитная оценка: точки пересечения

2.1.1 Понятия эксплицитности и имплицитности

Непрямая коммуникация как содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает интерпретацию эксплицитно не выраженных смыслов [Дементьев 2006], и отдельные аспекты этого явления (косвенные речевые акты, имплицитность, окказиональные образования, тропы и пр.) являются одними из наиболее популярных объектов исследования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. В первую очередь, это связано с тем, что практически любая форма речевого общения подразумевает наличие скрытых смыслов, требующих дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата.

Наличие неявно выраженной информации позволяет нам отнести к сфере не прямой коммуникации и косвенную оценку. Несмотря на большое количество работ, посвященных явным и неявным языковым оценкам [Самигуллина, Федорова 2004; Клушина 2008; Марьянчик 2011а; Кошман 2015; Silvestri 2015; Lehnert et al. 2018], существует определенная терминологическая неясность среди дефиниций таких понятий, как «имплицитная оценка», «косвенная оценка», «непрямая оценка». Вероятно, подобные сложности возникают из-за размытости определения базовых категорий: категории эксплицитности / имплицитности и категории косвенности.

Прежде всего, необходимо рассмотреть эксплицитность и имплицитность как категории анализа текста. Интересен тот факт, что большинство работ посвящено категории имплицитности, а не эксплицитности. Так, в научной литературе довольно сложно найти точное определение эксплицитности, поскольку данная категория, как правило, рассматривается через противопоставление категории имплицитности. В. З. Демьянков, однако, рассматривает эксплицитность речи в виде следующих взаимосвязанных компонентов, степень которых может

варьироваться в зависимости от национальной языковой картины:

- 1) упоминание чего-либо хотя бы намеком (т. е. эксплицитность противопоставлена неупоминанию, забвению или эллипсису);
- 2) высокая четкость границ при этом упоминании;
- 3) степень конкретности;
- 4) название предмета речи прямо – в противоположность непрямому описанию [Демьянков 2006: 37].

Д. А. Голованова отмечает, что эксплицитными считаются те умозаключения, источником которых являются материализованные, выраженные в речи лингвистические или паралингвистические средства [Голованова 2016]. По мнению К. А. Долинина, эксплицитное содержание текста – это «содержание, которое непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено» [Долинин 2005: 6]. Следовательно, эксплицитность – такое свойство текста, при котором содержание высказывания четко сформулировано, характеризуется высокой степенью конкретности и реализуется через те языковые средства, которые данное высказывание составляют.

Таким образом, оценка может считаться эксплицитной, если оценочные смыслы выводятся непосредственно из языковых единиц текста. Рассмотрим несколько примеров из речи спортивных комментаторов фигурного катания (здесь и далее перевод примеров наш – К. П.):

1. *Yes, excellent! Much better than at the NHK when the triple toe loop was downgraded. Great star! Outstanding, lovely, beaming smile and so there should be* [Да, **превосходно!** Гораздо лучше, чем на этапе Гран-при в Японии, когда были снижены баллы за тройной тулуп. **Настоящая звезда! Неподражаемая, очаровательная, сияющая** улыбка, и так и должно быть] (British Eurosport, ГП 2017);

2. **Красивая красота!** (Первый канал, КР 2020);

3. *What an amazing competition it was! It was incredible and you know at the end of the day they needed those points out of that. That's really a brilliant dance they've got!* [Соревнование было просто **потрясающим!** **Невероятным!** И, знаете, после всех треволнений этого дня им нужны были

именно такие оценки. Да, выступили они блестяще!]] (British Eurosport, ОИ 2018).

В первом комментарии журналист не скрывает своего восхищения фигуристкой и ее прокатом: его оценка дается эксплицитно посредством оценочной лексики (*excellent; great; outstanding; lovely; beaming*). В рамках данного исследования под оценочной лексикой мы, прежде всего, подразумеваем лексемы, в которых оценка входит в денотативный компонент лексического значения.

Автор второго комментария – Т. А. Тарасова, заслуженный тренер РФ по фигурному катанию, нередко выступающая в качестве комментатора значимых соревнований среди фигуристов – отличается характерным стилем комментирования, для которого свойственна эмоциональность, экспрессивность, образность, а иногда и некоторая языковая игра. Комментарий *Красивая красота!* относительно короткой программы К. Валиевой на этапе Кубка России (далее – КР) 2020 года в полной мере отражает комментаторский стиль Т. А. Тарасовой: ее стремление максимально красочно выразить восторг от короткой программы фигуристки привело к «удвоенной» положительной оценке. Слова *красивый* и *красота*, несомненно, являются примером оценочной лексики, и в данном случае они использованы в прямом смысле, без ироничного подтекста. Сложно сказать, насколько сильно тавтологичность высказывания усиливает интенсивность положительной оценки, но фраза, однозначно, привлекает к себе внимание зрителей, и то, что Т. А. Тарасова положительно оценивает короткую программу К. Валиевой, не вызывает сомнения.

Третий комментарий звучит несколько логичнее комментария Т. А. Тарасовой, но также характеризуется яркой положительной оценкой. Как и в предыдущих примерах, корректное восприятие оценки в данном комментарии не требует особых интерпретативных усилий со стороны реципиента: оценочные смыслы довольно легко считываются, поскольку оценочные семы слов *incredible; amazing; brilliant* относятся к ядерным семам [Кравец 2001].

Во всех рассмотренных выше примерах положительные оценочные смыслы реализуются непосредственно через языковые средства, которые входят в само высказывание, причем оценочные смыслы могут содержаться в денотативном и коннотативном компоненте лексического значения языковых единиц. Оценка в проанализированных комментариях характеризуется относительной четкостью, ясностью и определенной степенью конкретности. Следовательно, такую оценку можно отнести к эксплицитному типу.

В отличие от категории эксплицитности, категория имплицитности в научной литературе получила более широкое освещение. Одной из возможных причин подобного интереса является то, что скрытое, как правило, интереснее, чем явное. Так, при крайне малом количестве точных формулировок категории эксплицитности, дефиниции термина «имплицитность» можно разделить на несколько групп в зависимости от подхода: 1) имплицитность как форма знания [Dienes, Perner 1999; Ермакова 2010]; 2) имплицитность как информация, которая домысливается реципиентом [Борисова 2006; Иванкова 2007; Hoek, Zufferey 2015]; 3) имплицитность как подразумеваемое содержание текста, складывающееся из пресуппозиции, контекста и имплицатуры [Акимова 1997; Ермакова 2010; Indah 2019]. С. Р. Макурова дает более общее определение имплицитности, характеризуя данное явление как «следствие фундаментального свойства языка, состоящего в том, что план содержания оказывается гораздо шире и объемнее, чем план выражения» [Макурова 2013: 70].

Другим спорным моментом в рамках теории имплицитности является вопрос о причинах имплицитности. Ряд ученых полагает, что источником имплицитности является автор текста, осознанно или неосознанно вкладывающий скрытый смысл в высказывание [Успенский 2012]. Другие считают, что смыслы продуцирует адресат, интерпретирующий содержание текста [Иванкова 2007]. Наконец, в некоторых работах выдвигается идея, что причина имплицитности кроется в самом тексте, создающим основу для дальнейшей интерпретации благодаря контекстуальному значению слов и возникающим ассоциативным связям [Абашова 2012; Rosseel et al. 2019].

Вероятно, для наиболее полной трактовки понятия «имплицитность» необходимо учитывать всю совокупность его интерпретаций. Так, мы солидарны с А. И. Барышевой, которая считает, что на возникновение имплицитности оказывают влияние и замысел автора текста, и интерпретативные возможности адресата, и языковые компоненты текста [Барышева 2015]. Помимо этого, А. И. Барышева отмечает, что «в зависимости от источника имплицитности можно говорить об имплицитных знаниях автора и читателя, участвующих в продуцировании и интерпретации текста, об имплицитной информации, которую несет сам текст, имплицитном содержании текста, образованном языковыми средствами, и имплицитных смыслах, полученных в результате интерпретации текста его адресатом» [Барышева 2015: 20]. Таким образом, при рассмотрении имплицитной оценки необходимо учитывать несколько факторов: 1) какую оценку хотел передать автор; 2) какие компоненты текста несут имплицитную информацию; 3) как эти скрытые смыслы могут быть интерпретированы реципиентом текста. В данном исследовании, говоря об имплицитной оценке, мы подразумеваем оценочные смыслы, которые не входят непосредственно в смысл предложения, а продуцируются адресатом текста исходя из фоновых знаний, контекста и собственно оценки, заложенной автором.

Рассмотрим комментарий, прозвучавший в начале произвольной программы французского фигуриста Б. Жубера: *He'd have to have the skate of his life to overtake him. World champion... Six years ago* [Он должен выдать прокат всей своей жизни, чтобы опередить его. Чемпион мира... Шесть лет назад] (British Eurosport, ЧМ 2013). В данном случае для адекватного понимания авторской оценки фигуриста и его шансов на лидерство необходимы как фоновые знания, так и контекст всего соревнования: после крайне неудачной короткой программы фигурист отставал от лидера на четырнадцать баллов, причем, комментатор и не ожидает чуда, подчеркивая, что Б. Жуберу придется выдать «прокат всей своей жизни». В сочетании с упоминанием того факта, что чемпионство данного спортсмена – шестилетней давности, как, следовательно, и его лучшие прокаты, данный

комментарий имплицитно выражает общую отрицательную оценку шансов фигуриста на победу. Как мы видим, отрицательная оценка в приведенном примере не может быть выведена из отдельных слов высказывания, но оценочный смысл продуцируется благодаря контексту.

Следующий комментарий был сделан в отношении выступления российской спортсменки Е. Медведевой: *We have seen some really good skaters tonight: a former World champion, a former runner-up at World championships who are still in the prime of their careers but this is in a different league to anything that we've seen and probably anything we will see all year. She is a mile away from the rest* [Мы сегодня видели много хороших фигуристов: бывших чемпионов и бывших призеров мировых первенств, которые по-прежнему на пике карьеры, но это выступление – другого уровня. Как по сравнению с тем, что мы видели, так, возможно, и по сравнению с тем, что нам еще предстоит увидеть в этом сезоне. Она на две головы выше всех остальных] (British Eurosport, ГП 2016).

Наравне с эксплицитной положительной оценкой соперников Е. Медведевой (*good skaters* [*хорошие фигуристы*]; *in the prime of their careers* [*на пике карьеры*]) мы можем заметить имплицитную положительную оценку самой фигуристки, выраженную, например, посредством метафор – *this is in a different league* (дословный перевод: *это выступление в другой лиге*); *she is a mile away from the rest* (дословный перевод: *она в миле от всех остальных*). Контекст также играет важную роль в интерпретации данной оценки: в комментарии подчеркивается, что соперниками Е. Медведевой являются чемпионы и призеры предыдущих чемпионатов мира, более того, они на пике своей спортивной формы, но, тем не менее, по мнению комментатора, не могут составить ей конкуренцию. Кроме того, положительная оценка усиливается за счет грамматических средств: *this is in a different league to anything that we've seen and probably anything we will see all year* [*<...> но это выступление – другого уровня. Как по сравнению с тем, что мы видели, так, возможно, и по сравнению с тем, что нам еще предстоит увидеть в этом сезоне*]. Использование Present Perfect и Future

Simple в сочетании с наречием *probably* подчеркивает то, что это выступление фигуристки не только лучше предыдущих, но, возможно, лучше, чем последующие программы в сезоне.

Интересный диалог состоялся между Т. А. Тарасовой и А. Ягудиным, многократным чемпионом мира и олимпийским чемпионом по фигурному катанию 2002 года, во время комментирования командного чемпионата мира (далее – КЧМ) 2015 года:

А. Ягудин: А вы знаете, Татьяна Анатольевна, не то, что прибавила... Мне кажется, немного соскучилась уже по серьезным турнирам.

Т. А. Тарасова: Соскучилась, каталась прямо, раскатывалась ... (Первый канал, КЧМ 2015).

А. Ягудин и Т. А. Тарасова вместе с профессиональным тележурналистом комментировали выступление российской одиночницы Е. Туктамышевой, которая провела очень успешный спортивный сезон, причем КЧМ, во время трансляции которого прозвучал вышеприведенный комментарий, был последним в череде удачно проведенных спортивных стартов. Необходимо также отметить, что этой череде побед и отличных прокатов предшествовали провальные выступления на чемпионате России 2013 – 2014 года, серьезная травма и спад в спортивной карьере. Учитывая эти факты, несложно понять, что имеют в виду комментаторы, говоря, что фигуристка «соскучилась» по крупным соревнованиям. Поскольку комментарий был сделан непосредственно после хорошо исполненной короткой программой, реципиенты текста могут трактовать данное высказывание как оценочное: фигуристка не столько прибавила в технике катания, сколько, по мнению комментатора, рада участвовать в соревнованиях подобного уровня, что и объясняет эмоциональность и техничность ее катания. Кроме того, в высказывании имплицитно, что положительная оценка относится не только к конкретному выступлению, но и ко всему сезону 2014 – 2015 года.

Проанализированные примеры показали, что имплицитные оценочные смыслы не могут быть выражены словами, составляющими само

высказывание: они могут формироваться с помощью фоновых знаний реципиента, контекста, метафор, определенного использования грамматических категорий.

Как мы видим, эксплицитность и имплицитность – онтологическое свойство языка, способное проявиться на разных языковых уровнях. В то время как эксплицитность характеризуется четко сформулированным и конкретным содержанием, выраженным теми языковыми средствами, из которых составлен текст, имплицитность – более комплексное явление: при анализе категории имплицитности необходимо учитывать имплицитные знания автора текста, имплицитное значение языковых знаков, имплицитные смыслы, формирующиеся в процессе интерпретации текста адресатом с учетом фоновых знаний и контекста.

2.1.2 Соотношение понятий «имплицитный» - «косвенный», «эксплицитный» - «прямой»

В научной литературе иногда наблюдается отождествление таких понятий, как «эксплицитная оценка» и «прямая оценка», «имплицитная оценка» и «непрямая (косвенная) оценка». Так, при анализе эксплицитной оценки и прямой оценки нередко используются прилагательные «явный», «очевидный», тогда как имплицитная / непрямая / косвенная оценка противопоставляются им как нечто скрытое, неявное [Сальникова 2008; Токарь 2008; Салтыкова 2014]. В случае с терминами «непрямой» и «косвенный» мы действительно можем признать их синонимичными. Однако не совсем корректно считать эксплицитную оценку тождественной прямой оценке, а имплицитную оценку – косвенной.

Понятие косвенности во многом пересекается с понятием имплицитности. Е. О. Мидова сравнивает категории имплицитности и косвенности на примере теории речевых актов: в ходе исследования она отмечает, что причиной недифференцированного употребления лингвистами терминов «косвенный» и «имплицитный» может быть «общность содержания указанных понятий как вариантов подразумевания», что создает основу для

ошибочной взаимозаменяемости данных понятий [Мидова 2013: 343]. Тем не менее, имплицитность связана непосредственно со смыслом высказывания, тогда как косвенность – со способом выражения смысла [Милосердова 2001]. Действительно, как упоминалось выше, имплицитность – свойство языка и речи, которое выражается в качестве имплицитных значений отдельных языковых единиц, имплицитных смыслов высказываний, причем имплицитные смыслы формируются в ситуативно-прагматическом контексте. Понятие косвенности, несмотря на некоторые точки пересечения с имплицитностью, напротив, связано со способом передачи смыслов, эксплицитных или имплицитных. Эксплицитное, соответственно, противопоставляется имплицитному, прямое – косвенному / непрямому.

В процессе анализа оценочных высказываний возникает следующий вопрос: если мы разграничиваем понятия «эксплицитный» и «прямой», «имплицитный» и «косвенный», тогда что из себя представляет эксплицитная косвенная оценка и существует ли имплицитная прямая оценка? Чтобы ответить на поставленный вопрос, рассмотрим несколько примеров:

1. *She's quite sensational. Has she done enough to get the gold medal here? It's very possible* [Сенсационное выступление! Достаточно ли этого для золотой медали? Очень даже возможно] (British Eurosport, ГП 2017);

2. *Magnificent twizzles. Fantastic! How on earth could that be?* [Потрясающие твиззлы! Фантастика! Как такое возможно?] (British Eurosport, ОИ 2018);

3. *Release of the energy here, at the end of the program <...> He was good but he wasn't perfect, he's left the door open but such presence!* [Какой всплеск энергии под конец программы <...> Выступление хорошее, но не идеальное, он оставил дверь открытой, но какая харизма!] (British Eurosport, ЧЕ 2015);

4. - *Чистый фламенко... Не каждый испанец станцует так фламенко.*

5.- *Потому что все движения, все мелкие движения руками, кистями рук - это была такая классика фламенко.*

- *Плюс это все сочеталось с музыкальным сопровождением... Точно, в музыку...*

- Да, мне не мешало, что он танцует один (Евроспорт, ЧМ 2007).

В первом комментарии журналист выражает общую положительную оценку выполненной программы благодаря 1) прилагательному *sensational* [сенсационный]; 2) вопросу *Has she done enough to get the gold medal here?* [Достаточно ли этого для золотой медали?] и последующему ответу на него *It's very possible* [Очень даже возможно]. Как в первом, так и во втором случае положительная оценка эксплицитна: положительные оценочные смыслы конкретны и легко интерпретируются, но способ выражения оценки разный. Так, в первом высказывании эксплицитная оценка является прямой, поскольку оценочная сема входит в денотативное значение слова *sensational*, тогда как вопрос и ответ на него – косвенный способ передачи эксплицитной оценки. Как мы видим, эксплицитная оценка может быть выражена как прямо, так и косвенно.

Во втором комментарии оценочные прилагательные *magnificent* [потрясающий] и *fantastic* [фантастичный] выражают эксплицитную прямую оценку. Однако риторический вопрос *How on earth could that be?* [Как такое возможно?] вне контекста невозможно однозначно интерпретировать как положительное оценочное высказывание: сам по себе вопрос потенциально может выражать как удивление и восхищение, так и противоположные эмоции – досаду и злость. Данный риторический вопрос в контексте всего комментария содержит имплицитную положительную оценку. Может ли имплицитная оценка быть прямой? Скорее всего, нет, так как, в противном случае, возник бы следующий парадокс: как может скрытое, подразумеваемое содержание выражаться явно? Таким образом, имплицитная оценка всегда косвенна, но косвенная оценка – не всегда имплицитна.

В третьем комментарии фигуристу дается смешанная оценка, так как программа была хорошей, но был допущен ряд ошибок. Здесь мы можем наблюдать разные типы оценок как с точки зрения заложенных смыслов, так и с точки зрения способов выражения этих смыслов. Высказывание *he was good, but he wasn't perfect* [дословный перевод: он был хорош, но не идеален] – пример эксплицитной прямой оценки, реализуемой посредством оценочной

лексики. Фраза *release of the energy* [всплеск энергии] интересна тем, что оценочность не заложена в денотативное значение слова *energy*: оценочный компонент содержится в его коннотативном значении. В Cambridge Dictionary Online лексеме *energy* дано следующее определение: *the power and ability to be physically and mentally active* [сила или способность быть физически и психически активным]. Несмотря на то, что оценочные семы входят в коннотативный компонент лексического значения слова *energy*, оценочные смыслы довольно эксплицитны, т. е. в данном примере мы имеем дело с эксплицитной косвенной оценкой. Наконец, фраза *he's left the door open* [он оставил дверь открытой] – пример имплицитной оценки, реализуемой с помощью идиомы: «оставлять дверь открытой» в данном случае означает дать шанс соперникам обогнать себя, что опять характеризует выступление как не совсем удачное.

Последний пример представляет собой диалог, прозвучавший сразу после завершения произвольной программы швейцарского фигуриста С. Ламбьеля. Спортсмен выступил довольно удачно, причем его программа условно называлась «Фламенко», так как была поставлена под соответствующую музыку и с характерной для фламенко хореографией. В анализируемом нами отрывке комментаторы обсуждают именно соответствие программы канонам настоящего фламенко, и фразы *чистый фламенко* и *классика фламенко*, а также упоминание, что движения танца были исполнены «точно», эксплицируют положительную оценку выступления. Значительная часть комментария, однако, содержит имплицитные оценочные смыслы, и, что важно, они относятся не столько к выступлению, сколько к самому фигуристу. Оценка произвольной программы как настоящего фламенко и ремарка о том, что «не каждый испанец станцует так фламенко» преследуют главную цель – положительно оценить С. Ламбьеля. Таким образом, имплицитная оценка в данном случае не концентрируется в отдельном словосочетании или предложении: она как бы «разлита» в тексте всего комментария. Текст комментария, в свою очередь, имеет эксплицитно выраженные оценочные элементы, но эксплицитная оценка одного объекта

служит способом реализации имплицитной оценки другого объекта. Оценивая С. Ламбеля, комментаторы, например, не стали прибегать к оценочной лексике вроде «браво», «молодец», «отлично выступил» и пр. Вместо этого, они довольно эксплицитно выразили свое отношение к программе фигуриста, имплицитно выразив положительную оценку спортсмена.

Следовательно, если рассматривать типы оценки в рамках категорий эксплицитности / имплицитности и прямоты / косвенности, можно выделить три основные группы оценок: 1) эксплицитные прямые; 2) эксплицитные косвенные; 3) имплицитные (всегда выражены косвенно). Важно также отметить, что эксплицитные косвенные оценки занимают промежуточное положение между очевидно явными оценками (эксплицитными прямыми) и скрытыми (имплицитными).

Итак, проведенный анализ обнаружил, насколько важно разграничивать понятия «эксплицитный» и «прямой», «имплицитный» и «косвенный», особенно в контексте категории оценочности. Понятия «прямой» и «косвенный» во многом совпадают с терминами «эксплицитный» и «имплицитный», но не могут быть полностью отождествлены, так как категории прямоты и косвенности, прежде всего, отражают способ выражения явных и неявных смыслов. В ходе исследования были выделены три группы оценок: 1) эксплицитные прямые (оценки, характеризующиеся высокой степенью эксплицитности, выраженные оценочной лексикой); 2) эксплицитные косвенные (оценки, смысл которых также легко интерпретируется, однако оценочные смыслы реализуются с помощью оценочных коннотаций, вопросов в сочетании с ответами и др.); 3) имплицитные (оценки, содержащие имплицитную информацию и всегда реализуемые косвенно: через узкий и широкий контекст, метафоры и др.).

2.2 Классификация типов оценки: спорные моменты

2.2.1 Целесообразность выделения нейтральной оценки

Следующим дискуссионным вопросом в методологии категории оценочности является проблема выделения нейтральной оценки.

Необходимость разделения оценки на положительную и отрицательную не вызывает сомнений, однако существование промежуточного типа – нейтральной (нормативной) оценки – весьма спорный вопрос.

Данная проблема непосредственно связана с правильным отбором материала для исследования категории оценочности. В ряде работ нейтральная оценка определяется как нейтральное отношение субъекта к оцениваемому объекту [Головня 2010; Яхина 2014]. Е. Г. Кукля и Н. В. Соловьева [Кукля, Соловьева 2017] приводят словосочетания *traditional approach* [*традиционный подход*] и *classical view of categorization* [*классическая теория категоризации*] в качестве примеров нейтральной оценки, мотивируя свой выбор тем, что прилагательные *traditional* и *classical* отражают соответствие объектов определенным нормам. Тем не менее, как нам кажется, данные прилагательные могут выражать положительную или отрицательную оценку в зависимости от контекста. Например, фраза *it was quite a traditional jump* [*это был довольно традиционный прыжок*] может приобретать различную оценочную окраску. В случае, если комментатор приверженец традиций, характеристика прыжка как традиционного будет положительной. Однако, если комментатор сторонник новаторских элементов, прилагательное *traditional* несет косвенную отрицательную оценку выполненного элемента. Следовательно, то, что объект оценки соответствует стандарту, может оцениваться как положительно, так и отрицательно в зависимости от отношения субъекта оценки к норме.

Рассмотрим несколько примеров:

1. - *Три - три, флип - тулуп, замечательный каскад, чистейший...*

- *На таком ходу шикарном... Блеск!*

- *Да, такой, знаете, **школьный**, **показательный** вариант прыжков*

(Евроспорт, ЧМ 2008);

2. *The choreography is more **traditional** than for his teammates*

[*Хореография более **традиционна** по сравнению с его товарищами по команде*] (British Eurosport, ЧЕ 2002);

3. *There's **quality** on the edges... Look at the arms that are going into the loop so there was the delicate movement before the jump and coming out of it... It's just **flawless** [Правильные ребра на прыжках... Только взгляните на ее руки при заходе на ритбергер – изящный взмах руками перед прыжком – и уже приземление... **Безошибочно**]* (British Eurosport, ГП 2015).

В первом примере комментаторы, просматривая замедленные повторы основных выполненных элементов, оценивали их с точки зрения соответствия техническим нормам и требованиям. В приведенном нами отрывке комментаторы положительно оценивают каскад (в данном случае – сочетание двух прыжков, тройного флипа и тройного тулупа), исполненный Б. Жубером, отмечая хорошую скорость и техническую безупречность прыжков («на таком ходу шикарном»; «чистейший»). Резюмируя все сказанное о выполненном каскаде, один из комментаторов характеризует прыжки как «школьные», «показательные», т. е. подтверждает полное соответствие прыжков эталону. Однако сложно согласиться, что прилагательные *школьный* и *показательный* воспринимаются как нейтральные: соответствие образцу рассматривается как положительная характеристика технического элемента. Кроме того, нетрудно представить ситуацию, в которой прилагательное *школьный*, также в значении «соответствующий образцу», будет трактоваться как отрицательная характеристика, если комментатор, например, подразумевает, что элемент был выполнен слишком правильно, по-ученически, без творческого компонента.

Второй пример как раз демонстрирует то, что соответствие нормам и традициям может расцениваться как источник отрицательной оценки. Данный комментарий был также сделан относительно выступления Б. Жубера, но на чемпионате Европы (далее – ЧЕ) 2002 года. В самом начале его спортивной карьеры фигуриста не раз упрекали в излишней техничности и хореографии, лишенной индивидуальности и творческого начала. Анализируемый нами комментарий – один из многочисленных примеров того, как комментатор подчеркивает излишнюю «традиционность»

хореографии фигуриста, особенно по сравнению с другими французскими одиночниками. Как мы видим, слово *traditional* здесь нельзя считать нейтральным, более того, оно заключает в себе отрицательную оценку.

Еще несколько примеров нормативной оценки мы можем наблюдать в третьем примере. Так, комментатор положительно оценивает выполнение прыжка с точки зрения ребер: «ребро» в фигурном катании – край лезвия конька, причем на качество прыжка и техническую оценку влияет то, с какого ребра, внутреннего или внешнего, был выполнен элемент. Общее заключение относительно прыжка – то, что он был выполнен «безошибочно», что также говорит о его соответствии стандарту. Тем не менее, контекст высказывания позволяет предположить, что слова *quality* [качество] и *flawless* [безошибочный], как и предыдущие примеры нормативной оценки, не лишены определенной оценочности.

Проанализировав различные примеры оценки в спортивном медиадискурсе, мы можем утверждать, что, когда объект или явление рассматриваются с точки зрения соответствия норме, положительная или отрицательная оценка может быть выражена слабо, но она никогда не равна нулю.

А. В. Лаухина использует термин «нейтральная оценка» по отношению к объектам, находящимся в «сфере нейтрального», т. е. подобные объекты безразличны к оценочному знаку [Лаухина 2009]. В данном случае возникает следующий вопрос: если нейтральная оценка присутствует в высказываниях об объектах, безразличных к оценке, чем тогда нейтральная оценка отличается от отсутствия оценки? Видимо, ничем. Выделение нейтральной оценки может быть обосновано необходимостью подчеркнуть то, что оценочность – характеристика любого высказывания. Оценочность же не является обязательным компонентом высказывания [Вольф 2006; Седых 2008]. Следовательно, понятие нейтральной оценки только усложняет процесс сбора материала для анализа типов и способа выражения оценок.

Таким образом, несмотря на то, что термин «нейтральная оценка» фигурирует во многих исследованиях в качестве промежуточного типа между

положительной и отрицательной оценкой, проанализированный материал показал, что нейтральная оценка демонстрирует, скорее, отсутствие оценки, а не является особым типом оценки. В некоторых исследованиях можно также встретить термин «нормативная оценка» как синоним нейтральной оценки, однако соответствие объекта оценки определенным нормам может вызывать как положительную, так и отрицательную реакцию. Поэтому кажется целесообразным применять прилагательное «нормативный» в отношении оценки только в том случае, когда речь идет не о нейтральном отношении к фрагменту действительности (оценка всегда выражает положительное или отрицательное мнение), а о положительной или отрицательной оценке объекта с точки зрения соответствия каким-либо правилам или нормам.

Данное методологическое уточнение особенно важно при сборе эмпирического материала для изучения косвенной оценки: в случае с косвенной оценкой оценочные смыслы иногда как бы «разлиты» в тексте всего высказывания, и тогда исследователю необходимо решить, что он будет считать косвенным оценочным высказыванием. Данная проблема, конечно, имеет много различных нюансов, но вопрос о нейтральной оценке – один из них: если допустить возможность выделения нейтральной оценки, то буквально каждое высказывание можно считать косвенным нейтральным. А это, в свою очередь, может значительно усложнить процесс сбора и анализа материала для исследования косвенной оценки.

2.2.2 Необходимость выделения рациональной и эмоциональной оценки

2.2.2.1 Объективное и субъективное в оценке

Нейтральная оценка – не единственный тип оценки, целесообразность выделения которого вызывает сомнения. Деление оценок на рациональные и эмоциональные также весьма дискуссионно.

В основе деления оценок на рациональные и эмоциональные лежит теория об объективном и субъективном в оценке, причем во многих работах допускается их независимость друг от друга [Емельянова, Михайлова 2009;

Марьянчик 2011б]. Так, ряд исследователей считает, что оценка может содержать сугубо оценочную информацию (т. е. оценка будет субъективной) или только дескриптивную информацию (тогда оценка будет объективной). В качестве примеров субъективной оценки приводят слова «хороший» и «плохой», апеллируя к тому, что они не связаны ни с какими объективными характеристиками, в то время как объективную оценку в рамках данного подхода иллюстрируют относительные прилагательные «солнечный», «холодный» и пр. Сторонники данного подхода отмечают, что субъективное в оценке всегда связано с отношением, понятиями «нравится» / «не нравится», тогда как объективное – с реально существующими качествами оцениваемого объекта [Вольф 2006; Щипицына 2007]. В связи с этим, нам кажется логичным вопрос о том, может ли в рамках категории оценочности субъективное существовать в отрыве от объективного. В попытке найти ответ на этот вопрос рассмотрим комментарий, сделанный после знаменитой короткой программы А. Ягудина «Зима»: *I really don't think he felt any pressure at all. He's won the world title three times, Olympic champion. He probably felt «I'll come here and enjoy it... and fulfill my obligation that others might have done». And isn't he something extraordinary? We're so lucky to witness this* [Я не думаю, что он чувствовал какое-то давление. Он трехкратный чемпион мира, олимпийский чемпион. Он, вероятно, думал так: «Приеду, поучаствую и получу от этого удовольствие... и заодно исполню возложенные на меня обязательства». Он уникален, да? Нам всем крупно повезло быть свидетелями этого] (British Eurosport, ЧМ 2012).

Выступление фигуриста на чемпионате мира (далее – ЧМ) состоялось через месяц после завоевания титула олимпийского чемпиона, что само по себе – редкое явление, так как олимпийские чемпионы в данном виде спорта предпочитают пропускать ЧМ после олимпиады: два подобных крупных старта, следующих друг за другом, требуют большой физической и моральной подготовки, а когда главный титул, титул олимпийского чемпиона, уже завоеван, многие просто не желают рисковать здоровьем и репутацией. Именно поэтому журналист, комментируя выступление, рассуждает о

возможном «давлении» на спортсмена и о том, как легко он с ним справился. Комментатор также предполагает, что одним из резонов участия в ЧМ для А. Ягудина явились возложенные на него «обязательства». Кроме того, журналист не скрывает своих эмоций по поводу как самого проката, так и возможности лицезреть «уникального», по его мнению, фигуриста. Аудитория может легко считать заложенные в высказывании положительные оценочные смыслы, т. е. высказывание является оценочным. Субъективность комментария эксплицируется с помощью личного местоимения *Я* и общей экспрессивности высказывания. В тексте комментария также прослеживаются упоминания объективных качеств фигуриста, лежащие в основе оценки, а именно, завоеванные ранее награды, психологическая устойчивость фигуриста, его ответственность перед другими. Как мы видим, в комментарии в равной степени присутствуют и субъективный, и объективный компоненты, причем оба компонента участвуют в формировании общей положительной оценки.

Рассмотрим еще один пример: *Ну вот сейчас мы видим, ради чего японцы готовы платить очень большие деньги, чтобы путешествовать по всему миру и присутствовать на вот этих мини-спектаклях, которые обеспечивает Ханью практически каждым своим появлением на льду* (Первый канал, ГП 2018). Комментатор целенаправленно сообщает телезрителям, что японские болельщики готовы тратить много денег только для того, чтобы увидеть, как катается Ю. Ханью. Более того, комментатор сравнивает выступления фигуриста с актерскими работами, называя их «мини-спектаклями», и подчеркивает, что подобные программы не исключение, а закономерность. Таким образом, общая оценка фигуриста может считаться положительной. Можно ли сказать, что в данном комментарии субъективное отделено от объективного? Несомненно, что данное высказывание субъективно, т. е. отражает отношение комментатора к выступающему спортсмену. Наравне с субъективным мнением мы можем увидеть и объективный компонент: те качества, которые стали причиной оценки, а именно, артистичность исполнения, композиционные особенности

программы. Перечислить абсолютно все объективные качества, которые легли в основу положительной оценки фигуриста, вероятно, невозможно, но в равной степени невозможно утверждать, что объективные факторы вообще отсутствуют или существуют отдельного от субъективной составляющей оценки.

Действительно, оценка, будучи явлением, выражающим положительное или отрицательное отношение субъекта к чему-либо, не может взяться из ниоткуда: неслучайно, в структуре оценки принято выделять основание оценки, т. е. те качества оцениваемого объекта, которые дали стимул для его оценивания [Телия 1986; Арутюнова 1988; Маркелова 1995; Вольф 2006; Martin, White 2005]. Таким образом, субъективный компонент оценки всегда базируется на неких объективных качествах человека, предмета или явления, причем не только реально существующих, «дескриптивных», но существующих, прежде всего, в сознании оценивающего субъекта. Таким образом, объективный компонент оценки может не эксплицироваться (как в общеоценочных прилагательных, например), но всегда присутствует имплицитно. Может ли объективное в оценке существовать без субъективного? Если учесть, что оценка как таковая подразумевает положительное или отрицательное отношение говорящего к объекту, возникает сомнение, что высказывания, содержащие исключительно дескриптивную информацию, в принципе являются оценочными. Следующие два комментария ярко иллюстрируют то, насколько тесно объективный и субъективный компонент переплетаются друг с другом:

1. *Как они ее катают, как они показывают эти переживания и как... На самом деле я все это прочувствовал, и, мне кажется, это гениально* (Россия 1, ОИ 2018);

2. *That was by the rules: every spin, he was working to get the elements up, the footwork was impeccable <...> The quads and everything that he did were brilliant!* [Все выполнено строго по правилам: каждое вращение, каждый элемент, дорожки шагов просто безупречны <...> Четверные прыжки, как и все остальное, выполнены блестяще!] (British Eurosport, ЧЕ 2007).

Первый комментарий иллюстрирует положительную оценку, реализуемую как прямо, с помощью оценочной лексики (*гениально*), так и косвенно, посредством контекста. Субъективизм автора эксплицируется через личные местоимения *я* и *мне*, но объективный компонент оценки здесь также прослеживается: комментатор положительно оценивает технику исполнения программы (*как они ее катают*) и высокую степень выразительности катания (*как они показывают эти переживания*). В данном примере субъективный и объективный компонент оценки взаимодополняют друг друга: комментатор выражает личное мнение относительно исполненной произвольной программы и самих фигуристов в целом, основываясь на определенных качествах объектов оценки.

Второй комментарий также транслирует положительные оценочные смыслы, причем как прямо (*impeccable; brilliant*), так и косвенно (*That was by the rules* [дословный перевод: *это было по правилам*]; *he was working to get the elements up* [дословный перевод: *он прорабатывал каждый элемент*]). Основание положительной оценки, эксплицируемое комментатором – хорошо выполненные вращения, четверные прыжки, дорожки шагов и тщательность, с которой спортсмен подошел к выполнению всех элементов, отвечающих, по мнению комментатора, всем техническим требованиям. Сложно не отметить и субъективный компонент оценки, о чем, например, говорит то, что комментатор вместо констатации оценок исполненной программы прибегает к таким красочным прилагательным, как *impeccable* [безупречный] и *brilliant* [блестящий], а последняя фраза (*The quads and everything that he did were brilliant!* [Четверные прыжки, как и все остальное, выполнены блестяще!]) была произнесена с восклицательной интонацией.

Как мы видим, отделить субъективный и объективный компоненты оценки друг от друга, скорее всего, не представляется возможным, поскольку субъективное и объективное в оценке образуют диалектическое единство: без объективных свойств предмета невозможно вынести оценочное суждение, а без субъективного компонента оценка вообще перестает быть оценкой.

2.2.2.2 Роль эмоций в порождении оценки: рациональная и эмоциональная оценка

Понятия рациональной и эмоциональной оценки во многом связаны с вышеописанным соотношением объективного и субъективного в оценке: при рациональной оценке оценочное суждение выводится исходя непосредственно из качеств оцениваемого объекта, в то время как основа эмоциональной оценки – собственно отношение субъекта оценки к объекту оценки, вызванное неким переживанием [Прокопчик 2010].

Обратимся к некоторым исследованиям, посвященным природе оценки и той роли, которую эмоции играют в ее порождении. Ш. Балли в одной из своих работ отмечает, что эмоции – «естественное и спонтанное проявление субъективных форм нашей мысли: она неразрывно связана с нашими жизненными ощущениями, нашими желаниями, прихотями, нашими оценочными суждениями; она – внешнее выражение личного интереса, который мы проявляем к действительности» [Балли 1955: 113]. Л. М. Зайнуллина, в свою очередь, пишет о том, что мыслительный процесс всегда сопровождается эмоциональным процессом, поскольку эмоции – это естественная реакция на внешний раздражитель. В то же время, исследователь подчеркивает, что «сами по себе эмоции не характеризуются определенным оценочным содержанием, и являются только фактором образования ценностного отношения с его последующим оценочным переосмыслением» [Зайнуллина 2012: 488]. Л. О. Чернейко также указывает на взаимосвязь оценки и эмоциональности: «Выбор знака оценочного высказывания субъектом оценки определяется принятием или неприятием личности, другого объекта оценки» [Чернейко 1996: 44]. И. Н. Худяков, исследуя вопросы соотношения оценки и эмоций, поддерживает идею того, что оценка всегда сопровождается некими эмоциями [Худяков 1980]. Ю. И. Мирошников приводит результаты трудов в области психологии оценки и приходит к выводу, что человеческая способность переживать эмоции лежит в основе оценивания действительности [Мирошников 2003].

Таким образом, эмоции на физиологическом уровне сопровождают все когнитивные процессы.

Рассмотрим интересный комментарий, прозвучавший после произвольной программы японского фигуриста Д. Такахаси: *I can't believe it. I just can't believe it. I tell you that he's a skating Justin Timberlake, isn't he? <...> It's more than Michael Jackson out there on the ice... And that music worked so well but he makes it his own... It's a unique style... The crowd's clapping along... <...> What a performance! It was a complete performance! Those two step sequences were to die for. Just amazing. Now how crucial will that hand down on the triple axel be? The thing I love about this guy is that he doesn't waste any time setting the jumps up, does he? And he has that a little lazy free leg... It's like «I'm just gonna do it, here we go. What is it? Oh-h-h, ОК...» [Это невероятно. Просто невероятно. Ощущение, будто катался сам Джастин Тимберлейк, да? <...> Получилось гораздо интереснее, чем Майкл Джексон на льду... Эта музыка так ему подходит, и он привносит в нее много своего... Его стиль уникален... Зрители все аплодируют... <...> Какое выступление! Великолепное выступление! За те две дорожки шагов можно умереть. Потрясающе. Как, интересно, отразится на итоговых оценках касание льда рукой на тройном акселе? Что мне нравится в этом парне, так это то, как он подходит к выполнению прыжков: не тратит слишком много времени на заход на прыжок, да и левая нога у него всегда несколько расслаблена... Он словно думает: «Я просто возьму сейчас и прыгну, вот так... Что, ошибка? Ну, бывает...»] (British Eurosport, ЧМ 2008).*

Комментарий представляет собой сложное сочетание прямых эксплицитных оценок, выраженных частнооценочными прилагательными (*unique* [уникальный]; *complete* [великолепный]; *amazing* [потрясающий]; *well* [хорошо]), и косвенных оценочных высказываний, как бы заполняющих все пространство между явно оценочной лексикой. Косвенная положительная оценка дается выступлению в целом (*I can't believe it* [дословный перевод: *Не могу в это поверить*]; *What a performance!* [Какое выступление!]; *The crowd's clapping along...* [Зрители все аплодируют...]), артистизму фигуриста (*I tell*

you that he's a skating Justin Timberlake, isn't he? [Ощущение, будто катался сам Джастин Тимберлейк, да?]), тому, как он чувствует музыку (*And that music worked so well but he makes it his own... [Эта музыка так ему подходит, и он привносит в нее много своего...]*), качеству дорожек шагов (*Those two step sequences were to die for [За те две дорожки шагов можно умереть]*). Комментатор также в необычной манере описывает свое впечатление от прыжковых элементов фигуриста, вербализуя предполагаемые мысли спортсмена (*It's like «I'm just gonna do it, here we go. What is it? Oh-h-h, OK...» [Он словно думает: «Я просто возьму сейчас и прыгну, вот так... Что, ошибка? Ну, бывает...»]*). Более того, прямые и косвенные оценки создают единое оценочное пространство, превращая весь комментарий в развернутую оценку, и объект этой оценки один – сам фигурист. С одной стороны, все отдельные примеры оценки в этом комментарии базируются на объективных характеристиках произвольной программы и спортсмена. С другой стороны, чувствуется, что выступление действительно произвело впечатление на комментатора, что, в свою очередь, объясняет такой развернутый комментарий и многообразие способов выражения оценки. Тем не менее, отсутствие явной эмоциональной реакции вовсе не означает отсутствие эмоциональной вовлеченности субъекта оценки.

Рассмотрим еще один комментарий:

- Конкурент серьезный, но... вторая оценка для меня по-прежнему... низкая. Да, он, может быть, стал чуть лучше... но, если честно, такое катание меня как зрителя совершенно не трогает. Да, хорошо исполненные элементы, но я думаю, что ...

- Что сегодня все-таки по второй оценке его должны опустить пониже?

- Да (Россия, ЧЕ 2003).

В данном примере один из комментаторов, И. Авербух (известный в прошлом фигурист-парник, хореограф-постановщик и тренер фигурного катания), довольно сдержанно оценивает французского одиночника Б. Жубера. Стоит также отметить, что Б. Жубер, будущий многократный

чемпион Европы и чемпион мира, в 2003 году только начинал свою соревновательную карьеру на взрослом уровне и по итогам второго взрослого ЧЕ завоевал серебряную медаль, уступив только россиянину Е. Плющенко. И. Авербух все же довольно прохладно оценил прокат будущего серебряного призера: его комментарий звучит интонационно безэмоционально, темп речи медленный, говорит он с долгими паузами между фразами, и содержание самих высказываний не позволяет усомниться в заключенной в них оценке. Так, И. Авербух, с одной стороны, признавая, что французский фигурист – серьезный соперник российским спортсменам, и отмечая хорошую техническую составляющую его программы, с другой стороны, отрицательно оценивает сам прокат и прогнозирует низкую оценку за артистизм. Отдельно комментатор подчеркивает, что программа его «как зрителя не трогает», т. е. не вызывает у него особых эмоций. Однако, как это не парадоксально, тот факт, что какой-то фрагмент действительности, который предположительно должен вызывать эмоции, оставляет человека якобы равнодушным, характеризует этот фрагмент действительности отрицательно и становится причиной формирования у субъекта оценки отрицательного к нему отношения, сопряженного с негативными эмоциями, пусть явно и не проявляющимися. В фигурном катании – виде спорта, соединяющем в себе силу, атлетизм и соревновательный компонент с одной стороны, и экспрессию и зрелищность с другой – способность вызывать особые эмоции у зрителей является одним из критериев успеха, и когда ожидания зрителя относительно положительной эмоциональной реакции на выступление не оправдываются, это, соответственно, вызывает отрицательные эмоции, которые в случае с разочарованным комментатором выливаются в отрицательное оценочное суждение.

Таким образом, любое суждение, так или иначе, вызвано какой-либо эмоцией, переживанием, следовательно, и процесс оценивания в упрощенном виде представляет собой цепочку, состоящую из трех основных звеньев: объективные качества оцениваемого человека, предмета или явления – эмоциональный стимул (положительный или отрицательный) – собственно

оценочное суждение. Положительное или отрицательное отношение, а мы неоднократно подчеркивали, что оценка – это, прежде всего, отношение, всегда подразумевает определенную степень эмоциональной вовлеченности: как отмечают А. М. Бессчастлиная и В. Е. Горшкова, абсолютная объективность при освещении каких-либо событий невозможна [Бессчастлиная, Горшкова 2019]. Автор, так или иначе, всегда субъективен, а субъективность подразумевает эмоциональную составляющую. Действительно, представим человека, который выносит оценочное суждение, основываясь на видимых качествах объекта, минуя «эмоциональное» звено. Но будет ли тогда подобное суждение оценочным, а не просто констатацией факта?

Рассмотрим три комментария, которые объединяет упоминание аплодирующих стоя зрителей:

1. *Стоя ему аплодирует Татьяна Анатольевна Тарасова, и весь зал встает... Они хлопали ему с самого начала, и я вас уверяю, что это не из-за того, что музыка такая ритмичная. Ну хоть кто-то должен в этом мужском фигурном катании прыгать в короткой программе все по максимуму: четыре-три, тройной аксель и лутц* (Спорт, ГП 2007);

2. *Patrick Chan of Canada. Many of the audience are on their feet. Hope you're on your feet at home too. That was just outstanding up there, just absolutely fantastic... The strength and the softness. The other skaters are just acknowledging they're seeing a master at work* [Патрик Чан, Канада. Многие зрители аплодируют ему стоя. Надеюсь, вы тоже аплодируете, стоя перед экраном. Выдающееся выступление, просто фантастика... Сила и мягкость. И другие фигуристы признают его превосходство, превосходство мастера] (British Eurosport, ГП 2013);

3. - *Зал, который только что поддерживал Анну Погорилую, сейчас аплодисментами встречает Евгению Медведеву.*

- *Удачи тебе, Женя!* (Матч ТВ, ЧМ 2017).

В первом примере комментатор, как может показаться, просто описывает то, что он видит перед собой (*аплодирует Татьяна Анатольевна Тарасова; весь зал встает*), но уже в этой части заключена косвенная

положительная оценка: подобная реакция известного тренера и зрителей на стадионе возможна только после удачного проката, и то, что комментатор привлекает к этому внимание телезрителей, свидетельствует о его положительном отношении к завершившемуся выступлению. Вторая часть комментария также характеризуется положительной оценкой фигуриста и его проката. Так, комментатор косвенно отмечает сложность технической составляющей программы (*все по максимуму: четыре-три, тройной аксель и лутц*), одновременно с этим отрицательно оценивая другие короткие программы в этом виде фигурного катания в рамках данного соревнования (*Ну хоть кто-то должен в этом мужском фигурном катании прыгать <...>*). В данном случае оценка, с одной стороны, основана на объективных качествах проката, но, в то же время, она сопряжена и с эмоциональностью, что кажется вполне логичным: комментатору понравилось выступление, программа вызвала у него положительные эмоции, что в итоге вербализировалось в положительную оценку.

Второй пример во многом созвучен предыдущему комментарию: журналист положительно оценивает П. Чана, подчеркивая, что многие зрители встали со своих мест и ему аплодируют (*Many of the audience are on their feet*). На то, что эта фраза заключает косвенную положительную оценку, указывает дальнейшее развертывание комментария. Так, частнооценочные прилагательные (*outstanding* [*выдающийся*]; *fantastic* [*фантастический*]) помогают эксплицировать положительные оценочные смыслы, заложенные еще во фразе про аплодирующих стоя зрителей. Комментатор также предполагает, что и телезрители аплодируют стоя. Более того, журналист привлекает внимание аудитории к тому, что соперники фигуриста не остались равнодушными и признают его мастерство (при этих словах на экране показали нескольких фигуристов, смотрящих трансляцию на экране в одном из залов стадиона и аплодирующих П. Чану). Стремление комментатора отметить, что абсолютно все (зрители, телезрители, спортсмены) восхищаются исполненной программой говорит о том, что комментатор

испытывает сходные эмоции и крайне положительно оценивает фигуриста и его прокат.

В третьем примере мы наблюдаем два высказывания, принадлежащие разным комментаторам, причем прозвучали они перед началом произвольной программы Е. Медведевой, которая выступала сразу после другой российской спортсменки, А. Погорилой. Как и в первых двух примерах, здесь также упоминаются аплодисменты, однако в отличие от предыдущих комментариев, наличие оценочных смыслов в высказывании вызывает сомнения. Более того, именно отсутствие какой-либо эмоциональной вовлеченности комментатора, вероятно, помогает воспринимать высказывание скорее в качестве констатации факта, а не как собственно оценку: комментатор просто информирует телезрителей о том, что после одной фигуристки на льду появилась другая. Высказывание второго комментатора (*Удачи тебе, Женя!*), напротив, довольно эмоционально, но однозначно интерпретировать высказывание как оценочное невозможно. Таким образом, эмоции, как правило, инициируют и сопровождают оценку, тогда как наличие эмоций не всегда свидетельствует о наличии оценки.

В некоторых работах о рациональной оценке были предприняты попытки ее дальнейшей классификации. Так, Н. Д. Арутюнова делит рациональные (рационалистические) оценки на утилитарные (оценки, направленные на полезность или бесполезность объекта оценки), телеологические (оценки, фокусирующиеся на целесообразности того или иного поступка или явления) и нормативные (оценки степени соответствия качеств объекта общепринятым нормам и правилам). Рациональная оценка, по мнению исследователя, обладает рационально-прагматической доминантой [Арутюнова 1984]. Несмотря на то, что мы сомневаемся в возможности выделения сугубо рациональной оценки, классификация типов оценки в зависимости от ее рационально-прагматического основания (полезность, соответствие целям и пр.) кажется нам весьма обоснованной. Тем не менее, подобная типология может иметь ограниченное применение. Так, выше рассмотренные примеры представляют собой преимущественно

эксплицитные косвенные оценки, и, как мы видим, отделить рациональное от эмоционального так же сложно, как и отделить объективное от субъективного. Что касается точного определения рационально-прагматического типа основания оценки, то однозначно отнести оценку к утилитарной или нормативной возможно только в случае с эксплицитными прямыми оценками: неслучайно, в подобных классификациях все примеры представляют собой частнооценочные прилагательные. Рассмотрим следующий комментарий:

<...> they decided to quit halfway and here're the worlds... They weren't sure what they would be able to produce but they have produced again an immaculate performance. Tell it, it was so difficult, some of those steps defied belief... That toe work that he was doing at speed... Yet you get just genius. Oh, I loved that, absolutely loved it from start to finish. Choice of the music, the interpretation... oh goodness me... [<...> они решили сняться с турнира, а потом сразу чемпионат мира... И они не были уверены, получится ли у них выступить достойно, но опять выдали безупречный прокат. Какая же у них сложная программа, некоторые шаги просто невероятны... А та дорожка у Скотта, на высокой скорости... Вы просто понимаете, что они гениальны. Да, мне в их программе нравится все, абсолютно все от начала до конца. Выбор музыки, исполнение... Просто браво...*] (British Eurosport, ЧМ 2011).*

В данном комментарии упоминается и неуверенность спортсменов по поводу того, смогут ли они достичь поставленных целей на ЧМ (теологический компонент), и соответствие выполненных технических элементов эталону (нормативный компонент), и «правильность» выбора музыки и манеры исполнения с точки зрения достижения поставленной цели (утилитарный компонент). Оценочность, заложенная во всем комментарии, также довольно ощутима, но это не позволяет нам отнести отдельные примеры оценки из этого комментария к какому-то конкретному рационально-прагматическому типу, за исключением, вероятно, фразы *immaculate performance* [*безупречный прокат*], где частнооценочное

прилагательное *immaculate* эксплицитно характеризует соотнесенность программы и стандарта, являясь, тем самым, примером нормативной оценки.

Необходимо также помнить, что оценка в речи часто является имплицитной, реализуемой косвенно, например, с помощью контекста. В таком случае, обоснованность деления оценки на рациональную и эмоциональную вызывает еще больше вопросов: в большинстве случаев оценка, «разлитая» в тексте, интерпретируется благодаря определенным фоновым знаниям, и та имплицитная оценочная информация, которую получается извлечь из высказывания, прежде всего, сводится к знаку общей оценки, положительному или отрицательному.

Рассмотрим следующий комментарий: *Я не забываю про то, что она четыре месяца была без прыжков, что она тяжело лечилась, сейчас она на ходу, набирает, и она не у себя дома, поменяла в своей жизни все, и ей нелегко <...>* (Первый канал, ГП 2017). Для идентификации и правильной интерпретации имплицитных оценочных смыслов данного высказывания необходимо знать определенную контекстуальную информацию о том, с какими сложностями столкнулась спортсменка. Немаловажно учитывать и общее отношение комментатора к фигуристке: в нашем случае выступление Е. Медведевой комментирует Т. А. Тарасова, и поклонникам данного вида спорта известно, что Т. А. Тарасова высоко оценивает спортивные качества и заслуги этой спортсменки. При условии, что телезрители имеют соответствующие фоновые знания, из комментария они могут вывести, с одной стороны, имплицитную отрицательную оценку исполненной программы, а, с другой стороны, имплицитную положительную оценку самой фигуристки, поскольку комментатор приводит ряд фактов из жизни Е. Медведевой для того, чтобы оправдать ее спортивную неудачу. Следовательно, определить знак оценки не столь сложно, но сказать с уверенностью, происходит ли одновременно с оценкой процесс рационально-прагматического переосмысления, не представляется возможным.

Сходную ситуацию наблюдаем в комментарии, сделанном журналистом перед началом проката спортсмена: *Next up then the triple European champion.*

Twice off the podium at worlds – in Ontario a couple of years ago and last year in Saitama. Missed out on a medal in Olympics and it's been inconsistent this year although he did win the Rostelecom cup. This is Javier Fernandez from Madrid and his great routine, Black Betty [Следующим на лед выходит трехкратный чемпион Европы. Он дважды упустил золотую медаль чемпионата мира – два года назад в Онтарио и в Сайтаме в прошлом году. Попасть на подиум Олимпийских зимних игр у него тоже не получилось, и в этом сезоне он выступает нестабильно, хотя он все-таки выиграл этап Гран-при в Москве. Хавьер Фернандес из Мадрида и его великолепная программа под композицию *Black Betty*] (British Eurosport, ЧМ 2015).

Первая часть комментария, предшествующая оглашению имени фигуриста, на первый взгляд может показаться просто перечислением основных фактов о спортсмене. При более пристальном изучении этого отрывка возможно также предположить наличие некоторой отрицательной оценки: комментатор довольно подробно описывает все неудачи, постигшие Х. Фернандеса на прошедших ЧМ и зимних Олимпийских играх (далее – ОИ), подчеркивает нестабильность его результатов в текущем сезоне, хотя и отмечает его победу на одном из этапов серии Гран-при (далее – ГП). Общая тональность всего комментария, предваряющего короткую программу фигуриста, меняется на последней фразе: *This is Javier Fernandez from Madrid and his great routine, Black Betty* [Хавьер Фернандес из Мадрида и его **великолепная программа** под композицию *Black Betty*]. Маловероятно, что комментатор, просто излагающий основные сведения о спортсмене или, более того, отрицательно оценивающий фигуриста, завершит его представление словами *great routine* [**великолепная программа**]. Эксплицитная прямая оценка, выраженная прилагательным *great*, помогает аудитории понять, что комментатор в целом положительно оценивает фигуриста. В свете этого, вся первая часть комментария выглядит уже не как отрицательная оценка, а, скорее, как сожаление относительно спортивных неудач Х. Фернандеса, по мнению комментатора, вероятно, заслуживающего более высоких наград. Композиция комментария, а именно то, что имя

спортсмена упоминается уже после его краткой характеристики, также говорит о высоком мнении комментатора об этом спортсмене: подобное построение спортивного комментария характерно для представления именитых фигуристов, когда огласить имя участника – условность, а не необходимость познакомить с ним публику. Кроме того, комментатор упоминает город (а не страну), откуда родом Х. Фернандес, усиливая тем самым эффект от нестандартной композиции и как бы подразумевая, что всем известно, какую страну представляет спортсмен. Таким образом, весь комментарий содержит имплицитную положительную оценку, причем определить четкие границы оценки весьма сложно. Контекст позволяет только определить общий знак имплицитной оценки – в данном случае положительный.

Итак, проанализированный материал показал, что понятия рациональной и эмоциональной оценки довольно условны: оценка, представляющая собой положительное или отрицательное отношение говорящего к объекту оценки, подразумевает некую эмоциональную вовлеченность. В противном случае, оценочное высказывание может оказаться просто констатацией факта, отражением объективной действительности без личного восприятия и переосмысления. При том, что мы считаем подобное разграничение нерелевантным при изучении категории оценочности в рамках нашего материала, выделение таких типов оценки, как утилитарные, нормативные, телеологические и пр. кажется нам довольно обоснованным, поскольку помогает анализировать оценки в зависимости от их основания, т. е. того качества объекта оценки, которое послужило стимулом для оценивания. Говоря о косвенной оценке, однако, важно отметить, что основным типологическим признаком становится положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту оценки: имплицитные оценочные смыслы, как правило, выводятся из контекста и помогают дать общую оценку тому или иному фрагменту действительности.

При изучении косвенной оценки признание того факта, что в оценке в той или иной степени всегда присутствуют эмоции, не менее важно, чем

уточнение относительно нецелесообразности выделения нейтральной оценки (раздел 2.2.1), потому что оба эти фактора непосредственно влияют на то, какое высказывание можно считать косвенно оценочным.

2.2.2.3 Экспрессивность и степень эмоциональности

В работах, посвященных рациональной и эмоциональной оценке, можно столкнуться с различными примерами оценочных высказываний. О. Д. Прокопчик, например, приводит следующие предложения 1) *Что он мог покупать в дрянном (=плохом) магазине?*; 2) *Что он мог покупать в дрянном магазинишке?* в качестве иллюстрации рациональной и эмоциональной оценки соответственно [Прокопчик 2010: 150].

Выше уже приводились доводы в пользу того, что эмоции присутствуют в любой оценке, однако традиционные примеры рациональной и эмоциональной оценки действительно звучат по-разному и, несомненно, должны быть отнесены к разным типам оценки. Проанализируем два примера:

1. *Какое же удовольствие смотреть на такой талант и на такое мастерство... И на человека, который умеет собираться, и ты в нем видишь и чувствуешь огромную силу... И видишь, что он и на третью олимпиаду пойдет и будет там работать* (Первый канал, ГП 2018);

2. *Четыре-три во второй половине!* (там же).

Оба комментария – примеры положительной оценки, более того, они прозвучали во время выступления одного и того же фигуриста в рамках одного проката. В первом случае положительная оценка эксплицируется через слова *талант*; *мастерство*; *огромная сила* и фразу *какое же удовольствие*. Помимо этого, имплицитная положительная оценка может быть выведена из предположения комментатора, что фигурист, возможно, сможет достойно выступить на третьей олимпиаде. Во втором комментарии заложена имплицитная оценка, реализуемая через упоминание факта, что спортсмен выполнил самый сложный элемент у мужчин-фигуристов – каскад из четверного и тройного прыжков. К тому же, элемент был выполнен во

второй половине программы, что характеризует Ю. Ханью как выносливого спортсмена. В рамках типологии «рациональная / эмоциональная оценка» второй пример тяготеет к рациональной оценке, в то время как оценка в первом комментарии может быть описана как эмоциональная.

Действительно, как мы видим из этих примеров, данные комментарии характеризуются разной степенью эмоциональности. В данном случае, скорее всего, на передний план выходит понятие экспрессивности. Несмотря на то, что в некоторых работах были предприняты попытки рассмотреть понятия экспрессивности, эмоциональности и оценки как взаимосвязанные и взаимообусловленные, данная проблема по-прежнему представляется нам слабоизученной. Е. Л. Телицына отмечает, что экспрессивность – это выразительность, «сила проявления чувств и переживаний» [Телицына 2016: 80]. Н. А. Лукьянова, анализируя категорию экспрессивности, приходит к заключению, что экспрессивность – свойство языковых единиц, которое позволяет им выражать «эмоциональное состояние говорящих в момент речи, характеризовать и давать субъективные оценки окружающим предметам и другим людям, усиливать впечатление адресата от полученной им информации, воздействовать на него, побуждая к ответной реакции» [Лукьянова 2015: 187]. Е. В. Самылина подчеркивает, что экспрессивность отражает «меру проявления того или иного признака, степень интенсивности выражения эмоционально-оценочного аспекта» [Самылина 2011: 127]. В рамках данного исследования мы разделяем точку зрения Е. В. Самылиной и определяем экспрессивность как понятие, отражающее степень экспликации эмоциональности в высказывании.

Отдельно стоит упомянуть термин «эмотивность», который также нередко рассматривается в одном ряду с эмоциональностью и экспрессивностью. В данном вопросе нам близка позиция В. И. Шаховского [Шаховский 2008], согласно которой эмоциональность – психологическая категория, а эмотивность – категория языковая, т. е. вербальное выражение эмоций говорящего. Н. А. Лукьянова рассматривает эмотивность как одно из

семантических оснований экспрессивности наряду с эмотивной оценкой, интенсивностью и образностью [Лукьянова 2015].

Итак, в ходе данной части исследования (раздел 2.2.2) мы рассмотрели соотношение субъективного и объективного в оценке, проанализировали связь, существующую между эмоциями и оценкой, а также разграничили понятия эмоциональности и экспрессивности с целью анализа обоснованности выделения рациональной и эмоциональной оценки.

Проанализированный теоретический и практический материал показал, что субъективное и объективное образуют неразрывное единство, поскольку оценка – это всегда некое отношение, положительное или отрицательное, образующееся между субъектом и объектом оценки на основании ряда объективных свойств оцениваемого человека, предмета, явления. Таким образом, оценка не может состояться при отсутствии определенных качеств объекта оценки, которые понравились или не понравились субъекту оценки. Высказывание, построенное исключительно на описании объекта, без выражения отношения к этому объекту, как нам представляется, не является оценочным.

Таковыми же неразрывными элементами оценки, как нам кажется, являются рациональный и эмоциональный компонент: как показывают работы о психологии эмоций и оценки, процесс оценивания, как и любой другой мыслительный процесс, неразрывно связан с эмоциями как базовыми реакциями на любой стимул окружающей действительности. Более того, если доминантой понятия оценка является формирование отношения субъекта к объекту оценки, логичным будет вывод, что отношение не может не быть связано с определенными эмоциями.

Признавая методологическую обоснованность выделения таких типов оценки, как утилитарная, нормативная и др., которые в некоторых работах рассматриваются как подвиды рациональной оценки, важно отметить, что подобная классификация не всегда может быть реализована: в случаях анализа имплицитной оценки точное определение рационально-прагматического типа основания оценки (полезность, соответствие правилам

и пр.) довольно затруднено. Таким образом, полученные результаты подтверждают условность и дискуссионность выделения рациональной и эмоциональной оценки.

В связи со спорностью вопроса о рациональной и эмоциональной оценке и с тем, что эмоции – неотъемлемый компонент оценки, необходимо подчеркнуть особую роль категории экспрессивности в описании степени эмоциональности оценки. Так, если принять то, что определенный эмоциональный фон существует в любом оценочном высказывании, именно экспрессивность будет мерилom уровня эмоциональности.

2.3 Идентификация косвенных оценочных высказываний

Как уже говорилось выше, языковая оценка неоднократно становилась объектом лингвистических (и не только) исследований, и с изучением категории оценочности сопряжен ряд методологических сложностей. Некоторые спорные моменты в методологии оценки были освещены в первых двух разделах второй главы. Цель данного раздела – более детально проанализировать алгоритм идентификации косвенных оценочных высказываний. Так, идентифицировать эксплицитную прямую оценку не представляется сложным, поскольку она реализуется с помощью оценочной лексики (чаще всего, посредством обще- и частнооценочных прилагательных и наречий). Совсем иначе дело обстоит с косвенной оценкой: изучение косвенной оценки осложняется тем, что определить, какая часть текста содержит оценочные смыслы и каковы границы этой оценки – сложная задача для исследователя. Процесс идентификации косвенной оценки субъективен, и четкого алгоритма в научной литературе, посвященной проблемам оценочности, не представлено. Таким образом, парадокс изучения косвенной оценки заключается в проблеме сбора материала для ее исследования.

В рамках данного исследования нами была предпринята попытка создать модель идентификации косвенного оценочного высказывания в тексте.

2.3.1 Разграничение понятий «оценка», «оценочность» и «субъективная модальность»

Создание модели идентификации косвенного оценочного высказывания в тексте представляется нам невозможным без дополнительного уточнения относительно понятий «оценка», «оценочность», «субъективная модальность». Так, дефиниция таких терминов, как «оценка», «оценочность», «модальность» вызывает ряд сложностей. Данные термины широко используются не только в языкознании, но также в литературоведении, психологии, социологии, философии. Во многих работах отечественных и зарубежных лингвистов мы можем наблюдать, что смежные понятия «оценка» (evaluation, appraisal) и «оценочность» (evaluativeness) используются практически как синонимичные, а категории субъективной модальности и оценочности четко не разграничены. Подобные терминологические неясности могут быть вызваны как разнообразием сфер употребления данных терминов, так и субъективной природой модальности и оценки.

Рассмотрим термины «оценка» и «оценочность». Оценка, в первую очередь, является аксиологическим понятием, поскольку в процессе определения ценности того или иного фрагмента объективной действительности происходит разделение на «хорошее» и «плохое». Как отмечает М. В. Никитин, оценка представляет собой некое интуитивное мыслительное действие с целью ориентировочно установить наличие признаков у объектов [Никитин 2000]. По мнению Е. М. Вольф, оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как процесс, когда субъект оценки считает, что объект оценки хороший или плохой [Вольф 2006]. Таким образом, оценкой является действие субъекта, который приписывает некоторому фрагменту действительности положительные или отрицательные качества. Рассмотрим пример комментария, предваряющего начало выступления спортивной танцевальной пары: *A young team, but the boy... What a talent!* [Молодая пара, но партнер... Какой талант!] (British Eurosport, ЧМ 2008). Комментатор дает

положительную оценку фигуристу, которая выражается с помощью восклицательного предложения *What a talent!* [*Какой талант!*]. Фраза *but the boy* [дословный перевод: *но юноша*] также указывает на косвенную оценку: автор сравнивает двух фигуристов, выступающих в паре, причем партнер получает более высокую оценку своих спортивных качеств.

Что касается оценочности, это «свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта» [Марьянчик 2011а: 101], т. е. оценочность может заключаться в оценочном компоненте лексической единицы. Оценочность текста в целом формируется с помощью сложного взаимодействия элементов текста на всех языковых уровнях. В вышеприведенном примере потенциальной оценочностью обладает прилагательное *young*, существительные *team; boy; talent*, конструкция *what* + (прилагательное) + существительное, однако, только взаимодействуя друг с другом, эти единицы текста становятся оценочными.

Разграничение понятий оценочности и субъективной модальности – более дискуссионный вопрос. Прежде всего, для корректного вычленения оценочного высказывания из всего массива текста необходимо разграничить два основных мнения, существующие в аксиолингвистике: одни исследователи отождествляют оценочность с субъективной модальностью, другие, считают, что эти понятия только частично пересекаются друг с другом.

Рассмотрим первый подход. Так, М. В. Ляпон выделяет объективную модальность, которая выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности / ирреальности, и субъективную модальность, смысловую основу которой образует «понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую <...> квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной <...> реакции» [Ляпон, 1990: 303]. Данное определение соотносится с идеями Ш. Балли, который считал, что любое высказывание содержит диктум (фактическое содержание) и модус (индивидуальная оценка излагаемых фактов) [Балли 1955]. Согласно этой концепции, оценка – основа

субъективной модальности и присутствует практически во всех высказываниях. Тогда каким образом мы можем выделить оценочные высказывания в тексте? Если принять концепцию, что оценочность – свойство любого отрезка речи, процесс анализа типа оценок будет значительно усложнен, если вообще возможен. Действительно, в таком случае к оценке будет относиться все то, что не входит в диктум: отношение говорящего, его вовлеченность в процесс коммуникации, выражение уверенности / неуверенности, категоричности / некатегоричности и т. п. Л. М. Васильев, определяя оценку как один из способов познания действительности, считает, что некоторые модальные значения (например, значение долженствования, значение необходимости и пр.) в то же время могут считаться оценочными, так как они выражают оценочные суждения об окружающем мире [Васильев 1996]. В своей классификации оценочных предикатов Л. М. Васильев выделяет особую группу – модально-оценочные предикаты со значением необходимости, долженствования, возможности, уверенности: *необходимо; нужно; обязан; возможно; вероятно; конечно; безусловно; разумеется* и т. д.

Другие исследователи отмечают лишь частичное пересечение понятий оценочности и модальности. Е. М. Вольф, например, рассматривает оценку как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» и вводит термин «оценочная модальность» [Вольф 2006: 11]. А. П. Седых выделяет шесть типов модальностей: 1) алетические (модальности возможности); 2) деонтические (модальности долженствования); 3) эпистемические (модальности вероятности и достоверности); 4) аксиологические (соотнесенность с понятиями «хорошо» и «плохо»); 5) модальности времени; 6) модальности пространства [Седых 2008]. А. П. Седых относит деонтические, эпистемические и аксиологические модальности к субъективным типам модальности. Мы видим, что в данной классификации оценочность – вид субъективной модальности, в рамках которой свойства объекта оценки условно классифицируются как хорошие или плохие.

Как мы видим, в рассмотренных выше определениях наблюдается частичное наложение категорий оценочности и субъективной модальности. Подход, согласно которому субъективная модальность приравнивается к оценке в широком смысле, однако, нам кажется менее обоснованным, поскольку большинство исследователей в основе категории оценочности видят соотнесенность объекта оценки с понятиями «хороший» и «плохой». В таком случае очевидно, что модусы долженствования, возможности и пр. собственно к оценке не относятся. Рассмотрим следующие примеры:

1. *The championships will probably be held in Moscow* [Чемпионат, возможно, пройдет в Москве] (British Eurosport, ГП 2011);

2. *He'll probably win* [Он, возможно, выиграет] (British Eurosport, ЧЕ 2006).

В первом примере комментатор рассуждает о вероятности проведения чемпионата в Москве, а во втором примере – о вероятности победы спортсмена в соревновании. В обоих примерах можно идентифицировать субъективную эпистемическую модальность, выраженную наречием *probably*, однако оценочный компонент содержится только во втором высказывании: комментатор косвенно оценивает шансы фигуриста занять первое место. Первое высказывание не несет в себе оценочности, так как комментатор прежде всего информирует телезрителей о возможности проведения соревнования в России.

Несомненно то, что модальные конструкции могут приобретать оценочное значение только в определенном контексте. Так, рассмотрим еще один пример – комментарий, сделанный после выступления спортсмена: *We can't see him having a problem* [Не думаю, что у него будут какие-то проблемы] (British Eurosport ЧЕ 2009). В данном случае, действительно, модальность невозможности (дословный перевод *we can't see* – «мы не можем представить») приобретает оценочный компонент: комментаторы уверены, что фигурист легко наберет необходимое количество баллов, несмотря на неидеальное, но достойное выступление. В следующем комментарии (на том же самом соревновании) мы видим, что модальное

значение невозможности может реализовываться и без оценочного компонента: *He couldn't come there just because of backache* [Он не смог приехать из-за боли в спине]. Здесь мы видим, что комментатор просто констатирует факт, что фигурист не смог приехать на соревнования из-за проблем со здоровьем.

На основе проанализированного материала, мы можем сделать промежуточный вывод, что принципиальная разница между понятиями «оценка» и «оценочность» заключается в том, что оценка – конкретное действие, целью которого является наделить объект положительными или отрицательными качествами, тогда как оценочность – способность речевой единицы выражать эти качества. Субъективная модальность, в свою очередь, шире понятий оценки и оценочности, так как оценка является одним из видов субъективной модальности наряду с модальностями необходимости, долженствования, достоверности.

Разграничение категорий оценочности и субъективной модальности играет важную роль в методологии анализа оценки в целом, поскольку невозможно выделять оценочные высказывания и типы оценок, если допустить, что оценка априори присутствует во всех отрезках речи с субъективной модальностью.

2.3.2 Модель идентификации косвенных оценочных высказываний

Разграничение понятий оценочности и субъективной модальности (раздел 2.3.1), понимание нерелевантности нейтральной оценки для исследований оценочного дискурса (раздел 2.2.1), признание эмоций как неотъемлемого условия оценки (раздел 2.2.2) необходимы для определения того, какие высказывания являются оценочными, а какие нет. Далее перед исследователями категории оценочности встает еще одна проблема: тогда как прямая оценка, выраженная лексикой с оценочной семантикой, довольно легко идентифицируется в тексте, косвенная оценка, выраженная опосредованно, выводится из самого высказывания. С выделением косвенной

оценки связан ряд методологических сложностей: как понять, что в высказывании заложена косвенная оценка? Каким образом верифицировать полученные результаты? В работах англоязычных лингвистов [Macken-Horarik 2003; Bednarek 2009, 2010; Wilson 2011; Read, Carrol 2012; Drasovean, Tagg 2015] подчеркивается роль интуиции исследователя, поскольку при дискурсивном анализе у нас редко бывает возможность лично узнать у автора высказывания, подразумевал ли он какую-либо оценку или нет. Конечно, именно контекст задает направление интуиции, так как косвенная оценка может быть выведена только при условии наличия контекста. Тем не менее, мы считаем, что для научного анализа оценки необходима более четкая модель, которую в рамках данного исследования мы попытались выработать.

В ходе исследования была предложена модель, позволяющая идентифицировать реплики как косвенные оценочные высказывания. В основу данной модели легли работы, посвященные структуре оценки. Действительно, структура оценки – один из наиболее полно изученных аспектов категории оценочности, причем данный вопрос вызывает наименьшее количество разногласий среди лингвистов. Так, большинство исследователей выделяют субъект оценки (человек или группа людей, оценивающие некий фрагмент действительности), объект оценки (фрагмент действительности, который наделяется положительной или отрицательной ценностью), основание оценки (мотивация оценки) и оценочную шкалу (положительный или отрицательный характер оценки) [Ивин 1970; Телия 1986; Аругтюнова 1988; Маркелова 1995; Вольф 2006]. В работах зарубежных лингвистов среди компонентов оценки также отмечается авторская позиция, подразумевающая эмоциональную реакцию на происходящее [Martin, White 2005].

Опираясь на работы отечественных и зарубежных исследователей структуры оценки и на ранее сделанные нами методологические уточнения, мы определили обязательные компоненты оценки: субъект оценки, объект оценки, основание оценки, оценочная шкала, авторская позиция. Процесс верификации, соответственно, состоит из установления наличия каждого из

обязательных компонентов оценки в высказывании с помощью следующих вопросов:

1. Возможно ли определить субъект и объект оценки данного высказывания? (Субъект и объект потенциальной оценки должны определяться в первую очередь, и при их отсутствии дальнейший анализ бессмыслен.)

2. Что именно и на каком основании оценивается в высказывании? (С помощью данного вопроса можно определить, что именно подвергается оценке: внешние характеристики, интеллектуальные качества, поступки объекта оценки и т. п.)

3. Соотносится ли высказывание с категориями «хорошо» и «плохо»? (Таким образом определяется наличие шкалы оценки.)

4. Содержит ли высказывание авторскую эмоциональную реакцию на что-либо? (Авторская эмоциональная реакция непосредственно связана с предыдущим пунктом – оценочной шкалой: все, что человек соотносит с категориями «хорошо» и «плохо» вызывает в нем эмоциональный отклик. В противном случае, это может быть просто констатация фактов без авторской вовлеченности, передача чужого мнения без выражения собственной позиции, и подобное высказывание уже не является собственно оценочным.)

Третий и четвертый пункты некоторым образом соотносятся с выводами, сделанными в предыдущих разделах, посвященных нейтральной оценке (раздел 2.2.1) и рациональной и эмоциональной разновидностям оценки (раздел 2.2.2.).

Разработанная нами модель идентификации косвенного оценочного высказывания представлена на рисунке 1.

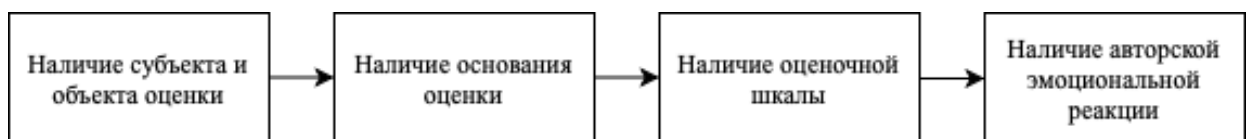

Рис. 1 Модель идентификации косвенного оценочного высказывания

Рассмотрим, как эта модель может быть применена на практике. Допустим, нам необходимо определить, является ли высказывание *And she does have a triple lutz, a triple toe loop combination that we've seen in practice* [И она **все-таки** выполнила каскад тройной лутц - тройной тулуп, который мы видели на тренировке] (слово, выделенное фразовым ударением, отмечено полужирным шрифтом) (British Eurosport, ГП 2018) оценочным. Этот комментарий не несет прямого оценочного значения: в высказывании нет лексики с ярко выраженной оценочной семантикой. Для того чтобы однозначно идентифицировать это предложение как косвенное оценочное высказывание, нам необходимо ответить на приведенные ранее вопросы: 1. Субъект оценки – комментатор, объект оценки – фигуристка. Эти данные выводятся из контекста всего репортажа. 2. Комментатор оценивает техническую компетенцию спортсменки на основании тех элементов фигурного катания, которые она исполняет. На это нам указывает контекст самого высказывания: комментатор отмечает, что фигуристка может исполнять каскад их двух тройных прыжков. 3. Высказывание имеет положительную аксиологическую направленность, что становится понятным только благодаря внеязыковой информации: каскад их двух тройных прыжков – один из самых сложных элементов у фигуристок. 4. Высказывание содержит эмоциональную реакцию на тот факт, что фигуристка исполняет сложный каскад на тренировках. Эмоциональная реакция выражена с помощью грамматических (вспомогательный глагол *does* в утвердительном предложении в усилительной функции) и просодических средств (интонационное выделение глагола *does*). Таким образом, можно заключить, что данное высказывание содержит косвенную оценку.

Рассмотрим следующий пример: *It's a crime that one of the couples has to lose...* [Просто преступление, что одна из пар должна проиграть...]. (British Eurosport, ОИ 2018). Проанализируем данное высказывание с точки зрения наличия всех компонентов оценки: 1. Субъект оценки – спортивный комментатор, объект оценки – два спортивных дуэта, канадские фигуристы Т. Вертью и С. Мойр и французы Г. Пападакис и Г. Сизерон. На тот момент,

когда был сделан комментарий, обе пары завершили выступление, причем французский дуэт уже получил оценку за произвольную программу, а канадцы только ожидали свои баллы. 2. Комментатор прежде всего оценивает общие спортивные качества обеих пар и качество выполненных прокатов. 3. Учитывая то, что комментатор сожалеет о неизбежности проигрыша одной из пар, можно сделать вывод, что он положительно оценивает как канадских, так и французских спортсменов. 4. В высказывании явно идентифицируется авторская эмоциональная реакция на то, что только один дуэт станет победителем, т. е. присутствует и авторская позиция. Следовательно, можно заключить, что вышеприведенное высказывание тоже является оценочным.

Квалификация следующего примера как оценочного кажется менее очевидной: *They've grown up with the new system, they know it backwards, they haven't had to transfer into it* [Они выросли вместе с новой системой судейства, они знают ее вдоль и поперек, им не пришлось перестраиваться под нее] (British Eurosport, ЧМ 2018). За четыре года до этого была введена новая система судейства фигурного катания, которая и упоминается здесь спортивным комментатором. Подчеркивается, что фигуристы выросли с этой системой судейства, а не перестраивались под нее. Является ли данное высказывание косвенно оценочным или это просто констатация факта? Высказывание принадлежит комментатору и направлено на фигуристов, только что откатавших произвольный танец, т. е. субъект и объект высказывания потенциальной оценки присутствуют. В этом высказывании основанием для оценки, вероятно, можно считать качество произвольной программы фигуристов: если подчеркивается то, что спортсмены отлично знают новую систему судейства, значит, их программа соответствует всем необходимым требованиям. Отношение комментатора явно соответствует знаку «плюс» на оценочной шкале, к тому же он эмоционально вовлечен в высказывание, что выражается в использовании идиомы *know backwards* [знать вдоль и поперек]. Таким образом, на наш взгляд, данная реплика все же относится к косвенным оценочным высказываниям. Более того, последующие фразы подтверждают наличие косвенной положительной

оценки в нашем примере: *What a wonderful thing to watch – the quality of that performance was all the technical requirements, ticking all the boxes as far as I know... It is breathtaking skating!* [Это просто потрясающе – наблюдать такое качество катания, соответствующее всем техническим требованиям, я думаю, все выполнено идеально... От такого катания дух захватывает!].

Рассмотрим еще одно высказывание: *She keeps the jumps until the second part of the program* [Она исполняет прыжки во второй половине программы] (British Eurosport, ГП 2017). Отметим, что комментарий был сделан в середине произвольной программы: непосредственно перед ним и после него других комментариев не было. Любители фигурного катания знают, что выполнение основных прыжков во второй половине программы увеличивает стоимость соответствующих элементов на десять процентов. Можно ли расценить данную реплику как косвенную положительную оценку российской спортсменки? Предположим, что комментатор – субъект оценки, фигуристка – объект оценки, а техническая составляющая ее программы – основание оценки. Техническая составляющая может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Для многих специалистов и просто болельщиков умение выполнить сложные прыжки в конце проката – признак мастерства и спортивной выносливости, для других – регрессивная тенденция, когда в погоне за высокими баллами теряется артистизм и сбалансированность программы. Не совсем ясно, какого мнения здесь придерживается комментатор. Эмоциональная реакция автора или авторская позиция тоже не наблюдается, по крайней мере, вывести подобный смысл из высказывания не представляется возможным. Поэтому в данной ситуации это высказывание мы оценочным считать не будем.

Сходную ситуацию наблюдаем и в следующем примере: *Ну что, бронза? Или, может быть, серебро? Для того, чтобы подняться на пьедестал почета и опередить Михала Бржезину, <...> швейцарцу нужно набрать примерно такую же сумму, что и у Бриана Жубера в произвольной, порядка 147 баллов... И тогда он поднимается на пьедестал почета на третью его ступень.* (Россия 2, ЧЕ 2010). Объект (фигурист), субъект

(спортивный комментатор) и основание (шансы на победу в соревновании) предполагаемой оценки идентифицируется легко, тогда как наличие оценочной шкалы и авторской эмоциональной вовлеченности вызывают сомнения. Так, невозможно с уверенностью сказать, положительно или отрицательно оценивается выступление С. Ламбеля: непонятно, как именно комментатор трактует тот факт, что фигурист может не попасть в призы чемпионата. Сомнения вызывает и то, что высказывание – результат эмоционального отклика на выступление: вопросы (*Ну что, бронза? Или, может быть, серебро?*), которые нередко сигнализируют о наличии некоторой эмоциональной вовлеченности, здесь, скорее всего, выполняют фатическую функцию, создавая эффект диалога с телезрителями. В любом случае, контекст всего комментария не позволяет однозначно утверждать, что в высказывании содержатся некие оценочные смыслы.

Рассмотрим пример комментария, сделанного после завершения произвольной программы американских фигуристов М. Дэвис и Ч. Уайта: *Well, considering everything, that was a fantastic response. And when they were performing, I was thinking about the mental build-up to this, they did know – they skate alongside Scott and Tessa all the time – so they knew they would have to put in a faultless performance* [Да, это был достойный ответ, фантастическое катание. Во время их программы я размышлял о том, какие у них крепкие нервы: они ведь знали – они тренируются вместе со Скоттом и Тессой – они знали, что им нужен только идеальный прокат] (British Eurosport, ЧМ 2011). Довольно легко идентифицируется оценочная шкала, причем оценка, несомненно, носит положительный характер. Авторская эмоциональная вовлеченность считывается даже без учета более широкого контекста. Но кто или что является объектом оценки, не столь очевидно. На первый взгляд может показаться, что комментатор оценивает сразу два танцевальных дуэта: собственно американских спортсменов и вышеупомянутую канадскую пару. Основание оценки также размыто: что именно позволяет комментатору приписать положительную ценность описываемому им фрагменту действительности? Среди возможных ответов может быть и общее качество

проката, и моральная выносливость спортсменов. Процесс идентификации косвенных оценочных высказываний осложняет и наличие оценочной лексики (*fantastic* [фантастический]; *faultless* [безошибочный]), т. е. прямой оценки.

Проанализируем данный комментарий более детально: первая реплика, *Well, considering everything, that was a **fantastic** response* [дословный перевод: *Ну, судя по всему, это был **фантастический** ответ*] является примером прямой оценки: комментатор дает прямую положительную оценку американскому дуэту. Однако слово *response* косвенно отсылает телезрителей к другому прокату, а именно выступлению канадских фигуристов: если произвольная программа, выполненная американскими танцорами, представляет собой «фантастический ответ», значит, программа канадцев также оценивается положительно. Таким образом, мы видим, что в одном высказывании слиты воедино и прямая, и косвенная оценка, причем объекты оценки не совпадают. Во второй части комментария мы также можем идентифицировать два примера косвенной оценки: комментатор дает косвенную положительную оценку уровню моральной подготовки американских фигуристов (*the mental build-up to this*), которые понимают, что только при безупречном прокате они смогут претендовать на высший балл. Поклонники фигурного катания знают, что оба дуэта на момент соревнований тренировались в одной группе, у одного коллектива тренеров, что усиливало моральное давление на обе пары (*they skate alongside Scott and Tessa all the time*). Комментатор, несомненно, предполагает наличие этих фоновых знаний у телезрителей, что облегчает идентификацию и последующую интерпретацию косвенной оценки. Косвенная оценка пары Т. Вертью и С. Мойра менее явная: она дается опосредованно, через оценивание дуэта М. Дэвис и Ч. Уайта. Следовательно, в рассмотренном нами комментарии мы наблюдаем взаимодействие и взаимореализацию 1) косвенной и прямой оценки и 2) разных случаев косвенной оценки. В данном отрезке речи спортивного комментатора разные примеры оценки так тесно переплетены друг с другом, что только детальный анализ структуры оценки с помощью

разработанной нами модели помогает точно определить, что и каким образом оценивается в высказывании.

Помимо этого, анализ структуры оценочного высказывания позволяет облегчить процесс классификации и дальнейшего изучения косвенных оценочных высказываний. Так, в контексте спортивного медиадискурса можно выделить типы оценок в зависимости от того, кем является субъект оценки (например, профессиональный журналист, комментатор-тренер, бывший спортсмен, болельщик) или объект оценки (например, спортсмен, тренер, судья, другой комментатор). Основанием для оценки могут быть как общие, так и частные характеристики объекта оценки (спортивная подготовка, внешние данные, качество программы, взаимоотношения с тренером и т. д.). Эмоциональная вовлеченность может характеризоваться разной степенью экспрессии и также представляет научный интерес.

Как мы видим, идентификация косвенного оценочного высказывания – довольно сложный и неоднозначный процесс. Помимо уже сделанных нами уточнений относительно целесообразности выделения нейтральной и рациональной / эмоциональной оценок, для более точного анализа наличия или отсутствия косвенной оценки в тексте принципиально важно разграничивать категории оценочности и субъективной модальности: субъективная модальность – более широкое понятие, включающее в себя помимо оценочного целый спектр различных модусов (долженствования, вероятности и пр.). Данные теоретические выводы особенно важны в процессе идентификации косвенных оценочных высказываний: отождествление субъективной модальности и оценочности, как и использование термина «нейтральная оценка», ведет, как нам кажется, к тому, что любое высказывание, содержащее некое умозаключение можно считать косвенно оценочным.

Проанализированный материал также позволяет отметить значительную роль структуры оценки в процессе идентификации косвенных оценочных высказываний и их дальнейшей классификации и анализе. В рамках данного исследования была разработана модель анализа любого

высказывания с точки зрения наличия в нем оценочных смыслов. Предложенная модель основана на принципе идентификации в высказывании всех обязательных компонентов оценки, таких как субъект и объект оценки, основание оценки, оценочная шкала и авторская позиция / эмоциональная вовлеченность. Только при наличии всех элементов структуры оценки мы признаем высказывание оценочным. Разработанная нами модель позволяет не только выделить косвенное оценочное высказывание из текста, но также облегчает последующий анализ типа косвенной оценки.

2.4 Проблема интерпретации косвенной оценки

Сложная психо-эмоциональная природа оценки в принципе и не прямое языковое воплощение оценки косвенной обусловили сложности, связанные не только с отбором эмпирического материала, но и с анализом уже зафиксированных случаев косвенной оценки. Любому исследователю, занимающемуся изучением косвенной оценки, рано или поздно сталкивается с проблемой ее интерпретации. Поскольку косвенное оценочное высказывание никогда не дает однозначной характеристики объекту оценки, задача адресата – максимально точно интерпретировать оценочные смыслы, заложенные адресантом. Более того, всегда существует вероятность, что оценка будет интерпретирована неверно. Неоднозначность интерпретации косвенных оценочных высказываний связана в первую очередь с тем, что косвенная оценка, как отмечалось выше, является частью не прямой коммуникации.

Мы уже говорили о том, что в теории дискурса существует три основные модели коммуникации: 1) информационно-кодовая модель, согласно которой коммуникация – это прежде всего целенаправленный обмен информацией [Shannon, Weaver 1949]; 2) инференционная модель [Grice 1971], где под коммуникацией понимается обмен смыслами, т. е. участники коммуникации стремятся не столько передать информацию, сколько сделать свои интенции понятными; 3) интеракционная модель [Schiffirin 1994], в рамках которой коммуникация рассматривается как «демонстрация смыслов» [Макаров 2003: 27]. В данном исследовании мы опираемся на

интеракционную модель коммуникации, поскольку данный подход наиболее полно отражает субъективный характер коммуникации и ее ситуативную обусловленность. Именно интеракционная модель коммуникации допускает неосознанную передачу смыслов, не предназначенных для интерпретации, но тем не менее интерпретируемых реципиентом.

Полноценная речевая коммуникация невозможна без понимания того, что и для чего говорит адресант. Процесс понимания и, как следствие, общения усложняется в тех случаях, когда высказывание содержит скрытые смыслы, требующие дополнительных интерпретативных усилий со стороны реципиента. Поскольку скрытая, имплицитная информация по определению не имеет словесного выражения, именно процесс интерпретации помогает извлечь «невысказанное». Интерпретация невербализованной информации, заложенной в косвенном оценочном высказывании, далеко не всегда однозначна: понимание одной и той же фразы может существенно отличаться в зависимости от реципиента. Особый интерес вызывают случаи, когда интерпретируются те косвенные оценочные высказывания, адресатом которых является массовая аудитория: автор косвенного оценочного высказывания должен в большей или меньшей степени быть уверен, что транслируемые им, пусть и неявно, оценочные смыслы адекватно поняты слушателями или зрителями. Если допустить, что интерпретация, как и оценка, как правило, субъективна, то возникает закономерный вопрос относительно тех условий интерпретации, которые, тем не менее, обеспечивают стабильный процесс понимания между коммуникантами.

Согласно ряду исследований, интерпретация представляет собой сложный многоуровневый когнитивный процесс, направленный на понимание текста, причем интерпретация трактуется и как деятельность, и как результат этой деятельности [Долинин 2005; Вишнякова 2018]. С. Т. Нефедов и В. Е. Чернявская, анализируя вопрос дискурсивной компетентности, трактуют интерпретацию как процесс определения замысла автора высказывания, его импликатур и пресуппозиций. Помимо этого, исследователи подчеркивают роль владения общими кодами,

социокультурными конвенциями и интертекстуальными знаниями для адекватной интерпретации высказывания [Нефедов, Чернявская 2020].

Нелинейный характер интерпретации и ее высокая обусловленность языковыми и внеязыковыми факторами делают невозможным изучение интерпретации в отрыве от тех явлений, которые считаются основополагающими в интерпретативной деятельности адресата текста. Так, Е. Н. Ширяев подчеркивает роль «конситуации» как некой константы и отправной точки в процессе извлечения скрытой информации. Конситуация, по мнению исследователя, может быть трех типов: 1) контекст; 2) визуально-чувственная ситуация; 3) апперцепционная база (фоновые знания) [Ширяев 1986; Ширяев 2001]. Визуально-чувственная ситуация – аспект коммуникации, не поддающийся формально-лингвистическому анализу, и поэтому в данном разделе в фокусе исследования находятся контекст и фоновые знания как основные факторы, определяющие интерпретацию неявных оценочных смыслов.

2.4.1 Роль контекста в процессе интерпретации косвенных оценочных высказываний

В первую очередь, проанализируем контекст как важное условие адекватной интерпретации косвенных оценочных высказываний. С. Т. Нефедов и В. Е. Чернявская рассматривают контекст как источник «смысловых опор, задающих рамки и перспективу для интерпретации коммуницируемого в форме речевых структур содержания» [Нефедов, Чернявская 2020: 83], подчеркивая, однако, динамичный характер контекста: контекст не сводится исключительно к заранее заданному набору факторов, а формируется и видоизменяется в процессе коммуникации. Тот факт, что элементы контекста, взаимодействуя с конвенциональным значением слов, позволяют высказыванию обрести актуальный смысл, не подвергается сомнению: контекстуальные характеристики языковых единиц непосредственно участвуют в процессе их семантизации и, соответственно, интерпретации [Чернявская 2014; Скоробогач 2020]. Определение тех

составляющих контекста, которые помогают реконструировать интенции автора, напротив, не только вызывает многочисленные дискуссии, но и не поддается формализованной процедуре исследования.

Рассмотрим некоторые классификации контекста в лингвистике. По способу выражения выделяют вербальный и невербальный контекст [Мощанская 2014]. С точки зрения охвата выражения лингвисты говорят о микро- и макроконтексте или узком и широком контексте соответственно, понимая под микроконтекстом минимальное окружение языковой единицы (словосочетание и предложение). Макроконтекст, в свою очередь, выходит за пределы предложения и может быть представлен несколькими предложениями, абзацем и целым текстом [Бархударов 1975]. Г. В. Колшанский трактует понятие макроконтекста еще шире, включая в него знание ситуации и другие экстралингвистические факторы [Колшанский 1980]. О. С. Ахманова и И. В. Гюббенет вводят оппозицию «горизонтальный / вертикальный контекст»: в качестве горизонтального контекста рассматривается собственно языковой контекст, т. е. языковое окружение единицы, а вертикальный контекст представляется как совокупность фоновых знаний участников коммуникации [Ахманова, Гюббенет 1977], что в некоторой степени соотносится с концепцией микро- и макроконтекста Г. В. Колшанского.

В зависимости от функций выделяются 1) разрешающий контекст (снимающий полисемию языкового знака); 2) поддерживающий контекст (обеспечивающий повторяемость значения определенной единицы); 3) погашающий контекст (создающий нетипичное значение языковой единицы в тексте); 4) компенсирующий контекст (обеспечивающий адекватное восприятие смысла в условиях невыраженности какого-либо элемента высказывания); 5) интенсифицирующий контекст (направленный на возникновение новых значений языковой единицы) [Лингвистический энциклопедический словарь 2002].

А. А. Вербицкий и В. Г. Калашников предлагают переосмысление понятия «контекст» с позиций психологии, подразделяя контекст на

внутренний и внешний. Согласно данной концепции, внутренний контекст включает в себя весь объем знаний участников коммуникации, их ценности, взгляды, целеустановки, тогда как внешний контекст – это вся информация о внеязыковой ситуации [Вербицкий, Калашников 2011]. Т. С. Галич, разделяя точку зрения на возможность выделения внутреннего и внешнего контекста, оперирует термином «общий контекст», определяя его как динамичный тип контекста, репрезентирующий внутренний и внешний контексты в конкретной ситуации общения [Галич 2015].

Вышеперечисленные виды контекста не исчерпывают всего многообразия трактовок данного понятия. Так, в научной литературе нередко встречаются такие термины, как «культурный контекст», «социальный контекст», «глобальный контекст» и мн. др. В рамках этого исследования все внеязыковые условия коммуникации, влияющие на восприятие и понимание транслируемых смыслов, мы определяем как экстралингвистический контекст. Те условия речевого общения, которые так или иначе связаны с пресуппозицией и когнитивными схемами, необходимыми для интерпретации действительности, мы рассматриваем не как отдельные виды контекста, а как когнитивную базу коммуникации, взаимодействующую с контекстом, но собственно контекстом не являющуюся. Центральное место в процессе контекстуализации высказывания, вероятно, занимает языковой контекст (узкий или широкий в зависимости от области охвата). Мы также учитываем классификацию контекста по выполняемым им функциям, поскольку отдельные функциональные разновидности контекста играют важную роль в процессе интерпретации косвенных оценочных высказываний.

Рассмотрим несколько примеров косвенной оценки в речи спортивных комментаторов с точки зрения влияния контекста на интерпретацию косвенных оценочных высказываний:

1. *А сейчас... Сеницына - Кацалапов. Те люди, которые нарушили вчера спокойствие... И технической оценкой выиграли у великих французов!* (Первый канал, ЧЕ 2020);

2. *Я бы сказал, это не бурлеск... Это блеск!* (Первый канал, ЧМ 2019).

В первом комментарии журналист, кратко представив пару, упоминает, что они «нарушили вчера спокойствие». Полагаем, что данную фразу можно отнести к косвенно оценочным: комментатор не просто сообщает о факте «нарушения спокойствия», а пытается дать спортсменам некую характеристику. Вне контекста, однако, это косвенное оценочное высказывание имеет как минимум два варианта интерпретации: причиной «нарушения спокойствия», с одной стороны, может быть очень успешное выступление, а с другой – неудачный прокат или какая-либо конфликтная ситуация. Следовательно, и оценка, заложенная в высказывании, может расцениваться как положительная или отрицательная. Знание внеязыковой ситуации (днем ранее судейская бригада не могла решить, какую пару, российскую или французскую, поставить на первое место по итогам ритм-танца, и выставление оценок заняло гораздо больше времени, чем обычно) некоторым образом облегчает понимание высказывания, но не дает возможность интерпретировать его однозначно. Так, вероятно, комментатор связывает задержку в выставлении оценок и сомнения судей с тем, что российский танцевальный дуэт выступил недостаточно хорошо для значительного «отрыва» от соперников. Для адекватной интерпретации этого случая косвенной оценки необходимо учитывать широкий контекст: после некоторой паузы комментатор сообщает, что спортсмены «технической оценкой выиграли у великих французов». В этой фразе комментатор эксплицирует положительную оценку, отмечая, что по технике российские спортсмены опередили «великий» французский дуэт, Г. Пападакис и Г. Сизерона. Именно эта часть контекста позволяет интерпретировать высказывание про «нарушение спокойствия» как косвенно положительное.

Рассмотрим второй комментарий. Спортсменка хорошо исполнила произвольную программу, поставленную под музыку из фильма-мюзикла «Бурлеск» 2010 года. После выступления фигуристка расплакалась, и было не совсем понятно, плачет ли она от радости, расстройства или просто от облегчения, что сложный спортивный старт позади. Первый комментарий, который прозвучал после завершения проката, был «Я бы сказал, это не

бурлеск...», и подобная характеристика ситуацию не прояснила. Слово «бурлеск» вызывает противоречивые ассоциации в зависимости от того, связывает ли реципиент это понятие с жанром комической поэзии Средневековья и «снижением» возвышенного или с красочным и ярким голливудским фильмом. Как следствие, косвенная оценка, заложенная в высказывании «это не бурлеск», может интерпретироваться и как положительная, и как отрицательная. Подобная двойственность возможной интерпретации косвенного оценочного высказывания, как и в предыдущем примере, не снимается внеязыковым контекстом. Правильно интерпретировать косвенную оценку помогает еще одна реплика комментатора, прозвучавшая после короткой паузы: «Это блеск!». Данная фраза относится к широкому контексту анализируемого косвенного оценочного высказывания, и за счет того, что в ней явно транслируются положительные оценочные смыслы, способствует правильной интерпретации этого высказывания.

Рассмотрим еще один пример: *This is the moment of truth for Alina Zagitova. Everything's come up roses in her career, suddenly a setback in the short program which means she starts the free in the fifth place, a real shot at a medal, of course* [Это момент истины для Алины Загитовой. Прежде ее карьерный путь был устлан розами, но неожиданно последовала неудача в короткой программе, и перед началом произвольной программы она занимает пятое место. Это, конечно, заявка на медаль] (British Eurosport, ГП 2017). Данный комментарий также может интерпретироваться неоднозначно. С одной стороны, комментатор излагает объективные факты: А. Загитова не совсем удачно откатала короткую программу, перед произвольным танцем занимает промежуточное пятое место, что для нее нехарактерно, так как прежде она редко терпела поражения. Однако использование крылатого выражения *the moment of truth* [момент истины], идиомы *to come up roses* [быть устланным розами], модального дискурсива *of course* [конечно] указывают на наличие оценочного значения. При анализе данного высказывания вне контекста может возникнуть ощущение двойственности в оценке. Так, существует

минимум два варианта интерпретации оценки комментатора: 1. Комментатор преимущественно отрицательно оценивает фигуристку из-за неудачи в короткой программе, подразумевая, что успешная серия прервана, и теперь для А. Загитовой наступает «момент истины». Комментатор подчеркивает, что пятое место – неудачное для старта в произвольной программе, хотя шансы на призовое место сохраняются. 2. Комментатор преимущественно положительно оценивает фигуристку, отмечая ее предыдущие достижения. Неудачное пятое место было большой неожиданностью, поэтому теперь для А. Загитовой наступает «момент истины», ведь фигуристка по-прежнему претендует на медаль. Одной из причин неоднозначности комментария является то, что данная реплика предваряет выступление спортсменки. Однако последующие комментарии проясняют ситуацию: *She's the most talented female skater in the world, very possibly even now at the age of fifteen!* [Она самая талантливая фигуристка в мире, возможно, уже сейчас, в пятнадцать лет!]. Таким образом, корректная интерпретация данного оценочного высказывания также напрямую зависит от контекста.

В вышеприведенных комментариях основополагающим фактором адекватного понимания косвенной оценки становится именно широкий контекст, что для интерпретации косвенных оценочных высказываний – характерное явление, поскольку косвенная оценка (как правило, заключенная не в одном слове, а во фразе, предложении или нескольких предложениях) требует учета контекста всего комментария. Тем не менее, необходимо уточнить, что узкий контекст также важен для интерпретации косвенной оценки, но его значимость при восприятии косвенной оценки не выше, чем при понимании любого другого высказывания: узкий контекст необходим, например, для актуализации в речи одного из значений многозначного слова, что, однако, не делает узкий контекст ключевым условием корректной интерпретации неявных оценочных смыслов. Для интерпретации косвенной оценки должен обязательно учитываться и экстралингвистический контекст. В большинстве случаев, тем не менее, экстралингвистический контекст как бы дополняет собственно языковой контекст.

В ходе исследования нам удалось выявить относительно немного случаев, когда интерпретация косвенного оценочного высказывания без экстралингвистического контекста была принципиально невозможна. Все подобные примеры косвенной оценки относились к ситуациям, когда комментатор давал положительную оценку спортсмену с помощью специализированной лексики, как, например, во фразе *Четыре-три во второй половине!* (Первый канал, ГП 2018). Каскад, состоящий из четверного и тройного прыжков – один из самых сложных элементов фигурного катания, а исполнение сложных элементов во второй половине программы говорит о высокой физической выносливости спортсмена. В случае, когда журналист сопровождает исполненный элемент таким кратким комментарием, решающую роль в интерпретации оценки играет экстралингвистический контекст, хотя комментаторы, видимо, опасаясь недопонимания со стороны аудитории, стараются давать более широкий контекст подобным высказываниям, если не во время выступления, то после него. Таким образом, косвенная оценка в речи формируется за счет комплексного взаимодействия разных типов контекста, но их роль для адекватной интерпретации неявных оценочных смыслов – разная.

Рассмотрим несколько комментариев с точки зрения взаимодействия нескольких типов контекста:

1. *They've done it again* [Они снова это сделали] (British Eurosport, ЧМ 2011);

2. *A triple twist... the first scheduled element... Here it goes. Lovely and high, hands down. That really was textbook stuff* [Тройная подкрутка... первый запланированный элемент... Вот и он. Красиво, высоко, руки опущены. Прямо как из учебника] (British Eurosport, ЧЕ 2016);

3. *Brian Joubert has answered. He's answered the ISU ... «I can do it, even if you get to take points away from me» <...> Brilliant! Well done, Brian Joubert! The defending champion and he skated like a champion. He's the emperor of the ice out there* [Брайан Жубер ответил. Он ответил ИСУ... «Я все могу, даже когда вы ставите мне низкие оценки» <...> Блестяще! Ты молодец, Брайан

Жубер! Действующий чемпион, и катался он по-чемпионски. Здесь он – император льда] (British Eurosport, ЧМ 2008).

Первый комментарий прозвучал сразу по завершении проката. Если рассматривать его вне широкого и экстралингвистического контекстов, комментарий и заложенные в нем оценочные смыслы допускают различные трактовки. Так, совсем непонятно, что именно фигуристы «снова сделали» и как это их характеризует, положительно или отрицательно. Прежде всего, правильно понять данное высказывание помогает широкий контекст, в частности, та часть репортажа, которая предшествовала этой реплике: перед началом выступления комментатор восторженно представил фигуристов, огласив все их регалии и предположив, что они хорошо выступят: *<...> how close it was – two and a half tenths... They never fail in moments like this... I might be going ahead of myself but I have total confidence in them even though there's less than a mark in front of the Americans. Here are the reigning world, the reigning Olympic champions – Tessa Virtue and Scott Moir* [*<...> тогда был минимальный отрыв – всего двадцать пять сотых... В такие моменты они никогда не проигрывают... Возможно, я забегаю вперед, но я абсолютно в них уверен, даже несмотря на разницу в один балл по сравнению с оценками американцев. Итак, на льду действующие чемпионы мира, действующие Олимпийские чемпионы – Тесса Вертью и Скотт Мойр*]. Как мы видим, комментатор с самого начала весьма положительно оценивает спортсменов, что позволяет предположить наличие положительной оценки и в последующих комментариях. Кроме того, журналист подчеркивает, что он «абсолютно в них уверен», и утверждает, что в ситуациях с небольшой разницей в оценках «они никогда не проигрывают» (разница как раз составляла всего один балл, что также упоминается комментатором). Проанализировав широкий контекст, реципиент может заключить, что фраза *They've done it again* [*Они снова это сделали*] подразумевает, что Т. Вертью и С. Мойр, как и до этого при аналогичных обстоятельствах, выступили удачно. Интерпретацию значительно облегчает и знание экстралингвистического контекста, например, информация о том, что «американцы» – это

американский дуэт М. Дэвис и Ч. Уайт и, к тому же, основные соперники пары Вертью – Мойр. Разница в 0,25 балла для противостояния этих дуэтов также распространенное явление, из которого канадцы чаще выходили победителями.

Значительная часть второго комментария содержит имплицитные оценочные смыслы: за исключением прилагательного *lovely* [*красивый*], являющегося показателем эксплицитной прямой оценки, остальные высказывания представляют собой примеры имплицитной оценки. Так, интерпретация всех основных характеристик, которые комментатор дает выполненному элементу (тройной подкрутке), требует не только широкого, но и экстралингвистического контекста: тот факт, что подкрутка была высокой (*high*), с вовремя опущенными руками (*hands down*) и словно выполнена по учебнику (*That really was textbook stuff*), имплицитно характеризует технику выполнения элемента положительно.

Третий комментарий представляет собой смесь прямых (*brilliant* [*блестящий*]; *well done* [*молодец*]) и косвенных оценок, как эксплицитных (*he skated like a champion* [*катался он по-чемпионски*]), так и имплицитных (*Brian Joubert has answered* [*Брайан Жубер ответил*]; *he's the emperor of the ice* [*он – император льда*]). Для интерпретации прямых оценок достаточно узкого контекста, причем прямые оценки в дальнейшем выполняют роль широкого контекста, необходимого для интерпретации косвенных оценок. Для выведения положительных оценочных смыслов из фразы *he skated like a champion* [дословный перевод: *он катался как чемпион*], которая является примером эксплицитной косвенной оценки, необходим узкий контекст, позволяющий выбрать, например, актуальное значение слова *champion*, а также широкий контекст – собственно прямые положительные оценки и упоминание титула действующего чемпиона мира, что позволяет соотнести удачное исполнение программы с предыдущими спортивными успехами. Декодирование имплицитных оценок помимо узкого и широкого контекста, как правило, требует экстралингвистического контекста: реплика *Brian Joubert has answered* [*Брайан Жубер ответил*] интерпретируется за счет

понимания внеязыковой ситуации, связанной со взаимоотношениями между спортсменом и ИСУ – Международным союзом конькобежцев – а в данном случае, судейской бригадой. По мнению некоторых специалистов фигурного катания, оценки французского фигуриста за короткую программу (анализируемый комментарий был сделан во время произвольной программы, т. е. на следующий день) были несправедливо занижены. Так, один балл был снят якобы за чрезмерный вокализ в музыке, хотя на фоне общего запрета «голоса» в музыкальной композиции (впоследствии отмененного) вокализ все же допускался. Жаркие дискуссии вызвало и то, что за два месяца до ЧМ, на ЧЕ, также проводимого под эгидой ИСУ, Б. Жубер уже катал эту короткую программу под ту же самую музыку, и оценка не была снижена. Реплика о том, что фигурист «ответил» судьям, имплицитно подразумевает положительную оценку: своим прокатом он показал, на что способен даже в условиях занижения оценок судьями.

Таким образом, проанализированный материал показал, что основной характеристикой косвенной оценки является необходимость интерпретации оценочных смыслов со стороны реципиента, причем смысл, выводимый адресатом, может значительно отличаться от того, который в него вкладывал адресант. Проблемы интерпретации косвенной оценки вызваны ситуативным и субъективным характером не прямой коммуникации, что также согласуется с интеракционной моделью коммуникации. Интерпретативная неоднозначность косвенных оценочных высказываний повышает роль контекста в процессе их осмысления. Роль контекста при интерпретации косвенных оценочных высказываний, действительно, сложно переоценить: в условиях наличия скрытой оценочной информации контекст становится той «опорой», которая позволяет правильно распознать интенции автора. Рассмотрев некоторые классификации типов контекста, мы пришли к выводу, что, прежде всего, важно учитывать узкий и широкий виды языкового контекста, а также экстралингвистический контекст.

Подчеркнем, что проанализированные примеры косвенной оценки проиллюстрировали особую значимость широкого контекста: природа

косвенной оценки такова, что оценочные смыслы редко концентрируются в одном слове или словосочетании, поэтому и интерпретация косвенной оценки требует выхода за рамки предложения. Однако мы не исключаем, что в определенной коммуникативной ситуации именно узкий контекст будет основополагающим при интерпретации косвенной оценки. Что касается экстралингвистического контекста, он, несомненно, должен учитываться при интерпретации косвенных оценочных высказываний, хотя внеязыковой контекст, как и узкий контекст, чаще всего выполняет вспомогательную роль. Релевантность широкого контекста при интерпретации косвенной оценки, вероятно, связана с тем фактом, что комментатор, избегая возможной двусмысленности, «дублирует» оценку в ближайшем окружении непосредственно косвенного оценочного высказывания. Помимо этого, нам удалось проследить определенную взаимосвязь между типом оценки и типом контекста, играющим ключевую роль при ее интерпретации. Так, интерпретация эксплицитных прямых оценок требует, прежде всего, узкого контекста, интерпретация эксплицитных косвенных оценок – преимущественно широкого контекста, тогда как имплицитные оценки, косвенные по природе, адекватно интерпретируются при обязательном наличии как широкого, так и экстралингвистического контекстов, т. е. с возрастанием степени «неявности» оценочных смыслов, возрастает и объем контекста, необходимого для правильного восприятия оценки.

2.4.2 Фоновые знания и их роль в интерпретации косвенной оценки

Понятие фоновых знаний довольно часто фигурирует в научных работах, выполненных в рамках лингвистики текста и лингвистики речи, что, вероятно, связано с общей тенденцией к прагматизации лингвистического анализа в дискурсивно-ориентированных исследованиях. Одним из наиболее часто упоминаемых определений фоновых знаний является формулировка О. С. Ахмановой, согласно которой фоновые знания – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения»

[Ахманова 1966: 498]. Данную точку зрения в большей или меньшей степени поддерживают [Верещагин, Костомаров 1983], [Тер-Минасова 2000], [Валгина 2003]. Согласно этой концепции фоновые знания – невербальный компонент коммуникации, включающий в себя представления, стереотипы, особенности культуры, факты, известные всем членам национальной общности [Комарова 2010]. Г. Д. Томахин максимально широко определяет фоновые знания как весь фонд знаний, которыми владеют участники коммуникации к моменту общения [Томахин 1980].

В научной литературе, посвященной проблеме интерпретации, однако, встречается ряд терминов, имеющих сходные трактовки. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что в качестве фонда общих знаний собеседников выступает пресуппозиция [Арутюнова 1988]. О. С. Ахманова и И. В. Гюббенет ввели термин «вертикальный контекст» для описания знаний различных реалий, имен собственных, цитат, аллюзий и пр., которыми свободно располагают коммуниканты [Ахманова, Гюббенет 1977]. В ряде работ совокупность знаний и представлений о культурной ситуации, форме коммуникации, статусно-ролевых отношениях участников коммуникации рассматривается как «когнитивный контекст» [Корниенко 2019]. Более того, дефиниция экстралингвистического контекста как информации, «выходящей за рамки лингвистического окружения слова (обстановку, время и место, к которому относится высказывание), а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании» [Комиссаров 1990: 142] демонстрирует терминологическую смежность понятий экстралингвистического контекста и фоновых знаний.

Несмотря на то, что вышеперечисленные термины периодически используются как синонимы, представляется необходимым подчеркнуть их неидентичность. Так, фоновые знания, пресуппозиции, экстралингвистический контекст и пр., являясь невербальной частью коммуникации, обеспечивают адекватное восприятие и декодирование транслируемой информации, что, тем не менее, не означает их полной

эквивалентности: прежде всего, они отличаются объемом заключенной в них невербальной информации. Помимо этого, на выбор того или иного термина может влиять исследовательская доминанта – тот аспект изучаемого явления, который наиболее важен для исследователя: термин «когнитивный контекст», например, во многом пересекается с определением фоновых знаний, но дефиниция «когнитивный контекст» позволяет акцентировать внимание не только на фоновых знаниях, но и на тех когнитивных механизмах, которые активизируют фоновые знания. Не эквивалентен фоновым знаниям и вертикальный контекст. Во-первых, традиционно выделяемые типы вертикального контекста, филологический (цитаты, аллюзии и пр.) и социально-исторический (общественно-политические, исторические и др. реалии), не включают знаний о ситуации, непосредственно предшествующей моменту коммуникации. Кроме того, вертикальный филологический контекст тесно переплетается с категорией интертекстуальности, что, возможно, и обусловило популярность термина «вертикальный контекст» при изучении художественных текстов.

Отдельно хотелось бы остановиться на различиях между фоновыми знаниями и пресуппозицией, хотя, как отмечалось выше, ряд исследователей отождествляет эти понятия [Валгина 2003; Золотова 2009]. Понятие пресуппозиции значительно шире фоновых знаний, так как включает в себя все знания, предположения и суждения об окружающем мире, в том числе и знания языковой структуры, парадигматических отношений в системе языка и других фактов языковой действительности, необходимых для правильной интерпретации высказывания [Лисоченко 1992; Бастун 2020]. Н. Д. Арутюнова, анализируя функции пресуппозиций, выделила экзистенциальные, логические (операциональные), прагматические, коммуникативные и лингвистические пресуппозиции, что также подчеркивает масштаб этого явления [Арутюнова 1973].

Экстралингвистический контекст, напротив, по сравнению с фоновыми знаниями охватывает меньший объем невербальной информации: в отличие от фоновых знаний экстралингвистический контекст не подразумевает «весь

фонд знаний», а исключительно факты внеязыковой действительности, связанные с конкретной ситуацией общения.

Как и экстралингвистический контекст, фоновые знания дополняют собственно языковой контекст, помогая ускорить процесс интерпретации и проникнуть глубже в суть высказывания. Рассмотрим один из комментариев: *Oh, goodness me! What a beautiful skate! Wow! These are the cats among the pigeons!* [Боже мой! Прекрасный прокат! Здо́рово! Да, прямо как кошки на голубятне!] (British Eurosport, ЧМ 2008). Первая часть комментария эксплицитно выражает положительную оценку канадского дуэта, вторая часть, напротив – яркий пример имплицитной оценки: смысл всего высказывания не может быть выведен исключительно из значения его компонентов. Фраза *These are cats among the pigeons!* [дословный перевод: они – кошки среди голубей] отсылает нас к британской идиоме *to throw / put / set the cat among the pigeons* [дословный перевод: пустить кошку к голубям]. Cambridge Dictionary Online дает следующее определение данному выражению: *to say or do something that causes trouble or makes a lot of people very angry* [говорить или делать что-либо, что причиняет неудобство кому-либо или приводит многих людей в ярость]. Согласно словарному определению эта идиома имеет скорее отрицательный оценочный потенциал, но он вряд ли реализуется в данном примере, так как положительная оценка явно эксплицируется через восклицания *Oh, goodness me!* [Боже мой!]; *What a beautiful skate* [Прекрасный прокат!]; *Wow* [Здо́рово!]. Только в контексте всего комментария возможно интерпретировать сравнение фигуристов с кошками на голубятне как положительную характеристику их спортивных качеств: комментатор подчеркивает, что уровень танцевальной пары настолько высок, что их соперников, скорее всего, ждет сокрушительное поражение. Как мы видим, адекватная интерпретация косвенного оценочного высказывания невозможна без учета широкого контекста. Более того, степень уверенности в правильности интерпретации того или иного оценочного высказывания прямо пропорциональна объему фоновых знаний реципиента. Так, если учесть не только информацию, относящуюся непосредственно к

ситуации общения, но совокупность всех сведений об этих спортсменах (баллы ранее выступивших пар, спортивные достижения оцениваемого дуэта, качество тренировок, уровень подготовки к спортивному сезону в целом и пр.), скорость и точность интерпретации косвенного оценочного высказывания значительно повышается.

Сравним два комментария:

1. *Поздравляю, Женя, неплохо... Во всяком случае, она себя превозмогла... и она его сделала... но не совсем технически точно... но удержалась... не падала... будет с ошибкой, но больше, чем 2,5... Все остальное, мне кажется, что... симпатичная очень программа... и она ее чувствует, она не просто так это исполняет* (Первый канал, КР 2020);

2. *Восторг... Восторг... Настоящее произведение искусства! Не короткая программа, а просто какая-то песня... Совершенно изумительно, это просто какая-то поэма... Поздравляю всех участников этого мероприятия* (там же).

Языковой и экстралингвистический контекст позволяют предположить, что в обоих комментариях транслируются положительные оценочные смыслы, но с разной интенсивностью положительной оценки: второй комментарий, относительно короткой программы К. Валиевой, характеризуется бóльшей экспрессивностью, тогда как положительная оценка проката А. Трусовой звучит сдержанно. Так, Т. А. Тарасова, комментируя программу А. Трусовой, постоянно делает паузы, как бы размышляя над дальнейшими словами, и детенсифицирует положительную оценку постоянными *но; во всяком случае; мне кажется*. Может создаваться впечатление, что комментатор сомневается в даваемой фигуристке оценке, что, однако, не отменяет того факта, что оценка в целом положительная.

Для верной интерпретации скрытых оценочных смыслов в данных высказываниях необходимо обладать определенными фоновыми знаниями. Прежде всего, данный старт был интересен тем, что А. Трусова (победитель и призер многочисленных российских и международных соревнований, установившая нескольких мировых рекордов, некоторые из которых внесены

«Книгу рекордов Гиннеса») впервые выступала на серьезном соревновании после скандального перехода от тренера Э. Тутберидзе к Е. Плющенко, хотя этот факт, скорее, относится к экстралингвистическому контексту, поскольку фраза Т. А. Тарасовой *Поздравляю, Женя, неплохо...* относится именно к этой внеязыковой ситуации. Если выйти за границы внеязыковых фактов, непосредственно связанных с ситуацией общения, то можно узнать о том, что Т. Тарасова скептически оценивала подобную смену тренера, хотя и высказывалась довольно корректно. В отличие от заслуженного тренера СССР и РФ, А. Ягудин, любимый ученик Т. А. Тарасовой, выбирал менее сдержанные формулировки, открыто выражая свое неодобрение как самим переходом А. Трусовой к Е. Плющенко, так и тем, что Е. Плющенко присваивает себе «плоды трудов» группы Э. Тутберидзе. Истоки соперничества А. Ягудина и Е. Плющенко кроются в их спортивной конкуренции, активно обсуждаемой на рубеже веков: изначально тренируясь у одного тренера, А. Н. Мишина, спортсмены не ладили, что привело к переходу А. Ягудина в тренерский штаб Т. А. Тарасовой, под руководством которой А. Ягудин стал четырехкратным чемпионом мира и выиграл олимпийское золото. Пик карьеры Е. Плющенко, в свою очередь, приходится на период после ухода А. Ягудина из любительского спорта. Если учитывать этот обширный пласт информации, несложно предположить, что Т. А. Тарасова также не одобряет поступка Е. Плющенко по «переманиванию» спортсменов и априори не может оценивать выступление А. Трусовой так же положительно, как выступление К. Валиевой (фигуристке, с детства тренирующейся под началом Э. Тутберидзе). Другой важный факт – то, что комментаторский стиль Т. Тарасовой в целом отличается эмоциональностью и экспрессивностью, который ярко демонстрирует комментарий относительно программы К. Валиевой. Именно поэтому многие болельщики, обладающие этими фоновыми знаниями, расценили комментарий о программе А. Трусовой как отрицательный, что отразилось, например, в многочисленных комментариях к видео на YouTube и к соответствующим постам в Инстаграме. Вероятно, стремление сохранить

внешние приличия побудило Т. А. Тарасову завуалировать отрицательное отношение ко всей сложившейся ситуации в формально положительный комментарий, но фоновые знания в совокупности со всеми типами контекста помогают распознать истинные интенции комментатора.

Таким образом, мы рассмотрели понятие фоновых знаний и предприняли попытку разграничить термин «фоновые знания» и такие смежные понятия, как «пресуппозиция», «когнитивный контекст», «вертикальный контекст», «экстралингвистический контекст». Анализ показал, что, не будучи полностью идентичными в терминологическом плане, все вышеперечисленные феномены являются невербальными компонентами коммуникации, отличаясь друг от друга областью охвата и исследовательской доминантой.

Фоновые знания наравне с узким, широким и экстралингвистическим контекстом являются одним из необходимых условий адекватной интерпретации косвенной оценки. В процессе интерпретации отдельный тип контекста может выходить на передний план, тогда как фоновые знания выполняют вспомогательную функцию, ускоряя процесс понимания косвенного оценочного высказывания и способствуя более глубинному считыванию оценочной информации.

Выводы к главе 2

Оценочность, прежде всего, отражает оценочный потенциал языковых единиц. Теоретически любая языковая единица независимо от языкового уровня обладает оценочностью, т. е. даже неоценочные на первый взгляд элементы текста способны выражать оценочные смыслы в определенном контексте. Таким образом, оценочность – способность текста транслировать оценочные смыслы, причем оценочность может как заключаться в оценочном компоненте языковой единицы, так и формироваться с помощью сложного взаимодействия компонентов текста на всех языковых уровнях. В рамках данной части исследования мы проанализировали наиболее дискуссионные

вопросы, связанные с методологией исследования категории оценочности. На основе полученных результатов мы можем сделать несколько выводов.

Прежде всего, оценочность является одним из типов субъективной модальности наравне с модальностями достоверности, долженствования и пр. Категория оценки логически связана с категорией оценочности, так как оценка – результат реализации оценочности текста в конкретный момент речи.

Косвенная оценка, в свою очередь, представляет собой тип оценки, в которой оценочные смыслы выражены неявно. К явным способам выражения оценки мы относим использование обще- и частнооценочных прилагательных, наречий и другой лексики, где оценочная сема входит в денотативное значение слова: подобные примеры мы рассматриваем как случаи эксплицитной прямой оценки. Примеры оценки, выраженной всеми прочими способами, мы относим к косвенной оценке. Таким образом, помимо эксплицитных прямых оценок возможно выделить эксплицитные косвенные и имплицитные оценки – тип оценок, которые всегда выражены косвенно.

Выделение категории нейтральной оценки и деление оценок на рациональные и эмоциональные значительно усложняют процесс сбора эмпирического материала для изучения косвенной оценки: если допустить, что оценка не всегда соотносится со знаком «плюс» и знаком «минус» на оценочной шкале, а эмоциональная реакция на оцениваемый объект не является важным условием формирования оценки, то практически любое высказывание будет считаться косвенно оценочным.

Идентификация косвенного оценочного высказывания в тексте требует выявления всех обязательных компонентов потенциальной оценки: для того, чтобы отнести отрезок речи к косвенному оценочному высказыванию, необходимо определить субъект и объект оценки, основание оценки, шкалу оценки, наличие эмоциональной реакции автора на что-либо. Следовательно, в процессе выделения косвенной оценки необходимо ответить на следующие вопросы: 1. Возможно ли определить субъект и объект оценки? 2. Что именно

и на каком основании оценивается в высказывании? 3. Соотносится ли высказывание с категориями «хорошо» и «плохо»? 4. Содержит ли высказывание авторскую эмоциональную реакцию на что-либо?

Интерпретация смыслов приобретает ключевое значение в не прямой коммуникации, так как реципиент вынужден интерпретировать смыслы, которые не эксплицируются адресантом. Косвенная оценка, являющаяся частью не прямой коммуникации, также базируется на интерпретативной деятельности адресата. Интерпретация как процесс извлечения имплицитных смыслов и результат этого процесса невозможна без опоры на контекст, визуально-чувственную ситуацию и фоновые знания. Ключевыми факторами процесса интерпретации косвенной оценки являются контекст (узкий, широкий и экстралингвистический), а также фоновые знания, создающие условия для извлечения неявных оценочных смыслов.

При интерпретации любой оценочной информации важны все виды контекста, однако в зависимости от типа оценки на первый план может выходить какой-то один тип контекста. Так, для понимания прямых оценок, в первую очередь, необходим узкий контекст, при интерпретации эксплицитных косвенных оценок особенно важен широкий контекст, тогда как правильное восприятие имплицитных оценок требует преимущественно широкого и экстралингвистического контекста. Экстралингвистический контекст наравне с фоновыми знаниями и пресуппозициями является невербальным компонентом коммуникации, но отличается от этих смежных понятий объемом невербальной информации. Так, экстралингвистический контекст содержит внеязыковую информацию, связанную с конкретной ситуацией речевого общения. Фоновые знания, помимо сведений о ситуации, включают в себя весь фонд знаний об окружающем мире. Пресуппозиция трактуется еще шире и подразумевает наличие знаний об устройстве языковой системы, о парадигматических отношениях в языке и многие другие факты языковой действительности, необходимые для адекватной интерпретации высказывания.

ГЛАВА 3 ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ В РОССИЙСКОМ И БРИТАНСКОМ СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

3.1 Функции косвенной оценки

Проанализировав аспекты категории оценочности, необходимые для выявления косвенной оценки в тексте, и выявив значимые факторы адекватной интерпретации неявных оценочных смыслов, мы считаем необходимым исследовать особенности использования косвенной оценки с целью выявления ее функций и способов реализации в спортивном медиадискурсе.

Функции языковой оценки довольно разнообразны. Прежде всего, это, конечно, аксиологическая функция, что логически вытекает из самого названия феномена – оценка [Марьянчик 2015]. Помимо этого, с помощью оценки нередко реализуются эмоциональная и экспрессивная функции языка, поскольку оценка – это всегда выражение субъективного мнения, которое может сопровождаться демонстрацией эмоций [Лукьянова 2015]. Функция воздействия отмечается рядом исследователей как еще одна функция оценки [Виноградов 1996; Чубарова, Юткина 2008; Bullo 2014]: субъект оценки не только выражает собственное мнение относительно чего-либо, но также пытается повлиять на мнение собеседника или аудиторию. Однако, когда речь заходит о косвенной оценке, возникает вопрос о том, выполняют ли косвенные оценочные высказывания какие-либо дополнительные функции помимо вышеупомянутых: в большинстве работ, посвященных косвенной оценке, данный вопрос, как правило, игнорируется. Представляется целесообразным проанализировать причины, обуславливающие выбор косвенных, а не прямых оценочных высказываний, и, следовательно, выявить функции, характерные именно для косвенной оценки.

В ряде работ, посвященных категориям персуазивности и суггестивности (суггестии) – категориям, связанным с убеждением и внушением – оценка рассматривается как одно из средств речевого воздействия [Голоднов 2009; Будниченко 2012]. При непосредственном

анализе текста нам представляется сложным выявить степень персуазивно-суггестивного воздействия на реципиента, однако возможно проследить взаимосвязь между силой потенциального воздействия и степенью экспрессивности косвенного оценочного высказывания. Рассмотрим несколько примеров:

1. – *It's a big finish... their throws're still to come... second one... circle... Oh, look at that! Marvelous!*

– *Oh, that was just a dream, a dream comes true*

[– *Красивый финал программы... они еще собираются сделать выбросы... второй выброс... выезд по кругу... Вы только взгляните на это! Волшебно!*

– *Это было будто сон, сон, ставший явью]* (British Eurosport, ОИ 2014);

2. – *These two were brought together with high hopes and it looks like here in 2019 Saitama those hopes are gonna be realised.*

– *They really did catch the mood of a tango and they kept it going all the way through technically brilliant*

[– *Эти двое встали в пару с большими надеждами на успех, и теперь здесь, на чемпионате мира 2019 в Сайтаме, кажется, их надежды могут осуществиться.*

– *Им действительно удалось передать настроение танго, и они сохранили эту атмосферу до конца программы, при этом технически все выполнив блестяще]* (British Eurosport, ЧМ 2019).

Комментаторы в обоих случаях положительно оценивают выступление спортсменов, причем данные комментарии представляют собой примеры преимущественно косвенной оценки: за исключением оценочных прилагательных *marvelous* [волшебный] и *brilliant* [блестящий], оценка в комментариях выражена косвенно. Так, например, для интерпретации положительных оценочных смыслов, заложенных во фразе *their throws're still to come* [они **еще** собираются сделать выбросы], необходимо понимать контекст высказывания: выполнение любых сложных элементов в конце программы (а выброс считается сложным элементом парного фигурного

катания) характеризует спортсменов положительно. В данном примере это подчеркивается с помощью наречия *still*. Помимо этого, комментаторы используют лексические повторы (*a dream, a dream comes true* [сон, сон, ставший явью]; *high hopes* <...> *those hopes* [большие надежды <...> их надежды]), эпитет (*a big finish* [дословный перевод: *большой финал*]), олицетворение *the mood of a tango* [настроение танго], восклицание *Oh, look at that!* [Вы только взгляните на это!], вспомогательный глагол *did* в утвердительном предложении для усиления экспрессивности. Интересно, что использование косвенных средств выражения оценки повышает иллокутивную силу оценочного высказывания: комментарий звучит весомее, когда комментаторы перемежают собственно оценочные прилагательные (прямую оценку) с косвенными оценочными высказываниями. Таким образом, спортивные комментаторы нередко делают выбор в пользу косвенных оценочных высказываний, так как это добавляет комментарию экспрессивности и, следовательно, убедительности.

Рассмотрим еще несколько примеров:

1. – *Машина... Машина...*

– *Юна Ким не из тех людей, которые могут легко отдать кому-то свою медаль* (Россия 1, ОИ 2014);

2. – *Это настоящее искусство... высочайшее мастерство... и уникальное прочтение музыки Мариной Зуевой. И это воплощение и перевоплощение заставило меня побывать сейчас на небесах* (Первый канал, ОИ 2010).

Данные комментарии также содержат примеры положительной косвенной оценки. В первом комментарии тележурналист сравнивает фигуристку с машиной, причем данная метафора в отрыве от контекста может интерпретироваться двояко: лексема «машина» при сравнении с человеком часто трактуется отрицательно из-за распространенной фразы «бездушная машина». Кроме того, для русской культуры свойственно противопоставление механического / искусственного и человеческого / живого. В нашем примере, однако, метафора «машина» используется для

положительной характеристики технической составляющей выполненной программы: все элементы сделаны технично, четко, без ошибок. Тем не менее, не стоит полностью отрицать вероятность того, что комментатор, возможно бессознательно, также имплицитно негативно оценил чрезмерную «механистичность» катания корейки. Данная интерпретация вполне возможна, учитывая, что к моменту выступления Ю. Ким уже откаталась россиянка, А. Сотникова, причем ее катание было очень эмоциональным, хотя и с небольшой ошибкой. В любом случае, несмотря на свою неоднозначность, косвенная оценка, реализуемая посредством метафоры в сочетании с лексическим повтором, повышает иллокутивную силу высказывания.

Вторая реплика в первом комментарии менее дискуссионна: подчеркивается, что корейская фигуристка не из тех, кто легко отдаст «свою медаль». Интересен тот факт, что в одном косвенном оценочном высказывании заключено два примера косвенной оценки: с одной стороны, положительно оцениваются бойцовские качества спортсменки, ее воля к победе, с другой стороны, упоминание «своей медали» подразумевает право фигуристки на золотую медаль по причине и своих спортивных заслуг, и непосредственно чистого проката. Таким образом, одно косвенное высказывание создает целую гамму оценочных смыслов, которые, переплетаясь, также увеличивают степень речевого воздействия.

Второй комментарий принадлежит Т. А. Тарасовой. Видимо, поэтому в комментарии чувствуется особенная оценочность: несмотря на то, что в рамках данного исследования мы не рассматриваем взаимосвязь языковой личности комментатора и категории оценочности, невозможно не отметить особый стиль комментирования Т. А. Тарасовой. Так, ей в принципе присуща чрезмерная эмоциональность, экспрессивность, уверенность в своей правоте, попытки навязать собеседнику свое мнение, негативная реакция на несогласие с ее точкой зрения, что позволяет определить ее тип языковой личности как авторитарный [Пушкин 1992; Алферова 2011]. Таким образом, для нее принципиально важно не только высказать собственную точку

зрения, но и убедить собеседников в своей правоте, и для достижения этой цели она часто использует оценочные высказывания. Во втором примере ее комментарий, как обычно, характеризуется высокой степенью оценочности: выступление фигуристов сравнивается с искусством и метафорически называется «воплощением и перевоплощением». Т. А. Тарасова не забывает дать косвенную положительную оценку и тренеру канадской пары, М. Зуевой. Наконец, фраза о том, что выступление «заставило ее побывать на небесах», не позволяет другому комментатору (во время трансляции Т. А. Тарасова комментировала выступления вместе с профессиональным спортивным тележурналистом) в какой-либо мере не согласиться с ней.

Рассмотрим несколько примеров из британского спортивного медиадискурса:

1. *Joubert wants his title back. I'm sure he's done enough* [Жубер хочет вернуть свой титул. Уверен, он сделал достаточно] (British Eurosport, ЧЕ 2009);

2. *There is no doubt what the crowd thinks... They don't need to think too hard* [Нет сомнений в том, о чем думают зрители... Здесь и так все ясно] (British Eurosport, ЧЕ 2006).

Данные комментарии демонстрируют косвенную положительную оценку одного и того же фигуриста, французского спортсмена Б. Жубера. Высказывание о том, что фигурист *wants his title back* [хочет вернуть свой титул] несколько сходно с вышерассмотренной фразой о Ю. Ким, которая «не из тех людей, которые могут легко отдать кому-то свою медаль»: помимо информирования телезрителей о том, что фигурист ранее завоевывал титул чемпиона Европы, комментатор положительно оценивает стремление спортсмена к победе и его высокие шансы на успех после хорошо исполненной произвольной программы. Более того, в этом комментарии журналист повышает степень эксплицитности косвенной оценки, подчеркивая, что фигурист сделал достаточно для того, чтобы вернуть себе титул. Во втором примере комментатор вообще явно не говорит о собственном отношении к выступлению: вместо этого он рассуждает о

мнении зрителей на стадионе. С учетом того, что его комментарий сопровождается видеорядом, где восторженная публика стоя аплодирует фигуристу и бросает цветы на лед, решение упомянуть реакцию зрителей кажется интересным ходом.

Как и в предыдущих репликах, можно заметить, что различные примеры косвенной оценки помогают комментатору усилить эмоциональность комментария, что способствует более эффективному речевому воздействию на массовую аудиторию, а это особенно важно при характерной для жанра спортивного комментария удаленности автора от реципиента текста.

Некоторые исследователи проводят анализ взаимосвязи категорий оценочности и хеджирования (явления, направленного на снижение категоричности) [Марюхин 2010; Горина, Храброва 2017; Пастухова 2018; Петрова 2019], что было рассмотрено в разделе 1.1.4. Вопрос снижения категоричности особенно актуален в отношении отрицательной оценки [Трусова 2003; Малышкин, Никитина 2014]. Так, этика журналиста, в большинстве случаев, не позволяет прямо выражать отрицательную оценку, поэтому, когда выражения отрицательной оценки не избежать, комментаторы вынуждены прибегать к косвенным оценочным высказываниям для снижения степени категоричности высказывания.

Рассмотрим следующий комментарий: *He did go for broke and good on him for that but it didn't happen... Well, the performance that really shot across the ice to the people...* [Он правильно сделал, что пошел ва-банк, но не получилось... В любом случае, его выступление не оставило никого равнодушным...] (British Eurosport, ОИ 2006). Данный комментарий сделан в конце крайне неудачного проката одного из претендентов на олимпийское золото: фигурист упал с двух прыжков и в итоге занял только шестое место. Казалось бы, комментарий должен быть довольно негативным, однако косвенное оценочное высказывание не только снижает степень категоричности общей отрицательной оценки, но и дает косвенную положительную характеристику: подчеркивается, что фигурист шел ва-банк

(*did go for broke*), и комментатор уважает его за это (*good on him for that*). Более того, после этого скорее отрицательного комментария следует косвенное положительное высказывание (*well, the performance that really shot across the ice to the people*). Дискурсивный маркер *well* [здесь: *в любом случае*] в некоторой степени намекает на то, что не все прошло гладко. Тем не менее, с помощью дискурсивного маркера *well* комментатор значительно сглаживает общую отрицательную оценку, которую он просто не может не дать, поскольку результат очевиден, и, таким образом, снижает степень категоричности высказывания до предела.

Рассмотрим следующий пример: *Расстроены все, конечно, ужасно <...> Мне кажется вообще, может, стоит прибегнуть к помощи психолога, почему нет? <...> Мне кажется, ей сейчас это гораздо важнее, чем просто кататься, исполнять элементы. Она все умеет, у нее все прекрасно получается, сейчас загвоздка вся, проблема в голове. Чуть-чуть переключить, немножко...* (Первый канал, ЧЕ 2018). В данном комментарии выражена косвенная отрицательная оценка крайне неудачного исполнения короткой программы российскими фигуристами, причем косвенная отрицательная оценка выводится из контекста всего комментария. Журналист выражает сожаление по поводу неудачи спортсменов и пытается как-то оправдать провальный прокат, объясняя ошибки проблемами психологического, а не технического плана. Для снижения категоричности высказывания комментатор подчеркивает профессионализм К. Столбовой, отмечая, что она «все умеет». Как и в предыдущем примере, мы наблюдаем вкрапления косвенной положительной оценки для смягчения отрицательного суждения, что продиктовано не только профессиональной этикой, но и искренним желанием как-то утешить спортсменов, им помочь.

Следующий пример был целенаправленно взят из российского спортивного медиадискурса, поскольку похожих комментариев в речи британских тележурналистов мы не обнаружили: *Ну, говорить особо нечего, вы все видели сами... Этот злосчастный тройной аксель, который один из самых простых прыжков, и далеко не первый раз Женя спотыкается о него*

(Первый канал, ГП 2019). Данный комментарий интересен тем, что, с одной стороны, комментатор стремится снизить категоричность высказывания (по крайней мере, так может показаться), с другой стороны, однако, комментарий производит обратный эффект – мы наблюдаем интенсификацию отрицательной оценки. Довольно сложно рассуждать об истинных интенциях автора комментария: есть вероятность, что он действительно хотел оправдать неудачный прокат фигуристки. Если его намерения и были таковы, попытка снижения категоричности высказывания не увенчалась успехом: упоминание «злосчастливого» тройного акселя как одного из самых простых прыжков в фигурном катании в сочетании с тем фактом, что фигуристка не первый раз срывает этот элемент, только усиливает степень отрицательной оценки. Фраза *Ну, говорить особо нечего, вы все видели сами...* также вряд ли поможет смягчить категоричность высказывания. Таким образом, в данном случае мы видим довольно редкий пример отрицательной оценки, которая выражена косвенно не для того, чтобы снизить степень ее категоричности, а, напротив, для интенсификации оценочных смыслов, что, как правило, характерно для положительных оценок. Такая оценка особенно часто встречается, когда в паре работают комментатор-профессионал и комментатор-спортсмен или комментатор-тренер.

Данная особенность российских комментаторов вызвана, возможно, бóльшей нацеленностью на победу, бóльшей ответственностью, бóльшими надеждами (что связано, например, с более весомым положением России в таком виде спорта, как фигурное катание), и когда эти надежды не оправдываются, комментаторы переживают неудачу настолько сильно, что иногда не думают о снижении негатива в оценке. Вероятно, провальный прокат фигуриста или фигуристов, претендовавших на высокие места в турнирной таблице, воспринимается ими как личная неудача.

Другим возможным объяснением того, что категоричность высказываний, содержащих отрицательную оценку, в речи российских комментаторов часто не только не снижается, но происходит ее интенсификация, является тот факт, что для комментирования

международных соревнований по фигурному катанию часто приглашаются не профессиональные журналисты, а эксперты из этой области: тренеры, хореографы, спортсмены, причем как закончившие любительскую карьеру, так и действующие фигуристы. Как следствие, специалисты из области фигурного катания могут воспринимать ошибки фигуристов более остро. Не исключено и то, что, не будучи профессиональными комментаторами, они могут не думать о том, насколько корректно звучит их оценка в прямом эфире.

Т. А. Трипольская и Ю. И. Кошман, анализируя специфику функционирования косвенной оценки, признают роль особых высказываний, которые помогают распознать авторскую оценку в тексте, а также регулировать степень категоричности положительной или отрицательной оценки [Трипольская 1999; Кошман 2015]. Как отмечают исследователи, класс подобных высказываний довольно широк и не может быть исчерпан определенным количеством единиц, но можно обозначить некоторые подклассы. Так, Ю. И. Кошман выделяет следующие три группы [Кошман 2015: 112]: а) модальные операторы *возможно; может быть; perhaps; possibly; maybe*; б) аппроксиматоры *вроде того; почти; приблизительно; sort of; kind of; nearly; about*; в) предикативные интродукторы (термин Т. А. Трипольской и Ю. И. Кошман) *я надеюсь; я догадываюсь; я боюсь; I hope; I guess; I'm afraid*. Как нам кажется, все приведенные в данной классификации высказывания можно отнести к дискурсивным маркерам речевого отгораживания или дискурсивам-хеджам [Катина 2012; Hyland 2005]. Дискурсивы-хеджи, действительно, не характеризуют спортсмена напрямую, они не выполняют собственно оценочную функцию, но позволяют дешифровать косвенную авторскую оценку и, что самое главное, способствуют общему снижению категоричности высказывания.

Приведем примеры использования некоторых дискурсивов-хеджов:

1. *Очень хочется, чтобы Женя... откаталась, сделала все, на что она способна* (Первый канал, ГП 2018);

2. *It was **some of** it ... is natural* [Это было **как бы**... естественно] (British Eurosport, ГП 2017);

3. *<...> the ladies all are hunting that level four spins... **I'm not sure** if one of the features in her layback would be **kind of*** [*<...> фигуристки охотятся за вращениями четвертого уровня... **Я не уверен**, что хотя бы один из компонентов заклона будет в этом роде*] (British Eurosport, ГП 2017).

В первом примере Т. А. Тарасова своим комментарием предваряет выступление Е. Медведевой. Вводный предикат *очень хочется* с учетом сложившейся для фигуристки ситуации, а именно ряда ее неудачных выступлений, предшествовавших последнему этапу ГП, выражает, на наш взгляд, косвенную отрицательную оценку предыдущих прокатов. В то же время, отрицательное оценочное высказывание характеризуется крайне низкой степенью категоричности за счет того, что оценка выражена косвенно.

Во втором примере комментатор, оценивая качество вращений фигуристки, использует дискурсив *some of* [как бы], который снижает степень положительной оценки, т. е. с одной стороны, вращение оценивается как естественное, легко исполненное (*natural*), но с другой стороны, не идеальное (*some of it ... is natural* [как бы... естественно]). В одном высказывании подразумевается положительная оценка (сниженная за счет словосочетания *sort of*), и имплицитруется отрицательная оценка также с помощью дискурсива *sort of*. В третьем примере наблюдаем вводную конструкцию *I'm not sure* [Я не уверен] и дискурсив *kind of* [в этом роде], которые реализуют отрицательную оценку особого вида вращения – заклона (*layback*). Комментатор поясняет, что все фигуристки стремятся получить четвертый, наивысший, уровень за вращения – для этого вращение должно обладать особыми характеристиками, которых данная фигуристка, видимо, не продемонстрировала (*I'm not sure if one of the features in her layback would be kind of*). Степень категоричности отрицательного оценочного высказывания также снижена.

Как мы видим, одна из основных функций косвенной оценки – снижение категоричности высказывания – может быть реализована с

помощью дискурсивов-хеджов, задача которых не столько выразить косвенную оценку, сколько способствовать адекватной интерпретации оценочных смыслов. Комментатор при этом снижает категоричность собственных оценочных высказываний. На основе проанализированных комментариев можно также сделать вывод, что дискурсивы-хеджи используются для снижения категоричности высказывания как в британском, так и российском спортивном медиадискурсе. Среди часто используемых для снижения категоричности высказывания дискурсивов-хеджов можем отметить *возможно; может быть; вроде того; почти; приблизительно; я надеюсь; я думаю; я боюсь; perhaps; possibly; maybe; sort of; kind of; nearly; I hope; I guess; I'm afraid.*

Как следует из наших наблюдений, комментаторы фигурного катания прибегают к косвенным средствам выражения оценки в случаях, когда: 1) им необходимо повысить силу воздействия на реципиента путем усиления экспрессивности оценочного (как правило, положительного) высказывания; 2) им необходимо снизить категоричность отрицательного косвенного высказывания, причем дискурсивы-хеджи могут рассматриваться как вспомогательные коммуникативные единицы, используемые для дополнительного снижения категоричности оценки. Соответственно, среди ключевых функций собственно косвенных оценок мы можем выделить функцию усиления речевого воздействия и функцию снижения категоричности высказывания. Функция усиления степени речевого воздействия и функция снижения категоричности отрицательной оценки в равной степени характерны для косвенного оценочного высказывания как в речи российских, так и британских спортивных комментаторов. Однако в русскоязычных примерах гораздо чаще встречаются случаи, когда отрицательная оценка не детенсифицируется, а усиливается за счет косвенного оценочного высказывания, что может быть объяснено такими экстралингвистическими причинами, как приглашенные непрофессиональные комментаторы или более жесткое отношение к чужим ошибкам в силу больших ожиданий.

3.2 Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного комментария

Как отмечалось ранее, жанр спортивного комментария отличается высокой степенью оценочности, так как любой спортивный комментатор ставит своей целью, прежде всего, оценить выступающего спортсмена или команду.

В ходе исследования было записано и проанализировано 46 видеозаписей на русском (общим объемом 90 018 словоупотреблений) и 42 видеозаписи – на английском (общим объемом 89 837 словоупотреблений) общей длительностью 28 часов 13 минут. Всего было выявлено 15 238 контекстов оценки, причем стоит отметить, что под контекстом нами понимается объем текста, внутри которого реализуется косвенная оценка, т. е. в качестве контекста может выступать одно слово, словосочетание, устойчивый оборот речи, целое предложение или даже абзац.

Проведенный анализ прямой и косвенной оценки в жанре спортивного комментария выявил, что косвенная оценка встречается значительно чаще прямой оценки, причем эта тенденция характерна как для русскоязычных, так и для англоязычных материалов. Так, на косвенную оценку приходится 80,8 % в русскоязычных текстах и 74,5 % в англоязычных текстах. Количественные данные по соотношению прямой и косвенной оценки в жанре спортивного комментария представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1

Количество контекстов прямой и косвенной оценки
в жанре спортивного комментария

	Количество контекстов в русскоязычных спортивных комментариях	Количество контекстов в англоязычных спортивных комментариях	Общее количество контекстов
Косвенная оценка	5 803 (80,8 %)	6 008 (74,5 %)	11 811
Прямая оценка	1 375 (19,2 %)	2 052 (25,5 %)	3 427
Общее количество контекстов	7 178	8 060	15 238

Дальнейшее изучение особенностей косвенной оценки в речи российских и британских спортивных комментаторов позволило установить, что косвенная оценка реализуется преимущественно 1) с помощью контекста; 2) на уровне отбора фактов; 3) с помощью потенциально оценочной лексики; 4) с помощью стилистических средств; 5) с помощью грамматических средств.

Рассмотрим вышеперечисленные способы реализации косвенной оценки подробнее. Прежде всего, проанализируем следующий комментарий: *In a folk dance like this, you can... If you're watching it and you can imagine yourself... you're transported into the marketplace in India and watching the dancers. It's done its trick* [В подобном национальном танце вы можете... Когда вы его смотрите, вы можете представить себя... вы словно переноситесь на базар в Индии и там наблюдаете за танцем. Вот в чем фишка] (British Eurosport, ЧМ 2010). В данном примере комментатор настолько впечатлен той атмосферой, которую удалось создать фигуристам своим индийским танцем, что сравнивает их программу с реальным танцем на настоящем индийском базаре. Тележурналист, очевидно, положительно оценивает выступление, но оценка выражена косвенно, посредством контекста всего комментария: интересно то, что отдельные слова текста не являются оценочными, но оценочность создается за счет сложного контекстуального взаимодействия языковых единиц.

Действительно, многие высказывания комментаторов нельзя отнести к собственно оценочным, потому что аксиологическую направленность они приобретают только в определенном контексте. И. А. Солодилова использует термин «контекстуальная оценка» для описания оценочных смыслов, рождаемых на основе предикатов, «оценочный компонент которых не является конвенционально закрепленным или типичным» [Солодилова 2016: 212]. В одном из комментариев эксперт делает краткое отступление, описывая беспокойство и переживания окружающих по поводу спортсмена и свои действия в этой ситуации: *Звонило сто человек, и все спрашивают «Как?», и я сразу вешаю трубку* (Первый канал, ГП 2018). Интенция

комментатора становится понятной только в рамках всего комментария, его цель – оценить значение соревнования для спортсмена и для его болельщиков.

Следующий отрывок из комментария на британской версии канала «Евроспорт», на первый взгляд, не имеет отношения к выступающей японской фигуристке: *As we return to Europe in the Grand Prix, obviously, we are not lucky enough to see such a big capacity of audience, whereas when we were over in the NHK Trophy and a Cup of China... it's really hugely popular* [Когда на этапах Гран-при мы возвращаемся в Европу, мы, к сожалению, не видим здесь столько зрителей на трибунах. Вот когда мы были на этапе Гран-при в Японии и на этапе Гран-при в Китае... да, там фигурное катание безумно популярно] (British Eurosport, ГП 2017). Комментатор, ранее работавший хореографом в Японии, сравнивает наполняемость стадионов на этапах серии ГП в Азии и в Европе, но в то же время он косвенно оценивает фигуристку, которая только что завершила свое выступление. Субъект оценки – японская фигуристка, очень хорошо исполнившая короткую программу. Комментатор подчеркивает, как популярно фигурное катание в азиатских странах, имплицитно связывая этот факт с успехом азиатских фигуристов в целом и с высоким результатом выступившей фигуристки в частности. Косвенная контекстуальная оценка требует определенной коммуникативной компетенции со стороны телезрителей, но комментарии, содержащие имплицитную оценку, и рассчитаны на подготовленную аудиторию, обладающую необходимыми фоновыми знаниями.

Т. Г. Добросклонская выделяет особый способ реализации косвенной оценки – оценивание на уровне отбора фактов [Добросклонская 2005]. Целенаправленный отбор и порядок подачи фактов для выражения косвенной оценки встречается в тех видах спорта, где высока роль специализированной лексики, характеризующей технику исполнения. Косвенная оценка, актуализированная через технические термины, широко представлена как у российских, так и у британских комментаторов:

1. **Четыре-три во второй половине** (Первый канал, ГП 2018);

2. *Now comes the combination... Triple toe loop... Triple toe loop!* [*Теперь должен быть каскад... Тройной тулуп... Тройной тулуп!*] (British Eurosport, ГП 2018).

В данных примерах комментаторы дают оценку уже состоявшимся выступлениям. Тот факт, что фигурист может сделать каскад, состоящий из четверного и тройного прыжка, особенно во второй половине программы, красноречивее, чем частнооценочные прилагательные. Для положительной оценки фигуристки, соответственно, достаточно отметить, что она выполнила каскад из двух тройных прыжков (самый сложный каскад у женщин-одиночниц, по крайней мере, считался таковым до появления фигуристок тренерского штаба Э. Тутберидзе, выполняющих четверные прыжки и отдельно, и в каскаде), как это и было сделано во втором примере. Важно отметить, что при реализации косвенной оценки на уровне отбора фактов подразумевается, что слушатели обладают необходимыми фоновыми знаниями, и дополнительная экспликация степени сложности элемента опциональна.

Следующий комментарий также является примером косвенной оценки, реализуемой посредством целенаправленного отбора фактов: *Прошлый раз было падение, сейчас она преодолела себя, сделала тройной двойной, но тренироваться это не значит еще выступать. Я не забываю про то, что она четыре месяца была без прыжков, что она тяжело лечилась, сейчас она на ходу, набирает, и она не у себя дома, поменяла в своей жизни все, и ей нелегко, и она что-то старается учить, но она... ясно, что она чуть-чуть испугана* (Первый канал, ГП 2018). В данном случае журналист выражает отрицательную оценку после явно неудачного выступления, но имплицитно смягчает категоричность высказывания, представляя ту информацию, которая оправдывает спортивный провал. С одной стороны, может показаться, что комментатор, рассказывая о деталях спортивной жизни спортсмена, просто информирует нас об участнике соревнований. Однако решение сообщить зрителям именно об этих фактах из жизни фигуристки позволяет комментатору значительно понизить градус негатива в оценке выступления и

даже положительно оценить потенциал этой спортсменки. Подобные случаи встречаются, когда комментатор особенно симпатизирует спортсмену или, наоборот, недолгоблывает его. Субъективность комментатора может выражаться не только имплицитно: комментаторы нередко открыто подчеркивают свои предпочтения.

Примером подобной субъективности является следующий комментарий: *Но нас волнует, как наши девочки... лучше о своих, да, заботиться? Как наши девочки прокатаются...* (Первый канал, ГП 2018). Данная реплика не является собственно оценочной, но она создает необходимый фон для последующих комментариев. Тележурналист подчеркивает, что исключительно российские участницы представляют интерес как для самих комментаторов, так и для зрителей, причем основания для подобного отношения, конечно, не эксплицируются. Данный комментарий звучит в самом начале трансляции, и, предполагается, что во время разминки, предваряющей сами прокаты, комментаторы должны оценивать шансы каждого участника на успешное выступление, однако комментатор отходит от принципов журналистской объективности, рассматривая ситуацию с позиций болельщика. Стоит отметить, что подобная ситуация встречается в том случае, если комментатором является не профессиональный спортивный журналист, а приглашенный тренер или фигурист.

В исследуемых нами текстах спортивных комментариев косвенная оценка на уровне отбора фактов является вторым по частотности способом реализации неявных оценочных смыслов, тогда как самый распространенный – формирование косвенной оценки за счет контекста. Несмотря на то, что контекст – важное условие продуцирования и интерпретации любых оценок, мы считаем необходимым отдельно рассмотреть те примеры косвенной оценки, когда оценочные смыслы не могут быть выведены из языковых единиц, составляющих высказывание, и формируются исключительно с помощью контекста.

Выше уже упоминалось, что прямая оценка, как правило, выражена с помощью обще- и частнооценочных прилагательных, однако в прилагательных находит выражение и косвенная оценка. В прилагательных, выражающих прямую оценку, оценка содержится в денотате [Смирнова 2013; Минемуллина 2015; Тихонова 2015], как, например, в лексемах *замечательный*; *превосходный*; *ужасный*. Оценочный компонент также может входить в коннотативное значение слова [Попова, Стернин 2007], т. е. оценочная сема будет находиться на периферии лексического значения слова [Бабкина 2008], как, например, в прилагательных *технический*; *традиционный*; *аутентичный*. Н. Ф. Алефиренко называет периферийные семы «неосновными», «вероятностными» [Алефиренко 2005: 202], а это означает, что оценочные смыслы, содержащиеся в периферийных оценочных семмах, могут актуализироваться только в определенном контексте. В этом случае можно говорить о косвенной оценке, выраженной с помощью потенциально оценочной лексики. Рассмотрим два коротких комментария:

1. *It's pretty **authentic*** [*Это выглядит довольно **аутентично***] (British Eurosport, ЧМ 2010);

2. *It was so **fast*** [*Скорость была **высокой***] (там же).

В первом комментарии положительно оценивается один из элементов танца: фигуристы исполняли на льду индийский танец, и один из компонентов показался комментатору «аутентичным», точно передающим специфику этого национального танца. Longman Dictionary of Contemporary English Online определяет слово *authentic* [*аутентичный*] как *done or made in the traditional or original way* [*выполненный в традиционном стиле, как в первоисточнике*]. Как видно из определения, денотативное значение слова *authentic* не содержит отрицательной или положительной оценки, но в контексте комментария оценка довольно легко считывается: если элемент индийского танца выполнен так, что выглядит традиционно, гармонично, «аутентично», значит, данный элемент выполнен хорошо. Таким образом, изначально неоценочное прилагательное *authentic* в контексте анализируемого высказывания приобретает оценочную окраску.

Во втором примере комментатор дает оценку твиззам (технический элемент в танцах на льду), а именно их скорости: их скорость оценивается как «высокая». Прилагательное *fast* [*быстрый*] вне контекста также не принадлежит сфере оценочной лексики. Тем не менее, в случае, когда словосочетание «быстрые твиззлы» можно приравнять к словосочетанию «хорошие твиззлы» (в фигурном катании скорость твиззлов – один из основных показателей их качества), можно утверждать, что слово *fast* становится оценочным. Следовательно, данное высказывание является примером косвенной оценки, выраженной с помощью потенциально оценочной лексики.

В русскоязычном комментарии этот способ реализации косвенной оценки тоже распространен: *Расхождение было не очень параллельно* (Россия 1, ЧМ 2014). Поскольку параллельность / непараллельность – важный показатель хорошо выполненных параллельных вращений, краткое прилагательное *параллельно* в данном случае также несет в себе оценку: при исполнении параллельных вращений фигуристы разошлись, т. е. потеряли синхронность, и расхождение было охарактеризовано как «не очень параллельное». Таким образом, комментатор косвенно выразил отрицательную оценку.

Следующий пример демонстрирует, как одно и то же изначально неоценочное прилагательное может приобретать оценочность как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», и то, насколько важен контекст для реализации оценочного потенциала слова:

– *Татьяна Анатольевна очень эмоциональный человек...*

– *Ты знаешь, я вполне довольна, тем что я эмоциональный человек, вряд ли я была бы довольна, если бы я была деревяшкой* (Первый канал, ГП 2018).

Как и в предыдущих примерах, слово *эмоциональный* нельзя отнести к собственно оценочным, однако это не мешает ему приобретать различную оценочность в приведенном комментарии: первая реплика прозвучала после чрезмерно эмоционального высказывания Т. А. Тарасовой, когда второй

комментатор попытался сгладить несколько неловкий момент, как бы оправдывая резкость Т. А. Тарасовой ее эмоциональностью. Таким образом, прилагательное *эмоциональный* в первом случае несет имплицитную отрицательную оценку. Во втором случае, следовательно, слово *эмоциональный* приобретает положительную оценочную окраску. Метафора *быть деревяшкой*, в свою очередь, является примером еще одного способа выражения косвенной оценки – реализация косвенной оценки с помощью стилистических средств.

Действительно, среди разнообразных способов выражения косвенной оценки велика роль стилистических средств [Арутюнова 1998; Добросклонская 2005]. Основываясь на полученных результатах, мы можем отметить, что доля косвенных оценок, выраженных с помощью стилистических средств, выше в речи британских комментаторов, причем самым распространенным приемом в исследуемых текстах является метафора:

1. *The ladies all are hunting that level four spins* [*Все фигуристки охотятся за вращениями четвертого уровня*] (British Eurosport, ГП 2017);

2. *The super strong performance <...> and really cementing her position as a worthy senior lady* [*Очень мощный прокат <...> он действительно позволит ей зацементировать свои позиции сильной фигуристки на взрослом уровне*] (там же).

В первом примере комментатор подчеркивает особую значимость вращений четвертого уровня для фигуристок и их целеустремленность в попытках выполнить элемент идеально. Во втором комментарии прямая положительная оценка программы юной фигуристки (*the super strong performance* [*очень мощный прокат*]), недавно начавшей выступать на взрослом уровне, сочетается с косвенной оценкой значения этого проката для будущего спортсменки (*and really cementing her position as a worthy senior lady* [*он действительно позволит ей зацементировать свои позиции сильной фигуристки на взрослом уровне*]). Метафора усиливает экспрессивность комментария, одновременно усиливая степень воздействия

косвенной оценки на зрителей, так как иллюкативная сила косвенных оценок, выраженных через яркие образы, значительно выше [Добросклонская 2005]. Несмотря на неоднозначность образных средств, они легко интерпретируются слушателями, обладающими необходимыми фоновыми знаниями.

В российском спортивном медиадискурсе стилистические средства выражения оценки встречаются реже, и, в отличие от британских коллег, российские комментаторы предпочитают такие стилистические приемы, как риторические вопросы, параллельные конструкции, повторы. Рассмотрим в качестве примера следующий диалог:

– <...> и это тоже может давить, хотя что может давить на двукратную чемпионку мира, Женю Медведеву? Она должна выполнить свою работу, и все будет хорошо –

– (перебивая) Да, давить может только акклиматизация, остальное ничего не давит! (Первый канал, ГП 2018).

Обе реплики принадлежат непрофессиональным комментаторам, один из которых – И. Авербух, бывший фигурист, сейчас работающий хореографом, а второй – Т. А. Тарасова. Возможно, этот факт – причина того, что в комментариях отражена не только косвенная оценка спортсменки, но и косвенная оценка И. Авербуха со стороны Т. А. Тарасовой, что не входит в компетенцию комментатора. Т. А. Тарасова резко прерывает рассуждения своего коллеги. Вторая реплика, хотя и произнесенная шутливым тоном, позволяет слушателям ощутить косвенную отрицательную оценку сказанного хореографом.

Косвенная оценка выражается не только посредством стилистических, но и с помощью грамматических средств: *Zagitova is not going to be leading, she'll probably lead or she may well lead after the first group* [Не уверен, что Загитова будет лидировать, но есть вероятность, что она будет лидировать. А, может быть, она будет лидировать после первой разминки] (British Eurosport, ГП 2017). Перед выступлением российской фигуристки А. Загитовой британские комментаторы высоко оценивают спортивные

качества спортсменки, ожидая хороший прокат, однако, фигуристка выступила неудачно. Оценивая возможность А. Загитовой занять лидирующие позиции и выйти в финал, комментатор в порядке понижения степени уверенности использует сначала конструкцию *is not going to*, затем глагол в Future Simple в сочетании с наречием *probably* и, наконец, конструкцию с модальным глаголом *may*. Общая оценка выступления – отрицательная, она дается непосредственно после завершения проката. По мнению комментатора, А. Загитова не займет итоговое первое место (степень уверенности выражена через *is not going to*). Более того, комментатор сомневается в том, что фигуристка будет лидировать по итогам первой разминки. Тот факт, что комментатор сомневается даже в этом, косвенно свидетельствует об отрицательной оценке короткой программы.

Анализ примеров косвенной оценки выявил, что в англоязычном спортивном комментарии косвенная оценка может быть выражена с помощью таких грамматических средств, как модальные глаголы (*can; may; might*), конструкцию *be going to do something*, глаголы в Future Simple в сочетании с наречиями *probably; obviously; perhaps* и пр. Употребление вспомогательных глаголов *do; does; did* в утвердительных предложениях также может быть грамматическим способом реализации косвенной оценки. Нам не удалось найти примеры косвенной оценки, выраженной с помощью грамматических средств, в русскоязычных спортивных комментариях: возможной причиной этого может быть бóльшая степень аналитизма английского языка по сравнению с русским языком. Кроме того, аналогичные смыслы передаются в русском языке другими средствами – преимущественно лексическими, например, с помощью усилительных слов *действительно; правда*, предикативов *возможно; вероятно* и т. д.

Необходимо также сделать уточнение, что способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного комментария вышеперечисленными не исчерпываются. Так, например, возможны и гибридные формы, такие как косвенный императив: Ю. И. Кошман отмечает способность оценочных высказываний выполнять «функцию косвенного императива тогда, когда в

них отсутствуют формы повелительного наклонения, но отрицательная оценка события, поведения или действия лица имплицитно передает запрет на обозначенные действия» [Кошман 2015: 113]. Таким образом, оценочное значение наслаивается на императивное. Рассмотрим диалог между двумя комментаторами, И. Авербухом и Т. А. Тарасовой:

- Жень, не надо на табло смотреть, несерьезно для тебя смотреть на табло и что-то там высчитывать.

- Я бы не стала ее учить, честно говоря, что ей делать, просто не стала бы, потому что она уважаемый человек, и пусть она смотрит туда, куда хочет (Первый канал, ГП 2017).

В данном примере особый интерес представляет вторая фраза, косвенно полемизирующая с первой, хотя, на первый взгляд, в ней нет отрицательной оценки. При более внимательном рассмотрении реплика *Я бы не стала ее учить, что ей делать* может интерпретироваться как *Я считаю, что мы не имеем права ее учить, поэтому и вам не следует говорить подобное*. Т. А. Тарасова, таким образом, отрицательно оценивает комментарий И. Авербуха в отношении выступившей фигуристки.

Итак, мы рассмотрели различные способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного комментария. В ходе исследования было установлено, что в жанре спортивного комментария косвенная оценка реализуется 1) с помощью контекста: 1 874 (32,3 %) и 1 676 (27,9 %) косвенных оценочных высказываний в русско- и англоязычном материале соответственно; 2) на уровне отбора фактов: 1 776 примеров использования косвенной оценки в речи российских спортивных комментаторов (30,6 % от общего числа косвенной оценки в российском устном спортивном медиадискурсе), 1 616 соответствующих примеров в британском устном спортивном медиадискурсе (26,9 %); 3) с помощью потенциально оценочной лексики: 1 213 случаев косвенной оценки в русскоязычных комментариях (доля относительно других способов реализации косвенной оценки в речи российских спортивных комментаторов – 20,9 %) и 1 184 примера – в англоязычных спортивных комментариях (19,7 % от общего числа косвенной

оценки в англоязычном материале); 4) с помощью стилистических средств: 940 примеров косвенных оценочных высказываний в русскоязычных комментариях, 1 009 случаев – в речи британских тележурналистов (16,2 % и 16,8 % соответственно); 5) с помощью грамматических средств: в русскоязычном материале подобные примеры не выявлены, в речи британских комментаторов – 523 примера (8,7 % от общего числа косвенной оценки в англоязычном материале).

Таким образом, в жанре спортивного комментария косвенная оценка, реализуемая с помощью контекста и на уровне отбора фактов, встречается чаще всего, причем это характерно как для речи российских, так и британских спортивных комментаторов. Реализация оценки с помощью грамматических средств, напротив, в проанализированном материале встречается относительно редко и только в англоязычных комментариях. Количественные данные, выявленные в результате проведенного анализа, представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Способы реализации косвенной оценки
в жанре спортивного комментария**

	Количество контекстов в русскоязычных спортивных комментариях	Количество контекстов в англоязычных спортивных комментариях
1) с помощью контекста	1 874 (32,3 %)	1 676 (27,9 %)
2) на уровне отбора фактов	1 776 (30,6 %)	1 616 (26,9 %)
3) с помощью потенциально оценочной лексики	1 213 (20,9 %)	1 184 (19,7 %)
4) с помощью стилистических средств	940 (16,2 %)	1 009 (16,8 %)
5) с помощью грамматических средств	-	523 (8,7 %)

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что косвенная оценка в жанре спортивного комментария, реализуемая с помощью контекста, встречается довольно часто, причем комментарии, содержащие косвенную контекстуальную оценку, предназначены для коммуникативно-

подготовленной российской (32,3 %) и британской (27,9 %) аудитории. Еще одним частотным способом реализации косвенной оценки является целенаправленный отбор фактов, что в равной степени характерно для речи российских (30,6 %) и британских (26,9 %) комментаторов. Потенциально оценочная лексика для передачи косвенной оценки как в российском, так и в британском спортивном медиадискурсе используется несколько реже (20,9 % и 19,7 % соответственно). На косвенную оценку, выраженную с помощью стилистических средств, приходится еще меньше – 16,2 % и 16,8 %, причем российские комментаторы тяготеют к таким стилистическим средствам, как риторический вопрос, параллельные конструкции, повторы, тогда как британские тележурналисты часто используют метафоры. Грамматические средства реализации косвенной оценки (особое употребление времен, модальные конструкции, усилительные глаголы), в свою очередь, наблюдаются только в текстах британских трансляций (8,7 %). Помимо этого, косвенное отрицательное значение может наслаиваться на императивное значение, образуя косвенный императив. Важно отметить, что в исследуемом материале примеры косвенного императива были обнаружены только в российском спортивном медиадискурсе, что может быть связано с тем, что в России широко распространена практика привлечения непрофессиональных журналистов к процессу комментирования. Несмотря на некоторые различия в способах выражения косвенной оценки, мы можем заключить, что в целом способы реализации косвенной оценки в речи российских и британских комментаторов демонстрируют много общего.

3.3 Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивной новости

В рамках данного исследования было проанализировано 45 новостных статей: 27 статей на русском языке (общим объемом 11 340 словоупотреблений) и 18 статей на английском языке (общим объемом 10 980 словоупотреблений). Таким образом, общий объем русско- и англоязычного материала приблизительно одинаков. Мы целенаправленно отобрали для

сравнения новостные тексты на аналогичных сайтах – официальных сайтах крупных организаций по фигурному катанию, таких как ФФККР (на русском языке) и ИСУ (на английском языке). Однако, в ходе анализа мы обнаружили весьма неожиданную особенность русскоязычных новостных текстов: при том, что на сайте ИСУ практически каждая фраза может быть отнесена к оценочным высказываниям, косвенным или прямым, стиль текстов на сайте ФФККР характеризуется крайне низким количеством случаев оценки. Так, всего было выявлено 1 076 контекстов оценки в жанре спортивной новости: при практически равном количестве словоупотреблений на русскоязычный материал приходится 139 контекстов, а на англоязычный – 937, т.е. количественная разница огромная (почти в 7 раз). Скорее всего, редкое использование оценочных высказываний в русскоязычных спортивных новостях обусловлено тяготением российских официальных источников к канцеляриту. Факт победы на сайте ФФККР, как правило, сообщается с помощью глаголов *выиграть*; *занять*; *доставаться* даже в тех случаях, когда речь идет о победе российских фигуристов, где уместной была бы более ярко выраженная оценочность. Рассмотрим наиболее «оценочные» примеры новостей в российском письменном спортивном медиадискурсе:

1. *Евгения Медведева, у которой уже есть два золота мирового первенства, в очередной раз **продемонстрировала волю к победе*** (ФФККР, 22.03.2019);

2. *Заменившая Алену россиянка Ксения Синицина **остановилась в шаге от пьедестала*** (ФФККР, 10.03.2019);

3. *Двукратная чемпионка мира среди юниоров Александра Трусова **задает новые ориентиры** в женском одиночном катании* (ФФККР, 05.10.2019).

Все три примера в некоторой степени отличаются от большинства других новостных текстов на сайте ФФККР, поскольку, как упоминалось выше, в других случаях мы сталкиваемся с глаголами со стертой оценочной семантикой. Однако мы также не можем утверждать, что и в приведенных нами примерах оценка выражена ярко: она, несомненно, присутствует, но

оценочные смыслы практически не считываются. Такие фразы, как *продемонстрировать волю к победе; остановиться в шаге от пьедестала; задавать новые ориентиры* стали настолько типичными для спортивного медиадискурса, что в большинстве случаев они воспринимаются как факт, а не как оценка. Более того, было бы не совсем верно рассматривать подобные клишированные фразы как примеры косвенной оценки: оценочная сема, как нам кажется, входит в денотат данных понятий, т. е. они могут быть отнесены, скорее, к прямой оценке.

Проведенный анализ показал, что в жанре спортивной новости, как и в жанре спортивного комментария, предпочтение отдается косвенной (а не прямой) положительной оценке, так как она позволяет разнообразить текст, и, следовательно, усилить речевое воздействие на реципиента (что было рассмотрено в разделе 3.1). Так, на косвенную оценку приходится 59 % в русскоязычных новостных текстах и 70,4 % в англоязычных текстах. При сочетании косвенной и прямой оценки в новостных текстах сайта ИСУ, например, представляется возможным создать действительно интересный текст, несущий не только фактическую информацию, но, прежде всего, оценочную информацию, что позволяет привлечь внимание читателей к прошедшим соревнованиям. Количество контекстов косвенных и прямых оценок в проанализированных новостных текстах представлено в таблице 3.

Таблица 3

Количество контекстов прямой и косвенной оценки
в жанре спортивной новости

	Количество контекстов в русскоязычных спортивных новостях	Количество контекстов в англоязычных спортивных новостях	Общее количество контекстов
Косвенная оценка	82 (59 %)	660 (70,4 %)	742
Прямая оценка	57 (41 %)	277 (29,6 %)	334
Общее количество контекстов	139	937	1 076

Действительно, проведенный анализ англоязычных спортивных новостей позволяет предположить, что функция воздействия, реализуемая через оценку, в этом жанре превалирует над функцией информирования. В русскоязычных спортивных новостях, даже при относительно низком общем количестве выявленных контекстов оценки, количество примеров косвенной оценки несколько выше, чем прямой оценки.

В ходе исследования были выявлены три основных способа выражения косвенной оценки в жанре спортивной новости: 1) с помощью потенциально оценочной лексики; 2) посредством лексических стилистических средств; 3) на уровне отбор фактов. Рассмотрим эти три способа подробнее.

Как показал проанализированный материал, одним из частотных способов выражения косвенной оценки в жанре спортивной новости является использование лексики, обладающей оценочным потенциалом, который реализуется непосредственно в контексте всего высказывания. Рассмотрим отрывок из спортивной новости по итогам ЧМ по фигурному катанию 2019 года: *Russia's Evgenia Tarasova / Vladimir Morozov **settled for the silver medal** while their teammates Natalia Zabiiako / Alexander Enbert **earned the bronze*** [Российские фигуристы Евгения Тарасова / Владимир Морозов **удовольствовались** серебряной медалью, тогда как другой дуэт российской сборной, Наталья Забияко / Александр Энберт, **заработали** бронзу] (ИСУ, 21.03.2019). Цель данного новостного отрывка – кратко и емко представить основные результаты соревнований спортивных пар. Как можно видеть, высказывание не содержит собственно оценочную лексику, однако то, что спортсменам-призерам оценка все-таки дается, вряд ли вызывает сомнения. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с косвенными оценочными высказываниями. Косвенная оценка реализуется преимущественно через сочетание лексики, обозначающей призовое место (*the silver medal; the bronze*), и глаголов, приобретающих оценочность в контексте высказывания (*settle for; earn*). Так, Cambridge English Dictionary, как и Longman Disctionary Online, определяет глагол *settle for* как *to accept or agree to something, or to decide to have something, although it is not exactly what you want* [принять что-

либо, согласиться на что-либо, решить получить что-либо, хотя это не совсем то, что вы хотели]. Как мы видим, данный глагол обладает, скорее, отрицательным оценочным потенциалом, который и актуализируется в приведенном выше примере. Несмотря на то, что серебряная медаль, казалось бы, должна давать повод для положительной оценки, косвенное оценочное высказывание в отношении пары Е. Тарасова / В. Морозов несет прежде всего отрицательный оценочный смысл, так как именно эта пара лидировала после короткой программы, и второе место для них – не повод для радости. Другой российский дуэт, Н. Забияко / А. Энберт, напротив, занимал промежуточное четвертое место, но по итогам произвольной программы они «заработали» бронзу. Глагол *to earn*, действительно, содержит в себе потенциальные оценочные смыслы: согласно одному из определений в Cambridge English Dictionary данный глагол означает *to get something that you deserve* [получить то, что заслуживаешь]. С учетом всего контекста можно сделать вывод, что общая косвенная оценка спортсменов – положительная.

Похожие примеры можно найти и в новостных текстах ФФКР: *На юношеских Олимпийских играх в Лозанне в индивидуальных видах программы российские фигуристы завоевали 8 медалей (2 золотые, 4 серебряные и 2 бронзовые)* (ФФКР, 13.01.2020). Одно из значений глагола *завоевать* согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией Н. Д. Ушакова – «добиться чего-нибудь, овладеть чем-нибудь, приобрести борьбой, настойчивостью, умением», т. е. к собственно оценочным глаголам лексема *завоевать* не относится, но в контексте всего новостного текста транслирует положительные оценочные смыслы, хотя интенсивность оценки – крайне низкая. Глагол *завоевать* встречается во многих спортивных новостях, посвященных прошедшим соревнованиям, и подобная частотность несколько снижает его оценочность и практически ставит в один ряд с такими неоценочными глаголами, как *занять; выиграть*.

Если в рассмотренных выше примерах косвенная оценка была реализована с помощью глаголов, актуализирующих оценку в контексте

высказывания, то следующие два отрывка – примеры реализации косвенной оценки через прилагательные:

1. *Instead of working on a daily basis with coach Nikolai Morozov and competing in the Grand Prix, the team took part in an exhibition tour of the Canadian Olympic Team for two and a half months throughout the country in the fall. It was a **different** kind of training and preparing* [Вместо того, чтобы ежедневно тренироваться с тренером Николаем Морозовым и участвовать в серии Гран-при, фигуристы решили отправиться в осенний гастрольный тур канадской Олимпийской сборной, продлившийся два с половиной месяца. Тренировки и подготовка к сезону шли совершенно **по-другому**] (ИСУ, 15.03.2019);

2. *Skating to “Oblivion” and “Primavera Porteno”, Papadakis / Cizeron performed a smooth and **characteristic** Tango that was highlighted by an original curve lift and excellent twizzles* [Катаясь под «Забвение» и «Весну в Буэнос-Айресе», Пападакис / Сизерон с легкостью исполнили **характерное** танго и подчеркнули его оригинальной поддержкой с дугой и превосходными твиззлами] (ИСУ, 23.11.2018).

Первый пример представляет собой отрывок новости, посвященной результатам чемпионата четырех континентов (чемпионат четырех континентов – аналог ЧЕ по фигурному катанию, но для всех остальных континентов). В данной спортивной новости упоминаются канадские спортсмены К. Уивер и А. Поже, которые заняли второе место: сезон они начали не с традиционной серии ГП (которая часто рассматривается как основная подготовка к главным спортивным стартам), а отправились с гастрольями по городам Канады. В новости подчеркивается, что подготовка к сезону была «иной» (*different*). На первый взгляд, лексема *different* сама по себе не несет какой-либо оценочности, но в рамках данной спортивной новости она, вероятно, приобретает скорее положительный оттенок: несмотря на то, что подготовка проходила в нестандартном режиме, фигуристы завоевали серебро на одном из самых престижных соревнований для североамериканских спортсменов. Помимо этого, стоит отметить, что

результаты пары в предшествовавшем этому соревнованию сезоне не были столь высоки, что, в свою очередь, также говорит о положительной оценочности слова *different* в контексте данной спортивной новости.

Во втором примере мы можем наблюдать косвенную оценку ритмического танца французских фигуристов Г. Пападакис и Г. Сизерона: исполненное ими танго описано как «характерное» [*characteristic*]. Определение слова *characteristic* в Cambridge English Dictionary звучит так: *a typical or noticeable quality of someone or something* [типичное или примечательное качество чего-либо или кого-либо]. Таким образом, явных оценочных смыслов данная лексема не содержит, однако представляется, что прилагательное *characteristic* все же положительно характеризует исполненный танец: выступление, в котором переданы основные черты исполняемого танца, с большей вероятностью оценивается положительно.

С одной стороны, как мы видим, реализация косвенной оценки с помощью лексики, актуализирующей оценочные смыслы в контексте всего высказывания – относительно распространенное явление в анализируемых нами англоязычных текстах, относящихся к жанру спортивной новости. С другой стороны, найти аналогичные примеры в российских текстах довольно проблематично: как правило, прилагательные, если и выражают оценку, то эта оценка – прямая, а не косвенная, например, такие высокочастотные в российских спортивных новостях лексемы, как *уникальный*; *победный*; *удачный*; *хороший* выражают явные положительные оценки. Тем не менее, мы не исключаем, что собственно неоценочные прилагательные способны реализовывать свой оценочный потенциал и в некоторых новостных текстах сайта ФФККР.

Как отмечалось выше, англоязычные тексты спортивных новостей отличает высокий уровень оценочности. К тому же, оценка в подобных текстах нередко характеризуется экспрессивностью. Проанализированный материал показал, что использование лексических стилистических средств, например, метафор, также довольно характерно для британского спортивного медиадискурса, поскольку тропы усиливают экспрессивность оценочного

высказывания. Рассмотрим некоторые примеры косвенной оценки в англоязычных новостных текстах:

1. *Russian newcomer Sofia Samodurova **stormed to gold** in her debut as the Ladies event concluded at the ISU European Figure Skating Championships* [На завершившихся соревнованиях женщин на чемпионате Европы по фигурному катанию представительница России, Софья Самодурова, дебютировавшая на взрослом уровне в этом сезоне, **штормом взяла золото**] (ИСУ, 25.01.2019);

2. *Chen had drawn to skate after Hanyu, who **had set** the 18,000 spectators at a sold out arena **on fire** with his performance. Nevertheless, the 19-year-old remained composed and put out a clean program <...>* [Чену выпало кататься после Ханью, который своим **зажигательным** выступлением привел в восторг все 18,000 зрителей на стадионе, где не осталось ни одного непроданного билета. Девятнадцатилетний спортсмен, однако, был невозмутим и чисто откатал программу <...>] (ИСУ, 23.03.2019);

3. *Performing his program named «Origin», Hanyu **reeled off** a unique quad toe-triple Axel sequence* [В произвольной программе Ханью **выпалил** уникальный каскад – четверной тулуп тройной аксель] (ИСУ, 04.11.2018).

В первом примере, о победе российской фигуристки С. Самодуровой на ЧЕ 2019 года, автор использует метафору *storm to gold* [дословный перевод: *нестись к золоту как ураган*] для реализации косвенной положительной оценки. Подобная метафора не только выражает положительные оценочные смыслы, но создает яркий художественный образ, особенно актуальный для такого вида спорта, как фигурное катание, где спортсмены в буквальном смысле могут нестись как ураган. Стоит отметить, что победное выступление дебютировавшей российской фигуристки действительно отличалось высокой скоростью. Таким образом, в одной фразе заключены как прямые, так и переносные смыслы, которые позволяют выразить оценку в более экспрессивной форме.

Во втором примере мы можем наблюдать сразу несколько способов реализации косвенной оценки. Наиболее очевидный из них – метафора *set on*

fire [дословный перевод: *поджечь*]: автор новости косвенно положительно характеризует японского фигуриста, Ю. Ханью, который «поджег» арену своим выступлением. Одновременно с этим, возможно наблюдать косвенную положительную оценку другого фигуриста, американского спортсмена, Н. Чена: именно на фоне оглушительного выступления Ю. Ханью тот факт, что Н. Чен, выступавший сразу после триумфатора, справился с эмоциями, выдал чистый прокат и, в итоге, завоевал золотую медаль, характеризует его как морально стойкого профессионального фигуриста, причем в этом случае оценка выражена с помощью прилагательного *composed* («сдержанный», «хладнокровный»), т. е. посредством потенциально оценочной лексики. Прилагательное *composed* действительно может приобретать как положительное, так и отрицательное значение в зависимости от контекста. Как мы видим в нашем примере, именно косвенная положительная оценка японского фигуриста позволяет корректно интерпретировать косвенную положительную оценку американского спортсмена.

Метафора, использованная в третьем примере, как и в первом, помогает создать определенный зрительный образ, что способствует усилению экспрессивности оценки: фразовый глагол *reel off* определяется в Cambridge English Dictionary как *to say a long list of things quickly and without stopping* [перечислить что-либо быстро и не останавливаясь]. Таким образом, выполненный элемент – каскад, состоящий из четверного и тройного прыжков – сравнивается с быстрой речью, когда слова безостановочно следуют друг за другом, как прыжки в каскаде. Следовательно, в метафоре соединяются визуальные образы и оценочный компонент, так как прыжки, выполненные на такой скорости, безусловно, оцениваются положительно.

Что касается выражения косвенной оценки в российских спортивных новостях, найти примеры лексических стилистических средств представляется довольно сложной задачей. Так, изучив новостные тексты, опубликованные на сайте ФФКР, мы обнаружили всего несколько подобных примеров. Рассмотрим один из них: *Элизабет Турсынбаева, для которой этот сезон явился настоящим прорывом, в произвольной программе*

прыгнула четверной сальхов. Турсынбаева стала третьей в истории мирового фигурного катания фигуристкой, которая исполнила этот сложный прыжок. 16 лет назад "*первооткрывательницей*" была японка Мики Андо (ФФККР, 22.03.2019). Интересно, что довольно редкие для российских новостных текстов примеры косвенной оценки, выраженной с помощью метафоры, оказались в одном и том же отрывке, что, в свою очередь, также говорит об относительно низком уровне оценочности спортивных новостей на официальном сайте ФФККР. Первая метафора (*сезон явился настоящим прорывом*) служит средством выражения положительной оценки начала сезона казахстанской фигуристки Э. Турсынбаевой, которая на одном из этапов ГП сумела прыгнуть очень редкий для женского фигурного катания прыжок. Упоминание такого сложного элемента также дает косвенную положительную оценку фигуристке, но подобный способ реализации косвенной оценки мы рассмотрим чуть позже. Вторая метафора, *первооткрывательница*, относится уже к японской фигуристке, М. Андо, которая стала первой фигуристкой, исполнившей данный прыжок шестнадцатью годами ранее Э. Турсынбаевой. Обе метафоры, как нам кажется, обладают слабо выраженной эмоционально-оценочной окраской. Яркий визуальный образ, который иногда создается с помощью метафор в англоязычных текстах, здесь практически отсутствует. В данных примерах мы наблюдаем преимущественно стандартные метафоры со стертой семантикой, часто используемые в спортивном медиадискурсе. Подобные метафоры можно отнести к типу метафор-формул [Шевелева 2012].

Таким образом, косвенная оценка в жанре спортивной новости может находить выражение с помощью лексических стилистических средств: несмотря на то, что в проанализированном нами материале были обнаружены только примеры метафор, мы не исключаем возможность использования других лексических стилистических средств в других спортивных новостях. Говоря о способах реализации косвенной оценки, нам кажется целесообразным использовать термин «лексические стилистические средства», отмечая при этом, что наиболее распространенным тропом,

способным передать косвенную оценку, является метафора. В проанализированных текстах британского спортивного медиадискурса было обнаружено довольно много примеров метафор, реализующих косвенную оценку. Кроме того, в приведенных примерах метафоры повышают степень экспрессивности оценки и высказывания в целом, в некоторых случаях создавая красочный зрительный образ. Что касается примеров российского письменного спортивного медиадискурса, продолжается отмеченная нами ранее тенденция новостных текстов на сайте ФФКР к довольно сниженному уровню оценочности: изучив спортивные новости на данном сайте в период 2018 – 2019 гг. нам удалось найти всего несколько примеров метафор, к тому же, они все характеризуются относительной стандартностью и клишированностью. Новостные тексты 2020 года, в свою очередь, демонстрируют некоторый сдвиг в сторону чуть бóльшей оценочности, однако собранный материал пока не позволяет сделать значимые выводы о причинах данного явления.

Фигурное катание, несомненно, имеет много общего с искусством, поэтому, возможно, мы и встречаем так много примеров использования лексических стилистических средств (по крайней мере, в новостных текстах на сайте ИСУ). Тем не менее, фигурное катание – это еще и высоко техничный вид спорта с присущими только ему техническими элементами. Так, описание технической составляющей выступления нередко становится еще одним способом выражения косвенной оценки, как, например, в следующей спортивной новости: *Performing to “Dark Eyes”, Boikova / Kozlovskii landed a side by side triple Salchow, triple twist, throw triple Salchow as well as a level-four spin and step sequence* [*Катаясь под «Очи черные», Бойкова / Козловский чисто исполнили параллельный тройной сальхов, тройную подкрутку, выброс тройной сальхов, вращение и дорожку шагов на четвертый уровень*] (ИСУ, 23.11.2018). В данной спортивной новости дается косвенная положительная оценка выступления российских фигуристов А. Бойковой и Д. Козловского. Для идентификации и правильной интерпретации косвенной оценки необходимо обладать определенными

фоновыми знаниями: глагол *land* [*приземлиться*] подразумевает, что фигуристы не упали при выполнении перечисляемых далее элементов, что является показателем их высокого качества. Помимо этого, вращение и дорожка шагов были оценены судьями на четвертый уровень – высший уровень в системе судейства фигурного катания. Таким образом, все высказывание может считаться косвенным оценочным, причем фигуристы оцениваются положительно.

В некоторых случаях само перечисление элементов, выполненных спортсменом, говорит само за себя: <...>, *pulling off a quad Lutz, flip, quad toe and quad toe-triple toe as well as five triples including an Axel* [<...>, *выполнив четверной лутц, флип, четверной тулуп, каскад четверной тулуп тройной тулуп и пять тройных прыжков, включая аксель*] (ИСУ, 23.03.2019). В данном примере нет никаких указаний на то, как именно были выполнены перечисленные элементы: автор просто перечисляет их. Данное высказывание, скорее всего, можно рассматривать как выражающее некую оценку, но здесь необходимо сделать некоторые пояснения: то, что спортсмен выполнил три четверных прыжка и каскад, состоящий из еще одного четверного и тройного прыжков, уже говорит о многом. Кроме того, в спортивной новости упоминается пять тройных прыжков, один из которых – тройной аксель (аксель считается значительно более сложным прыжком по сравнению с такими видами прыжков, как тулуп, сальхов или лутц). Учитывая сложность, заложенную в самих названиях элементов, автору спортивной новости нет необходимости подчеркивать, удачно или неудачно они были исполнены: простого перечисления вполне достаточно для того, чтобы косвенно выразить положительную оценку.

Похожие примеры находим и в российском спортивном медиадискурсе: *На этапе в Китае, как и в США, Аня откатала произвольную программу с двумя 4-ми лутцами – самыми сложными прыжками в фигурном катании на сегодняшний день, которые исполняют не все представители мужского катания* (ФФККР, 09.11.2019). В данной спортивной новости оценка дается российской фигуристке А. Щербаковой, выигравшей произвольную

программу и, в итоге, занявшей первое место. Буквально несколько лет назад было невозможно представить, что фигуристки-одиночницы смогут выполнять прыжки в четыре оборота, поэтому на протяжении многих лет аксель в три с половиной оборота считался самым сложным прыжком в женском фигурном катании. С появлением юных фигуристок, которым не просто удалось исполнить четверной прыжок, но которые начали регулярно включать в программы несколько четверных прыжков, ситуация стала меняться. Тем не менее, несмотря на рекордные программы с тремя и более четверными прыжками, многие специалисты фигурного катания не перестали считать аксель в три с половиной оборота самым сложным элементом, поскольку принять то, что четверные прыжки у женщин-одиночниц – реальность, а не миф, довольно трудно. В любом случае, упоминание подобных прыжков, выполненных фигуристками, как правило, вызывает чувство удивления и восхищения, особенно учитывая многолетнее отрицание самой возможности прыжка более, чем в три с половиной оборота, в исполнении женщин. Следовательно, спортивная новость, включающая информацию о сложной технической составляющей программы А. Щербаковой, несет в себе положительную оценку, выраженную косвенно. Автор также посчитал необходимым пояснить, насколько сложными являются выполненные элементы, для того чтобы читатели с большей вероятностью поняли уникальность произвольной программы фигуристки.

Вышеописанный способ реализации косвенной оценки, в свою очередь, может рассматриваться в качестве одной из разновидностей целенаправленного отбора фактов, основная задача которого – выразить оценочное суждение через те факты, которые кажутся автору оценки наиболее подходящими для передачи оценочных смыслов. Рассмотрим несколько примеров:

1. *<...> and Matteo Rizzo of Italy surged from tenth to take the bronze, the first European medal for an Italian man in ten years* [*<...> итальянец Маттео Риццо поднялся с десятого на третье место и взял бронзу: представитель*

Италии впервые за десять выиграл медаль европейского первенства] (ИСУ, 26.01.2019);

2. Canadian ice dancers Kaitlyn Weaver / Andrew Poje are looking back at a distinguished career with three World medals and multiple other medals and titles and they are still major players in the game as they proved by taking the silver medal at the recent ISU Four Continents Figure Skating Championships 2019 [За плечами канадских танцоров на льду Кэтлин Уивер и Андре Поже выдающаяся карьера: в их арсенале три медали чемпионатов мира и множество других наград и титулов. Они по-прежнему в игре: они это доказали, выиграв серебряную медаль на недавнем чемпионате четырех континентов 2019 года] (ИСУ, 15.03.2019).

В первом случае положительная оценка итальянского фигуриста, завоевавшего бронзовую медаль ЧЕ 2019 года, реализуется преимущественно через тот факт, что эта медаль много значит для итальянского фигурного катания. Автор целенаправленно включает этот факт в спортивную новость для усиления положительной оценки спортсмена: если в некоторых ситуациях бронза или даже серебро могут считаться неудачей, то в рассматриваемой спортивной новости третье место – большое достижение. Во втором примере мы видим отрывок спортивной новости о победе канадских фигуристов на чемпионате четырех континентов, однако автор не просто сообщает читателям о победе: в новости также упоминаются многочисленные медали данного дуэта, полученные на крупных соревнованиях. Данный факт усиливает общую положительную оценку спортсменов, причем автор логически связывает предыдущие и настоящие успехи канадцев.

Если при анализе способов выражения косвенной оценки посредством потенциально оценочной лексики или при помощи лексических стилистических средств мы отмечали малую долю примеров подходящих косвенных оценочных высказываний, то в случае с целенаправленным отбором фактов для выражения оценки все меняется: спортивные новости на сайте ФФКР изобилуют подобными примерами. Приведем один из них:

Опытные Евгения Тарасова – Владимир Морозов, хочется верить, преобразились в этом сезоне. Это относится к выбору музыки, постановке программ, стиля костюмов... Несколько месяцев назад фигуристы уехали тренироваться в США и готовились к сезону под руководством тренера Марины Зуевой. Пока призерам чемпионатов мира и Европы не удастся избежать ошибок в прокатах <...> (ФФККР, 27.10.2019). Весь отрывок, в большей степени, является набором взаимосвязанных фактов, которые способствуют выражению той или иной оценки. Положительно оцениваются, например, выбор музыки, хореография, костюмы. Факт смены тренера, по видимому, также несет положительные оценочные смыслы, поскольку тренер М. Зуева считается одним из лучших специалистов, чьи ученики выигрывают самые крупные старты. Важно также отметить, что в последнем предложении мы видим косвенную отрицательную оценку (*Пока <...> не удастся избежать ошибок в прокатах*): за счет использования не прямой передачи оценочных смыслов происходит снижение категоричности отрицательной оценки. Более того, помимо косвенной отрицательной оценки в последнем высказывании автор целенаправленно напоминает читателям о регалиях спортсменов (*<...> призерам чемпионатов мира и Европы <...>*), что также помогает смягчить отрицательную оценку.

Таким образом, в русскоязычных новостных текстах сайта ФФККР 81,7 % (67 контекстов) приходится на целенаправленный отбор фактов, в то время как оставшиеся 18,3 % делят между собой лексические стилистические средства (13,4 % – 11 контекстов) и потенциально оценочная лексика (4,9 % – 4 контекста). В спортивных текстах сайта ИСУ, напротив, на целенаправленный отбор фактов и на потенциально оценочную лексику приходится 42,4 % и 38,5 % (280 и 254 контекстов соответственно), тогда как доля использования лексических стилистических средств – 19,1 % (126 контекстов косвенной оценки) от общего числа косвенных оценочных высказываний. Количественные данные, выявленные при сравнении всех трех основных способов выражения косвенной оценки в жанре спортивной новости, представлены в таблице 4.

Способы реализации косвенной оценки
в жанре спортивной новости

	Количество контекстов в русскоязычных спортивных новостях	Количество контекстов в англоязычных спортивных новостях
1) на уровне отбора фактов	67 (81,7 %)	280 (42,4 %)
2) с помощью потенциально оценочной лексики	4 (4,9 %)	254 (38,5 %)
3) с помощью лексических стилистических средств	11 (13,4 %)	126 (19,1 %)

Проведенный статистический анализ показал, что в англоязычных текстах все три способа косвенного выражения оценочных смыслов распространены более-менее равномерно, тогда как в русскоязычных текстах значительно превалирует целенаправленный отбор фактов.

В ходе исследования новостных текстов мы также обратили внимание на значительные различия между русско- и англоязычными заголовками этих текстов. Рассмотрим несколько интересных заголовков, содержащих оценку:

1. ***Quad queen Trusova (RUS) jumps to Junior Ladies gold*** [**Королева четверных Трусова (Россия) допрыгнула до золота чемпионата мира среди юниоров**] (ИСУ, 09.03.2019);

2. ***Sui / Han (CHN) skate to runaway victory on home ice*** [**Неожиданная победа пары Сунь / Хань (Китай) на домашнем льду**] (ИСУ, 09.11.2019);

3. ***Teen sensation Kostornaia (RUS) grabs gold on Grand Prix debut*** [**Шестнадцатилетняя сенсация Косторная (Россия) завоевала медаль на дебютном этапе Гран-при**] (ИСУ, 03.11.2019);

4. ***Irrepressible Chen (USA) gets gold and ticket to Turin in Grenoble*** [**Непотопляемый Чен получает золото и билет в Турин на этапе Гран-при в Гренобле**] (ИСУ, 02.11.2019).

В первом примере упоминается техническая составляющая программ А. Трусовой, причем ее талант к четверным прыжкам обыгрывается фразой *jumps to Junior Ladies gold* [допрыгнула до золота чемпионата мира среди

юниоров]. Во втором и третьем заголовках мы можем наблюдать сразу несколько примеров оценки, реализующейся через изначально неоценочную лексику, но приобретающую оценочное значение в контексте (*runaway victory* [неожиданная победа]; *sensation* [сенсация]; *grabs gold* [дословный перевод: схватила золото]). Положительные оценочные смыслы в четвертом заголовке выражены с помощью прилагательного *irrepressible* [непотопляемый], которое в контексте высказывания положительно характеризует фигуриста, и зевгмы *gets gold and ticket to Turin* [получил золото и билет в Турин], помимо всего прочего добавляющей заголовку экспрессивности. К тому же, упоминание «билетов в Турин» также можно рассматривать как косвенную оценку: поскольку фигурист выиграл французский этап ГП, он имеет право принять участие в финале ГП в Турине, а финал ГП по важности равнозначен европейскому первенству.

Заголовки аналогичных новостей на сайте ФФККР вполне соответствуют уже проанализированным текстам в жанре спортивной новости. Так, одними из самых эмоциональных заголовков на сайте ФФККР являются следующие два примера:

1. *Александра Трусова прыгнула 4 четверных на «Japan Open»!* (ФФККР, 05.10.2019);

2. *Алена Косторная выиграла «Финляндия Трофи», Елизавета Туктамышева завоевала серебро. Обе фигуристки исполнили в программе по два 3 акселя!* (ФФККР, 13.10.2019).

Как можно видеть, именно упоминание технической сложности является ключевым средством реализации косвенной оценки: в первом случае, это рекордное количество четверных прыжков, во втором – два тройных акселя. Стоит отметить, что при общей сдержанности изложения спортивных новостей на сайте ФФККР, в некоторых случаях авторы пытаются сделать сами тексты и их заголовки более эмоциональными. Однако, любопытно, что из всех возможных способов усиления экспрессивности высказывания предпочтение отдается восклицательным знакам, хотя и они встречаются довольно редко. В большинстве случаев

заголовок – это выдержка из текста спортивной новости, резюмирующая, кто занял призовые места, независимо от гражданства победивших спортсменов. В проанализированных английских заголовках, в свою очередь, восклицательные знаки не используются, что типично для английской речевой культуры. Кроме того, общий высокий эмоционально-экспрессивный фон английских заголовков достигается преимущественно за счет лексических, а не пунктуационных средств. Создается ощущение, что главная цель англоязычных заголовков – привлечь внимание читателей: заголовок даже не дублируется в начале самой новости, так как при переходе по ссылке мы сразу попадаем на страницу со спортивной новостью, которая, в свою очередь, изобилует примерами прямой и косвенной оценки. При нажатии на ссылку на сайте ФФККР мы также переходим на страницу спортивной новости, но тот же заголовок неизменно расположен в самом верху страницы. Русскоязычные заголовки более сдержанные, как и следующие после них новостные тексты.

Как мы видим, примеры косвенной оценки в заголовках спортивных новостей сайта ФФККР и ИСУ довольно точно отражают уже наметившиеся в ходе исследования тенденции реализации косвенной оценки в жанре спортивной новости: 1) в целом высокий процент косвенной оценки в англоязычных текстах; 2) относительно низкий уровень оценочности русскоязычных текстов сходной тематики; 3) большая доля использования потенциально оценочной лексики и целенаправленно отобранных фактов для передачи оценочных смыслов в англоязычных источниках; 4) значительное доминирование целенаправленного отбора фактов как основного способа передачи косвенной оценки в российских новостных текстах.

Следовательно, невозможно однозначно заявить, что все российские спортивные новости даются в официальной безоценочной манере: в проанализированных русскоязычных материалах примеры метафор, хотя и со стертой оценочной семантикой, обнаружены все же были. Нельзя игнорировать и многочисленные упоминания выполненных технических элементов и других фактов, способных косвенно выразить положительную

оценку и, таким образом, повлиять на мнение читателей. Таким образом, оценочность в российских спортивных новостях, конечно, присутствует, но в весьма неявной форме, что особенно заметно при сопоставлении стилистически сдержанных русскоязычных спортивных новостей и аналогичных новостей англоязычного сайта, которые по уровню оценочности напоминают, скорее, рекламные тексты. Возможно, данная особенность связана с постановкой различных задач: для ИСУ, как нам кажется, важнее привлечь большую аудиторию читателей и потенциальных зрителей, т. е. они могут преследовать коммерческие цели. Судя по новостным текстам ФФККР, их основная задача – информирование читателей о результатах прошедших соревнований, т. е. трансляция фактической информации. Вероятно, при анализе новостных текстов из других русскоязычных источников будут получены иные результаты.

3.4 Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного превью

Ядерные жанры спортивного медиадискурса – спортивный комментарий и спортивная новость – действительно отличаются высокой степенью оценочности, причем процент использования косвенных оценочных высказываний значительно выше процента случаев использования прямой оценки. Соотношение прямой и косвенной оценки может варьироваться в зависимости от жанра и задач, поставленных журналистом, поэтому нам показалось интересным рассмотреть особенности функционирования косвенной оценки в каком-либо жанре, не относящемся к ядерной части спортивного медиадискурса, но, тем не менее, сохраняющем основные черты спортивного медиадискурса (в отличие от периферийных жанров). Так, в рамках данной работы были проанализированы особенности выражения косвенной оценки в спортивном превью.

Основным источником текстов спортивных превью также послужили два официальных сайта, посвященных фигурному катанию – сайт ФФККР (русскоязычные спортивные превью) и сайт ИСУ (англоязычные спортивные

превью). Как и в случае с жанром спортивной новости, данные два сайта были выбраны целенаправленно, поскольку они оба являются официальными сайтами крупных спортивных организаций. Как и тексты спортивных новостей, тексты спортивных превью с сайта ФФККР не изобилуют оценочными высказываниями, поэтому мы обратились к текстам спортивных превью еще на одном русскоязычном сайте (<https://www.championat.com>).

В процессе исследования была сделана выборка из 27 различных спортивных превью, посвященных международным соревнованиям 2013 – 2020 гг.: 16 спортивных превью на русском языке (12 превью на сайте ФФККР и 4 превью на сайте <https://www.championat.com> общим объемом 9 800 словоупотреблений) и 11 спортивных превью на сайте ИСУ (общим объемом 12 100 словоупотреблений).

Действительно, на сайте ФФККР жанр спортивного превью практически не представлен. Более того, редкие примеры спортивного превью на этом сайте представляют собой исключительно список участников того или иного соревнования, фактуальную информацию о месте проведения и, соответственно, выполняют преимущественно информативную функцию, например:

1. *Короткой программой фигуристок в Милане открылся чемпионат мира по фигурному катанию, в котором участвует 192 спортсмена / пары из 43 стран. Милан во второй раз принимает мировое первенство. Впервые чемпионат мира здесь состоялся в 1951 году. Среди участников чемпионата мира-2018 – олимпийские чемпионы Игр в Корее – россиянка Алина Загитова и немецкая пара Алена Савченко–Брюно Массо (ФФККР, 21.03.2018);*

2. *В американском Лас-Вегасе стартует первый из шести этапов серии Гран-при этого сезона. В составе российской команды 5 одиночников и 4 пары. Состав команды: <...> (ФФККР, 18.10.2019);*

3. *В японской столице в четверг стартует командный турнир World Team Trophy, в котором участвует шесть сильнейших команд, отобравшихся по рейтингу и результатам сезона: Канада, Россия, США, Япония, Китай и Франция. World Team Trophy проводится с 2009 года, с периодичностью раз в*

два года. *Нынешний турнир станет пятым по счету.* <...> *В составе каждой команды: 4 одиночника (2 девушки, 2 мужчины), 1 спортивная пара и 1 танцевальная* (ФФККР, 19.04.2017).

Первый и второй примеры в избытке содержат фактуальную информацию: место проведения, точное количество участников. В полном тексте спортивном превью, посвященном ЧМ в Милане, также дается развернутая информация об участниках соревнований, а именно их регалии, замены, произошедшие в составе сборных, причины замен, но аналитический и оценочный блок полностью отсутствуют. Автор данного превью, очевидно, не стремился проанализировать шансы участников на победу или выразить собственное мнение относительно той борьбы, которая развернется на чемпионате: в тексте присутствует небольшое оценочное вкрапление по поводу качества льда на тренировочном катке, которым недовольны участники соревнования, однако и эта вставка не несет собственно оценочной функции и выглядит как очередной факт. Поскольку под оценочным блоком спортивного превью всегда подразумевается оценка того, кто будет сражаться за первые места, вставка про качество льда на тренировочном катке явно к этому блоку не относится, а служит дополнением к другому факту – о том, что российские фигуристы приступили к тренировкам.

Третий отрывок из спортивного превью также практически лишен какой-либо оценочности: в полном тексте превью дается информация о типе соревнования, месте и времени его проведения, регламенте соревнования, призовом фонде и, наконец, составе участников и расписании соревнования. Прямая оценка в данном примере однозначно отсутствует, а модель, разработанная нами для идентификации косвенных оценочных высказываний и примененная для анализа других жанров, позволяет заявить, что косвенная оценка здесь также не представлена. На первый взгляд может показаться, что прилагательное *сильнейший* включает в себе некие оценочные смыслы, однако в данном контексте, вероятно, оно несет исключительно когнитивную информацию: под «сильнейшими» подразумеваются команды с наибольшим

рейтингом, причем состав «сильнейших» на протяжении всех восьми лет существования этого соревнования не менялся.

В следующем спортивном превью была предпринята попытка более детального описания участников, чем в предыдущих примерах: *Евгения ТАРАСОВА – Владимир МОРОЗОВ. Евгения – 22 года, Владимир – 25 лет. Тренеры Нина Мозер, Андрей Хекало, Робин Шолковы. Тренируются в Москве, на катке «Вдохновение». Бронзовые призеры чемпионата мира, чемпионы Европы, победители финала Гран-при, серебряные призеры чемпионата России. В олимпийском сезоне выиграли предсезонный турнир в немецком Оберstdорфе, а также первый этап серии Гран-при в Москве «Кубок Ростелекома» (ФФККР, 17.11.2017).*

Ранее, в результате изучения косвенной оценки в жанрах спортивного комментария и спортивной новости, были сделаны выводы, что целенаправленный отбор фактов – один из частотных способов реализации косвенной оценки. Перечисление титулов и регалий спортсменов в вышеприведенном отрывке, действительно, может быть расценено как пример косвенной оценки. Один из важных критериев при идентификации косвенной оценки, предложенных нами в этой работе – авторская позиция, эмоциональная вовлеченность. В полном тексте этого спортивного превью, однако, информация о золотых и серебряных медалях мировых первенств представлена в такой же форме, как, например, сведения о седьмом месте Е. Туктамышевой на этапе ГП в Пекине, что позволяет считать подобные высказывания не оценочными, а сугубо информативными. Кроме того, подробного описания спортивных заслуг удостоились только члены сборной России, тогда как регалии потенциальных соперников были проигнорированы.

Тем не менее, нельзя однозначно сказать, что спортивные превью на сайте ФФККР совершенно лишены оценочности: периодически можно встретить примеры прямой оценки вроде *откаталась неплохо; сильные спортивные дуэты; изумительные пирожные с грецкими орехами* (из превью ФФККР, 14.11.2017), но подобные вкрапления очень редки. Кроме

того, количество выявленных косвенных оценочных высказываний, в свою очередь, тоже стремится к нулю.

Тем не менее, при написании спортивных превью, посвященных этапам ГП 2017 года, авторы попытались их как-то разнообразить. Так, в этот период спортивные превью выходили под следующими заголовками:

1. *Этап Гран-при «Скейт Канада». Кленовый сироп* (ФФККР, 27.10.2017);
2. *Гран-при Китая. «Утка по-пекински»* (ФФККР, 01.11.2017);
3. *Гран-при Японии. Ветка сакуры* (ФФККР, 09.11.2017);
4. *Гран-при США. В столице Олимпийских игр* (ФФККР, 21.11.2017).

В контексте полных текстов превью, как ожидалось, не совсем типичные для сайта ФФККР заголовки должны были заиграть новыми красками. Однако потенциальная оценочность заголовков так и не была реализована, поскольку тексты превью не содержали ни прямых, ни косвенных оценочных высказываний. Мы уже сталкивались с подобной ситуацией при анализе косвенной оценки в жанре спортивной новости: примеров косвенной оценки в новостных текстах сайта ФФККР было обнаружено значительно меньше, чем в текстах на сайте ИСУ. Тем не менее, если в русскоязычных новостных текстах наблюдалось меньшее количество косвенных оценочных высказываний по сравнению с англоязычными спортивными новостями, то в жанре спортивного превью примеры любого типа оценки, прямой или косвенной, практически отсутствуют. Вероятно, подобная особенность связана с уже упоминавшейся бóльшей склонностью российских официальных сайтов к канцеляриту. С другой стороны, возможно, авторы текстов сайта ФФККР преследуют несколько иные коммуникативные цели, и поэтому информирование значительно превалирует над анализом, оцениванием и воздействием на реципиента.

Косвенная оценка в текстах англоязычных спортивных превью, размещенных на сайте ИСУ, напротив, представлена довольно широко, причем жанр спортивного превью в англоязычном спортивном медиадискурсе действительно перенял некоторые черты рекламного

дискурса, поскольку цель спортивного превью не только проинформировать, но и заинтересовать читателей. Рассмотрим следующий пример:

The Men's event shapes up as an exciting battle between the World's leading skaters. Two-time Olympic Champion Yuzuru Hanyu (JPN) is looking at a third World title on home ice. The Japanese star had to sit out the ISU Grand Prix of Figure Skating Final and National Championships earlier this season as he recovered from an ankle injury. Nevertheless, Hanyu tops the season's best list with 297.12 points. He has to expect tough competition coming from defending World Champion Nathan Chen (USA) and Olympic and World silver medalist Shoma Uno (JPN) [Соревнования мужчин-одиночников обещают стать потрясающим сражением между лидерами мирового фигурного катания. Двухкратный олимпийский чемпион Юдзуру Ханью (Япония) на домашнем льду прицеливается на третий мировой титул. Японская звезда была вынуждена пропустить финал серии Гран-при и чемпионат Японии в начале этого сезона, поскольку он восстанавливался после травмы голеностопа. Несмотря на это, Ханью возглавляет рейтинг этого сезона с 297.12 баллами. Ему следует ожидать серьезного отпора от действующего чемпиона мира Натана Чена (США) и серебряного призера Олимпийских игр и мирового первенства Шомы Уно (Япония)] (ИСУ, 18.03.2019).

В отрывке спортивного превью ЧМ по фигурному катанию 2019 года в Сайтаме (Япония) с броским заголовком *Olympic and World Champions hit the ice in Japan for the ISU World Figure Skating Championships 2019* [Олимпийские чемпионы и чемпионы мира попытаются покорить лед на чемпионате мира 2019 года в Японии] читатели не только получают информацию об участниках соревнования (страна, которую представляет спортсмен, спортивные титулы, самые высокие баллы в сезоне): автор превью дает понять, насколько зрелищным будет чемпионат. Наравне с эксплицитной оценкой, реализующейся посредством собственно оценочной лексики (*an exciting battle* [*потрясающее сражение*]; *tough competition* [*серьезный отпор*]; *the Japanese star* [*японская звезда*]), мы также наблюдаем косвенные оценочные высказывания (*the Men's event shapes up as an exciting battle*

[соревнования мужчин-одиночников **обещают стать потрясающим сражением**]; *Yuzuru Hanyu (JPN) is looking at a third World title on home ice* [Юдзуру Ханью (Япония) **на домашнем льду прицеливается на третий мировой титул**]). Как мы видим, оценка соревнования и спортсменов дается, прежде всего, для того, чтобы убедить читателей спортивного превью посмотреть трансляцию или посетить соревнование. Неслучайно, подробная характеристика дается фаворитам соревнования, а те спортсмены, которые не представляют большого интереса для среднестатистического зрителя, просто перечисляются в конце превью.

Рассмотрим еще несколько отрывков текстов спортивных превью на сайте ИСУ:

1. *The Pairs event is highlighted by the ongoing duel between four-time World Champions Aliona Savchenko / Robin Szolkowy (GER) and reigning World and European Champions Tatiana Volosozhar / Maxim Trankov (RUS). Volosozhar / Trankov (seasons best 237.71 points) started strongly into the season, but the Germans (seasons best 227.03 points) handed them their first defeat in 20 months at the ISU Grand Prix of Figure Skating Final in December* [Соревнования спортивных пар особенно интересны продолжающейся дуэлью между четырехкратными чемпионами мира Аленой Савченко / Робин Шолковы (Германия) и действующими чемпионами Европы и мира Татьяной Волосожар / Максимом Траньковым (Россия). Пара Волосожар / Траньков (лучший результат в сезоне – 237.71 балл) хорошо начали сезон, но именно немецкий дуэт (лучший результат в сезоне – 227.03 балла) нанесли им первое за 20 месяцев поражение на финале Гран-при в декабре] (ИСУ, 13.01.2014);

2. *<...> and current ISU Grand Prix Final bronze medalists Wenjing Sui / Cong Han (seasons best 200.68 point) are chasing the Canadians* [*<...> а действующие бронзовые медалисты финала Гран-при Вэньцзин Суй / Цун Хань (лучший результат в сезоне – 200.68 балла) преследуют канадцев*] (ИСУ, 22.03.2015).

Как мы видим из этих примеров, в англоязычных спортивных превью также представлено довольно много фактуальной информации (регалии,

лучшие результаты в сезоне и пр.), однако подача этой информации совсем иная: в англоязычных текстах совершенно точно считывается оценочная информация, которая формируется за счет сложного взаимодействия языковых единиц текста. Так, метафоры военной тематики (*the ongoing duel* [*продолжающаяся дуэль*]; <...> *are chasing the Canadians* [<...> *преследуют канадцев*]), вкрапляясь между громкими титулами, придают им оценочное звучание. В вышеприведенных отрывках подобное перечисление прежних побед можно расценивать как один из способов реализации косвенной оценки – на уровне отбора фактов. Таким образом, косвенная оценка, выраженная с помощью лексических стилистических средств (в этих примерах посредством метафоры), может способствовать реализации косвенной оценки на уровне отбора фактов.

Поскольку нам практически не удалось найти примеры косвенной оценки в спортивных превью, представленных на сайте ФФКР, было решено также проанализировать несколько текстов превью на другом русскоязычном сайте – <https://www.championat.com>. Данный сайт отличается от сайтов ФФКР и ИСУ тем, что он не является сайтом какой-либо официальной организации, но освещает различные спортивные события, причем, если сайт ФФКР посвящен исключительно фигурному катанию, а сайт ИСУ – конькобежным видам спорта, то на сайте <https://www.championat.com> можно встретить тексты о разных видах спорта, в том числе и о фигурном катании. Рассмотрим пример спортивного превью, опубликованного незадолго до ЧМ 2013 года в Лондоне:

Самые стабильные позиции у россиян в парном катании. В прошлом году в Ницце даже нелепое падение с тодеса не помешало Татьяне Волосожар с Максимом Траньковым стать вице-чемпионами мира, а в этом подопечные Нины Мозер и вовсе на голову превосходят своих основных конкурентов Савченко и Шолковы. Добавим сюда Веру Базарову с Юрием Ларионовым, которые, несмотря на все перипетии со сменой тренера и проблемами со здоровьем, хочется верить, не растеряли достигнутых кондиций. <...> Не хочется сбрасывать со счетов и Юко Кавагути с

Александром Смирновым. Конечно, последние старты им явно не удаются, но когда же собираться, как не сейчас? <...> В танцах на льду даже после успеха на чемпионате Европы максимум, за что могут побороться наши дуэты, это бронза. Первые два места разыграют зувские пары Мэрил Девис / Чарли Уайт и Тесса Вертью / Скотт Моир. Наши будут атаковать позиции Пешала и Бурза. С учётом пропуска французами континентального форума это будет одно из самых интересных противостояний турнира (<https://www.championat.com>, 12.03.2013).

Заголовок этого спортивного превью *Олимпийские страсти в неолимпийском Лондоне* уже призван заинтересовать читателя. Текст спортивного превью также продолжает поддерживать высокий уровень общей оценочности: в превью можно найти как примеры прямой оценки (*стабильные позиции; нелепое падение с тодеса; одно из самых интересных противостояний турнира*), так и разнообразные примеры косвенной оценки: косвенная оценка посредством метафор (*противостояние; атаковать позиции; континентальный форум*), риторического вопроса (*<...> но когда же собираться, как не сейчас?*), контекста (*<...> несмотря на все перипетии со сменой тренера и проблемами со здоровьем, хочется верить, не растеряли достигнутых кондиций; <...> максимум, за что могут побороться наши дуэты, это бронза*), целенаправленного отбора фактов (*<...> даже нелепое падение с тодеса не помешало Татьяне Волосожар с Максимом Траньковым стать вице-чемпионами мира*). Коммуникативная цель данного спортивного превью довольно однозначна – проинформировать читателей о предстоящем ЧМ, заинтересовать потенциальных телезрителей, а также оценить шансы российской сборной на успех в этом соревновании, что имело особое значение перед олимпийским сезоном 2014 года. Таким образом, мы видим, что жанр спортивного превью в российском спортивном медиадискурсе может обладать высокой степенью оценочности при условии, что текст размещен не на официальном сайте спортивной организации, а на обычном сайте спортивной тематики. Нам не удалось проследить взаимосвязь степени оценочности спортивных превью с авторами этих текстов, так как авторы

спортивных превью на официальных сайтах всегда анонимны, а на других сайтах, как правило, указывается только имя журналиста и виды спорта, на которых этот журналист специализируется.

В анализируемых текстах, как и в случаях с жанром спортивного комментария и жанром спортивной новости, косвенная оценка значительно превалирует над прямой оценкой. Так, на косвенную оценку приходится 65,5 % в русскоязычных текстах и 76,8 % в англоязычных текстах. Количество контекстов оценки, обнаруженных в анализируемых спортивных превью, представлено в таблице 5.

Таблица 5

Количество контекстов прямой и косвенной оценки
в жанре спортивного превью

	Количество контекстов в русскоязычных спортивных превью	Количество контекстов в англоязычных спортивных превью	Общее количество контекстов
Косвенная оценка	270 (65,2 %)	1269 (76,8 %)	1539
Прямая оценка	144 (34,8 %)	383 (23,2 %)	527
Общее количество контекстов	414	1 652	2 066

Как нам кажется, бóльшее количество примеров косвенной оценки, во-первых, связано с тем, что косвенная оценка обладает несколько большей иллокутивной силой по сравнению с прямой оценкой, во-вторых, высокая концентрация собственно оценочной лексики в тексте может утомить читателя и вызвать негативную реакцию. Кроме того, косвенная оценка обладает бóльшим репертуаром средств выражения, что также позволяет разнообразить текст и сделать его более ненавязчиво рекламным. Основная задача прямой оценки в жанре спортивного превью – обеспечить правильную интерпретацию последующих косвенных оценок и повысить уровень экспрессивности текста.

Из всех основных способов реализации косвенной оценки не представленной в жанре спортивного превью (как и в жанре спортивной

новости) оказалась косвенная оценка, выраженная с помощью грамматических средств. Среди остальных способов выражения оценочных смыслов доминирующими оказались лексические стилистические средства (34,7 % в русскоязычных спортивных превью, 29,1 % – в англоязычных) и оценка, выводимая из контекста высказывания (27,1 % и 30,7 % соответственно), хотя косвенная оценка с помощью потенциально оценочной лексики и на уровне отбора фактов также довольно частотна. Полученные количественные данные показаны в таблице 6.

Таблица 6

Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивного превью

	Количество контекстов в русскоязычных спортивных превью	Количество контекстов в англоязычных спортивных превью
1) с помощью лексических стилистических средств	94 (34,7 %)	369 (29,1 %)
2) с помощью контекста	73 (27,1 %)	390 (30,7 %)
3) с помощью потенциально оценочной лексики	69 (25,6 %)	214 (16,9 %)
4) на уровне отбора фактов	34 (12,6 %)	296 (23,3 %)

То, что автор спортивного превью стремится описать соревнование и спортсменов с их лучшей стороны, привел к практически полному отсутствию отрицательной оценки в данном жанре. Так, в проанализированном материале процент случаев отрицательной оценки составил всего 1,8 % (28 примеров), причем в большинстве случаев оценка выражена косвенно. Рассмотрим некоторые примеры отрицательной оценки:

1. *Medvedeva struggled earlier this season, but is on the comeback trail (seasons best 204.89 points)* [Медведева упорно сражалась в начале этого сезона, но так и не пришла в хорошую спортивную форму (лучший результат в сезоне – 204.89 баллов)] (ИСУ, 18.03.2019);

2. *В конце концов, поражением в финале Гран-при в Фукуоке наши лидеры спортивную интригу уже возродили, пора снова показать, кто в парном катании хозяин* (ФФККР, 14.01.2014);

3. *Столбова и Климов, напротив, смотрятся гораздо интереснее и ярче, чем раньше. Особенно впечатляет их короткая программа в стиле испанского фламенко. Единственное, в чём они уступают своим соперникам, это сложность* (ФФККР, 14.01.2014).

В первом спортивном превью российской фигуристки Е. Медведевой дана смешанная характеристика: с одной стороны, подчеркивается, что она «боролась» в начале этого сезона, с другой стороны, высоких результатов она не показала (ее лучший результат в сезоне – 204.89 балла – довольно низкий для фигуристки мирового уровня). В тексте спортивного превью подчеркивается, что Е. Медведева еще находится в процессе возвращения в свою лучшую форму после перехода к новому тренеру, но степень категоричности отрицательной оценки ее текущей формы значительно снижена за счет косвенного оценочного высказывания. Во втором и третьем примерах косвенная отрицательная оценка соседствует с положительной оценкой, что также способствует снижению категоричности высказывания. Так, поражение российской пары Т. Волосожар / М. Транькова в финале ГП рассматривается с точки зрения возрождения «интриги» грядущего соревнования. Отрицательная оценка окончательно «гасится» косвенным положительным высказыванием, что «пора показать, кто в доме хозяин». В третьем отрывке автор выражает значительно смягченную отрицательную оценку сложности программы другого российского дуэта, К. Столбовой / Ф. Климова, но на фоне предшествующей прямой положительной оценки (*смотрятся гораздо интереснее и ярче; особенно впечатляет их короткая программа*) отрицательные оценочные смыслы, к тому же выраженные косвенно, практически нивелируются.

Таким образом, косвенная отрицательная оценка в жанре спортивного превью встречается только в тех случаях, когда отрицательной характеристики не избежать, например, когда фигурист, претендующий на

медали вследствие своих прежних регалий, провел неудачный сезон: не упомянуть такого спортсмена в превью невозможно, поэтому отрицательная оценка дается косвенно.

Итак, проанализированный материал показал, что оценка в тексте превью призвана: 1) информировать читателей и 2) воздействовать на реципиента текста. Помимо этого, оценка – основа рекламной составляющей спортивного превью, позволяющей заинтересовать потенциального зрителя. Именно с данными особенностями жанра спортивного превью связаны результаты нашего исследования относительно соотношения прямой и косвенной оценки: более двух третей всех выявленных случаев оценки приходится на косвенную оценку, что помогает не только повысить степень воздействия на читателей, но и сделать текст более эффективным с рекламной точки зрения. Поскольку текст спортивного превью изначально планируется как вызывающий положительные эмоции, отрицательная оценка в данном жанре используется редко. Более того, если отрицательная характеристика и встречается в превью, отрицательная оценка, преимущественно, дается косвенно.

Что касается основных способов выражения оценочных смыслов, наиболее частотными оказались стилистические средства и оценка, реализуемая посредством контекста. Несколько реже встречается косвенная оценка через потенциально оценочную лексику и на уровне отбора фактов. Помимо этого, стоит отметить, что в целом русскоязычные тексты спортивных превью менее оценочны, чем аналогичные англоязычные материалы, что, вероятно, так же как и в случае с текстами спортивных новостей на сайте ФФКР и сайте ИСУ, обусловлено коммерческой составляющей, более важной для ИСУ.

Выводы к главе 3

Оценка как интенциональная категория текста выполняет множество разнообразных функций, таких как аксиологическая, эмоциональная, экспрессивная, функция воздействия и мн. др. Косвенная оценка, в свою

очередь, помимо функций, характерных для любых оценок, выполняет две особые функции: 1) функцию усиления речевого воздействия и 2) функцию снижения категоричности высказывания. Обе функции косвенной оценки в равной степени характерны для российского и британского спортивного медиадискурса.

Анализ речи спортивных комментаторов показал, что косвенная оценка, как правило, реализуется с помощью контекста, на уровне отбора фактов, с помощью потенциально оценочной лексики, стилистических и грамматических средств. Более того, способы реализации косвенной оценки в речи российских и британских комментаторов довольно сходны, а ключевые различия сводятся к процентному соотношению, отражающему частотность того или иного способа реализации косвенной оценки.

Способы реализации косвенной оценки в жанре спортивной новости менее разнообразны по сравнению с жанром спортивного комментария. Так, косвенная оценка в новостных текстах преимущественно выражается на уровне отбора фактов, с помощью потенциально оценочной лексики, с помощью лексических стилистических средств, причем в британском письменном спортивном медиадискурсе все три способа равнозначно частотны, тогда как в русскоязычных новостных текстах реализация косвенной оценки на уровне отбора фактов более распространена. Кроме того, новости на сайте ФФКР отличаются значительно меньшей степенью оценочности по сравнению с новостными текстами, размещенными на сайте ИСУ, что может быть связано с различными задачами этих двух организаций: основная задача ФФКР – информирование читателей о результатах прошедших соревнований. ИСУ, видимо, стремится не столько проинформировать, сколько заинтересовать массовую аудиторию, и, в перспективе, привлечь большую аудиторию потенциальных зрителей.

Важную роль оценка играет и в жанре спортивного превью, поскольку оценка – основа рекламной составляющей этого жанра, одна из целей которого – привлечение массовой аудитории. Значительная часть всех выявленных случаев оценки приходится на косвенную оценку, что

увеличивает степень воздействия на реципиента и делает текст более выигрышным с точки зрения «рекламирования» спортивного мероприятия. Стремление ИСУ привлечь значительную аудиторию читателей и зрителей, видимо, отразилось и на особенностях текстов спортивных превью, отличающихся значительно более выраженной оценочностью по сравнению с текстами на сайте ФФКР, предваряющими важные соревнования, что, однако, не означает низкой оценочности всех русскоязычных спортивных превью, а иллюстрирует склонность российских официальных источников к канцеляриту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антропоцентризм в парадигме современного знания обусловил особый интерес к тем категориям языка, которые непосредственно связаны с процессами познания, системой ценностей, убеждений и установок личности. Одним из наиболее важных факторов в описании особенностей взаимодействия человека и действительности является понятие оценки, так как данный феномен – онтологическое свойство человека. Именно поэтому оценочность неизменно притягивает внимание ученых в разных научных областях, но особый интерес для исследователей представляет изучение оценочности как лингвистической категории, поскольку позволяет рассмотреть оценку во всей многогранности ее проявлений.

Опираясь на исследования крупнейших современных лингвистов в области категории оценочности (Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, Н. И. Клушина, Т. В. Маркелова, В. А. Марьянчик, В. Н. Телия, Т. А. Трипольская, Дж. Мартин и П. Р. Уайт), непрямо́й коммуникации (В. В. Дементьев, А. П. Марюхин), спортивного медиадискурса (Б. А. Зильберт и А. Б. Зильберт, Е. Г. Малышева, О. А. Панкратова, К. В. Снятков), мы проанализировали наиболее дискуссионные вопросы, связанные с косвенной оценкой и ее функционированием в спортивном медиадискурсе.

Размытость понятия косвенной оценки обусловила необходимость разграничения терминов «эксплицитный» - «прямой», «имплицитный» - «косвенный». Так, в данной работе эксплицитность и имплицитность соотносятся с фактом наличия в единице языка скрытых смыслов, тогда как дихотомия прямого и косвенного связана со способом выражения этих смыслов. На основе проведенного анализа были определены три основные группы оценок: 1) эксплицитные прямые оценки (содержащие явные оценочные смыслы, выраженные обще- и частнооценочной лексикой); 2) эксплицитные косвенные оценки (содержащие явные оценочные смыслы, выраженные косвенно, например, с помощью потенциально оценочной лексики, вопросов, сопровождаемых ответом, сравнений и пр.); 3)

имплицитные оценки (содержащие скрытые оценочные смыслы, реализуемые посредством контекста, метафоры и пр.).

Анализ категории оценочности и ее взаимосвязи с субъективной модальностью, а также критика целесообразности выделения нейтральной оценки и деления оценок на рациональные и эмоциональные разновидности, были продиктованы необходимостью устранить методологические сложности выявления косвенной оценки в тексте. В результате анализа как теоретических работ, освещающих данные вопросы, так и эмпирического материала оценка была отграничена от категории субъективной модальности и была дефиницирована как особый вид субъективной модальности, в котором находит выражение положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к какому-либо фрагменту действительности, вызванное неким эмоциональным стимулом. Соотнесенность оценки с понятиями «хорошо» или «плохо» исключает возможность выделения нейтральной оценки и позволяет трактовать нейтральную оценку как отсутствие оценки вовсе. Нормативная оценка – термин, часто используемый как синоним нейтральной оценки – напротив, сохраняет актуальность в исследованиях категории оценочности, отражая соответствие объекта оценки нормам, правилам, канонам, не элиминируя при этом положительного или отрицательного отношения субъекта к подобному соответствию.

Необходимость деления оценок на рациональные и эмоциональные в зависимости от того, лежат ли в их основе обоснованные суждения или эмоции, применительно к косвенной оценке также вызывает сомнения. Связь рационального и эмоционального в оценке подобна связи объективного и субъективного в языке и речи, когда наличие одного компонента обуславливает наличие другого. Оценка – субъективное суждение, вызванное эмоциональной реакцией на объективные качества фрагмента мира и формируемое в результате рационального переосмысления этих качеств. Особое значение данные методологические уточнения приобретают в условиях исследования косвенной оценки: в случае отождествления оценочности и субъективной модальности, признания релевантности

нейтральной оценки и рациональной / эмоциональной оценки практически любой отрезок текста может считаться косвенно оценочным, что делает невозможной идентификацию косвенных оценочных высказываний.

Следующий этап исследования был посвящен созданию модели, позволяющей идентифицировать высказывание как косвенно оценочное или, наоборот, констатировать отсутствие в высказывании неявных оценочных смыслов. Проанализировав научные работы о структуре оценки, мы определили обязательные компоненты оценки: субъект оценки, объект оценки, основание оценки, оценочная шкала, авторская позиция, причем авторская позиция связана с эмоциональной реакцией на объект оценки, а шкала оценок подразумевает соотнесенность оценки с категориями «хорошо» и «плохо». Как следствие, в процессе идентификации косвенного оценочного высказывания необходимо ответить на следующие вопросы: 1. Возможно ли определить субъект и объект оценки? 2. Что именно и на каком основании оценивается в высказывании? 3. Соотносится ли высказывание с категориями «хорошо» и «плохо»? 4. Содержит ли высказывание авторскую эмоциональную реакцию на что-либо? Поскольку у любой оценки есть обязательные компоненты, верификация того, содержит ли высказывание косвенную оценку, возможна при идентификации всех необходимых составляющих оценочной ситуации.

Еще одним важным аспектом настоящего исследования стало выявление факторов, обуславливающих адекватную интерпретацию косвенной оценки. Идея о том, что говорится всегда меньше того, что подразумевается, не нова, однако ответ на вопрос «Что именно подразумевается?» нередко ставит в тупик как самих участников коммуникации, так и лингвистов. В качестве основных условий правильной интерпретации косвенно выраженных оценочных смыслов были рассмотрены контекст и фоновые знания. Исследование различных классификаций контекста показало, что для корректного понимания косвенной оценки важно учитывать языковое окружение интерпретируемой единицы (узкий и широкий контекст), а также внеязыковую информацию о

ситуации общения (экстралингвистический контекст). В результате анализа конкретных примеров косвенной оценки была выявлена связь между разновидностью оценки и превалирующим типом контекста, обеспечивающим распознавание интенций субъекта оценки. Так, имплицитные оценки, всегда косвенные по природе, требуют не только широкого, но и экстралингвистического контекста. Эксплицитные косвенные оценки, в свою очередь, интерпретируются, преимущественно, за счет широкого контекста. Для интерпретации эксплицитных прямых оценок (хотя и не являющихся предметом данного исследования, но, тем не менее, анализируемых наравне с косвенными оценками) может быть достаточно и узкого контекста. При том, что один из типов контекста, как правило, выступает как основополагающий фактор декодирования оценочных смыслов, полноценный процесс интерпретации возможен только при условии комплексного взаимодействия всех видов контекста.

В ходе исследования процесса интерпретации косвенной оценки была также проанализирована вспомогательная роль фоновых знаний как фонда знаний о внеязыковой действительности. Были рассмотрены и разграничены такие смежные с фоновыми знаниями понятия, как «пресуппозиция», «экстралингвистический контекст», «вертикальный контекст», «когнитивный контекст». Обозначая невербальный компонент коммуникации, необходимый для адекватного восприятия транслируемых смыслов, данные термины отличаются различным объемом и типом заключенной в них невербальной информации. Когнитивный контекст, во многом пересекаясь с понятием фоновых знаний, в том числе подразумевает когнитивные механизмы, позволяющие активировать информацию о внеязыковой действительности. Термин «вертикальный контекст» акцентирует внимание исследователей на социально-исторических аспектах текста, а также на его интертекстуальных характеристиках. Пресуппозиции трактуются шире, чем фоновые знания, поскольку включают информацию не только об окружающем мире, но и о системе языка и других фактах языковой действительности. Наконец, экстралингвистический контекст не равнозначен фоновым знаниям, так как

объем содержащейся в нем невербальной информации ограничен ситуацией общения. Фоновые знания, в отличие от контекста, не являются главной «опорой» адекватной интерпретации, но способствуют вскрытию глубинных смыслов высказывания и в целом облегчают и ускоряют процесс интерпретации косвенных оценок.

Определение критериев выделения косвенных оценочных высказываний и факторов, обеспечивающих их адекватную интерпретацию, позволило нам перейти собственно к интерпретации и анализу косвенных оценок в спортивном медиадискурсе – институциональном типе дискурса, сохраняющем все основные характеристики спортивного дискурса (актанты, хронотоп, ценности и пр.), но реализуемом через СМИ, и, в связи с этим, перенимающем многие черты массмедийного дискурса (журналист как посредник между социальным институтом и массовой аудиторией, стремление повлиять на общественное мнение, значимость развлекательной функции). Реализация косвенной оценки в речи была рассмотрена на материале трех жанров спортивного медиадискурса: спортивного комментария и спортивной новости, относящимся к ядерной зоне спортивного медиадискурса, а также спортивного превью – жанра, принадлежащего окооядерной зоне спортивного медиадискурса.

Как показал анализ, косвенная оценка в спортивном медиадискурсе выполняет две основные функции: 1) усиление экспрессивности оценки (как правило, положительной) и, как следствие, усиление речевого воздействия; 2) снижение категоричности высказывания (как правило, содержащего отрицательную оценку), что связано с журналистской этикой. В результате исследования было установлено, что основными инструментами выражения косвенной оценки в российском и британском спортивном медиадискурсе являются потенциально оценочная лексика, стилистические и грамматические средства, целенаправленный отбор фактов и контекст (в тех случаях, когда оценка выводится исключительно за счет контекста). Глобальных различий между способами реализации косвенной оценки в речи российских и британских спортивных комментаторов обнаружено не было.

Все выявленные различия преимущественно связаны с разницей в грамматическом устройстве двух языков. Анализ косвенной оценки в жанре спортивной новости и спортивного превью показал бóльшую оценочность англоязычных материалов, размещенных в официальных источниках, по сравнению с аналогичными русскоязычными текстами, что, вероятно, связано с общей склонностью российских официальных источников к канцеляриту и с задачей англоязычных текстов привлечь как можно больше потенциальных зрителей спортивных мероприятий.

Перспективы исследования. В продолжение данного исследования представляется интересной разработка точного метода изучения степени интенсивности оценки, возможно, с привлечением психолингвистического эксперимента, метода наведения сем и анализа иррадиации оценочности в контексте. Научный интерес представляют также сравнительные исследования тенденций в рамках эксплицитных косвенных и имплицитных оценок на материале других дискурсов и, соответственно, речевых жанров. Наконец, заслуживают внимания прагматическая составляющая оценки и способы ее реализации: слабоизученной, например, остается роль дискурсивных маркеров при передаче оценочных смыслов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Абашова О. Ю. К проблеме передачи имплицитных модальных значений в процессе перевода // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 175–180.
- 2.Акимова И. И. Способы выражения имплицитной информации художественного дискурса (на материале произведений В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1997. – 20 с.
- 3.Александрова Е. Н. Речевая коммуникация в рамках ситуации (на материале спортивного телерепортажа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2011. – 26 с.
- 4.Алексеев Е. Г. Звучащий спортивный репортаж как жанр // Огарёв-Online. – 2017. – 10 (99). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvuchaschiy-sportivnyu-reportazh-kak-zhanr>. – (Дата обращения: 12.01.2018).
- 5.Алефиренко Н. Ф. Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. – Саратов: Наука, 2007. – № 5: Жанр и культура. – С. 44–55.
- 6.Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- 7.Алпатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – № 3. – С. 92–104.
- 8.Алферова Н. С. Особенности дискурса «авторитарного» типа языковой личности в эмоциональной ситуации «гнев» // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 3 (39). – С. 6–10.
- 9.Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
- 10.Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – № 1. – Т. 32. – С. 84–89.
- 11.Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.

12. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
13. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
14. Арутюнова Н. Д. Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 896 с.
15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
16. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. Вертикальный контекст как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.
17. Бабкина Т. И. Типология сем на примере лексико-семантической группы «Путешествие» // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (9): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 28–32.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.
19. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
20. Барышева А. И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8 (50): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 18 – 20.
21. Бастун Е. В. К вопросу о роли пресуппозиций в политическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 1(30). С. 163–166.
22. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
23. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. – М.: Рус. слов., 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
24. Белоглазова Е. В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2009. – № 3. – С. 66–71.

- 25.Белютин Р. В. Семантические принципы организации спортивного дискурса (на материале немецкого языка) // Вестник полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 74–80.
- 26.Бессчастлиная А. М., Горшкова В. Е. Документальный фильм-расследование: манипуляция или беспристрастность // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 6: Журналистика. – С. 92–103.
- 27.Бобырева Н. Н. Специальные эпонимы в письменных жанрах спортивного дискурса // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань, 2016. – № 1 (43). – С. 24–29.
- 28.Борисова Е. Г. О способах извлечения имплицитной информации // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. – М., 2006. – С. 113–122.
- 29.Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
- 30.Брентано Ф. Избранные работы. – М., 1996. – 176 с.
- 31.Будниченко Л. А. Суггестивное воздействие в публицистическом дискурсе // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 206–211.
- 32.Валгина Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
- 33.Васильев Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке / отв. ред. Р.М. Гайсина. – Уфа: БГУ, 1996. – С. 55–62.
- 34.Вербицкий А. А., Калашников В. Г. Контекст как психологическая категория // Вопросы психологии. – 2011. – № 6. – С. 3–15.
- 35.Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 248 с.
- 36.Виноградов С. И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 281.–317.
- 37.Вишнякова О. Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – № 1. – С. 17–27.

- 38.Власян Г. Р., Петрова Е. М. Средства реализации лингвистического хеджирования в разговорном дискурсе // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2019. – № 2 (35). – С. 44–50.
- 39.Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УССР, 2006. – 280 с.
- 40.Вригт фон Г. Х. Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – 595 с.
- 41.Вэньчун Л. Матричные устойчивые структуры в современном спортивном дискурсе // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого». – Тула, 2015. – С. 155–159.
- 42.Гаврилов А. А. Лингвистические средства воздействия СМИ на общественное сознание // Омский научный вестник, 2013. – № 1. – С. 99–103.
- 43.Галич Т. С. Контекстуальное взаимодействие в дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 3. – С. 188–192.
- 44.Гаранина О. С. Принцип диалогичности в современных газетных текстах // Молодой ученый. – 2018. – № 31 (217). – С. 110–114.
- 45.Гаспарян О. Т. Коммуникативная стратегия рекламного текста: информационная и манипулятивная составляющая // МедиаАльманах. – 2016. – № 1 (72). – С. 70–78.
- 46.Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 149–155.
- 47.Гоготишвили Л. А. Непрямое говорение. – М.: Языки славянских культур. – 2006. – 720 с.
- 48.Голованова Д. А. Об импликациях, эксплицитности и имплицитности в лингвопрагматическом аспекте // Электронный научный журнал. – 2016. –

- № 6 (9). – С. 144–149. – [Электронный ресурс]. – DOI: 10.18534/enj.2016.06.144 <http://co2b.ru/docs/enj.2016.06.pdf>. – (Дата обращения: 10.09.2019).
49. Головня М. В. Средства выражения нейтральной оценки (на примере произведений А. Т. Твардовского // Вестник МГОУ. – М., 2010. – № 1. – С. 62–65.
50. Голоднов А. В. Специфика реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 2 (5). – С. 122–134.
51. Горина О. Г., Храброва В. Е. Лингвистический хеджинг как коммуникативная структура (в русле корпусных исследований) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 44–53.
52. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 92–104.
53. Гордиевский А. А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2006. – 19 с.
54. Гудков Д. Б. Спортивный комментарий как зеркало речевой революции // Мир рус. слова. – СПб., 2010. – № 2. – С. 64–68.
55. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 398 с.
56. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
57. Гутцайт Р. Л. Спортивное комментирование и его роль в телевизионной медиатизации (на примере спутниковой телекомпании «НТВ-Плюс»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2012. – 19 с.

58. Данилевская Н. В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009а. – № 3. – С. 18–22.
59. Данилевская Н. В. // Оценка как выбор познавательного действия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009б. – № 6. – С. 25–30.
60. Данилов С. Ю. О канонах внутрижанровой интеракции (на материале речевого жанра «проработка») // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – № 3. – С. 214–226.
61. Данилова С. А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсивная гетерогенность // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 316–320. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/65134.htm>. – (Дата обращения: 02.02.2020).
62. Дементьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – № 3. – С. 18–40.
63. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 560 с.
64. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
65. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: Уч. пособие. – Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1998. – 107 с.
66. Демьянков В. З. О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Материалы международной научной конференции 15 – 17 сентября 2005 г. – Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2006. – С. 34–52.
67. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32–43.

68. Дзялошинский И. М. Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа / Гуманитарный вектор. Сер. Филология, востоковедение. – 2014. – № 4 (40). – С. 74–83.
69. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: монография. – М.: УРСС Эдиториал, 2005. – С. 288.
70. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: вчера, сегодня, завтра // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: Международный научный семинар: сборник науч. работ. – Белгород, 2014. – С. 8–17.
71. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. – Саратов, 1999. – № 2. – С. 7–13.
72. Долинин К. А. Интерпретация текста: французский язык. – М.: КомКнига, 2005. – 304 с.
73. Дубровская Т. В. Субъект отрицательной оценки в дискурсе печатных масс-медиа // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: Сев.-Кавказ. федерал. ун-т, 2013. – № 11. – С. 248–256.
74. Дускаева, Л. Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/stylistic/Jazkovo-stilisticheskie-izmenenija-v-sovremennh-smi-165.html>. – (Дата обращения: 07.11.2018).
75. Емельянова Ю. И., Михайлова Е. Н. Рациональная и эмоциональная оценки в научном лингвистическом дискурсе // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2-3. – С. 53–55.
76. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – Саратов, 2010. – 46 с.
77. Ефанова Л. Г. Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 101–106.

78. Жаркова У. А. К проблеме интердискурсивности типа текста «спортивный анонс» (на материале немецкоязычных текстов) // Вестник НВГУ. – 2014. – № 14. С. 21–29.
79. Зайнуллина Л. М. Некоторые аспекты исследования эмоций // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 486–491.
80. Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – № 17. – С. 45–55.
81. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – № 19. – С. 103–112.
82. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. – М.: URSS, 2009. – 352 с.
83. Зубчинский И. В. Спортивный дискурс и средства массовой информации // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – № 1. – С. 44–45.
84. Иванкова И. В. Реализация категории имплицитности в современном художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2007. – 21 с.
85. Иванова Ю. М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // Respectus Philologicus. – Вильнюс, 2004. – № 5 (10). – С. 29–41.
86. Ивин А. А. Основания логики оценок. – М.: МГУ, 1970. – 230 с.
87. Иерусалимская А. О. Интертекстуальность vs интердискурсивность как сложившийся дискурс // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 104–111.
88. Исаева Л. А., Казарина Н. Б. Спортивный дискурс: дискретизация континуума // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 2. – С. 188–191.

- 89.Истрате П. Лингвостилистические и риторические особенности спортивного репортажа как жанра СМИ: на материале футбольного репортажа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2006. – 22 с.
- 90.Казеннова О. А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе (на материале спортивных репортажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2009. – 25 с.
- 91.Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – 228 с.
- 92.Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 93.Карасик В. И., Бейлинсон Л. С. Речевой жанр и речевое действие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 1. – С. 123–126.
- 94.Касаткин С. С. Особенности работы СМИ в советский и постсоветский периоды // Вестник РГГУ. – 2013. – № 2. – С. 67–73.
- 95.Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 142–152.
- 96.Катина Н. А. Функциональная специфика дискурсивных маркеров «речевое отгораживание» // Преподаватель XXI век. – М., 2012. – № 3. – Ч. 2. – С. 324–328.
- 97.Качанов Д. Г., Шестерина А. М. Понятие спортивного телевизионного дискурса // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 97–99.
- 98.Кессиди Ф. Х. Сократ. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.
- 99.Ким М. Н. Новостная журналистика. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. – 352 с.
- 100.Кислицына Н. Н., Новикова Е. А. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2 (26). – С. 28–35.

- 101.Киуру К. В. Типология информационных поводов в спортивной журналистике // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 88–91.
- 102.Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10. – М., 2008. – 57 с.
- 103.Клушина Н. И. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности // Мир русского слова. – 2010. – № 2. – С. 25–29.
- 104.Клушина Н. И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 55–60.
- 105.Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С. 96–104.
- 106.Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М., 1980. – 154 с.
- 107.Комарова Л. И. Общие фоновые знания автора и читателя как условие понимания текста // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (82). – С. 181–187.
- 108.Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М., 1990. – 253 с.
- 109.Коньков В. И. Очерк в системе газетных жанров // Труды кафедры стилистики русского языка. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – № 3. – С. 51–59.
- 110.Корниенко Е. Р. Дискурс как когнитивный механизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. – 2019. – № 4. – С. 379–383.
- 111.Косякин И. В. Типология языковой личности телевизионного спортивного комментатора: коммуникативно-прагматический аспект: автореф... дис. канд. филол. наук: 10.01.10. – Воронеж, 2014. – 22 с.
- 112.Кошман Ю. И. Прагматическое содержание прямых и косвенных оценочных высказываний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 4 (46). – С. 111–113.
- 113.Кравец А. С. Структура смысла: от слова к предложению // Вестник ВГУ. Сер. 1: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 60–84.

114. Крылов Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования 2017. – № 2 (15). – С. 50–52.
115. Кудрин С. А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2011. – 212 с.
116. Кукля Е. Г., Соловьева Н. В. Оценка в современном лингвистическом тексте: характер, типы, виды, средства объективации и функции // Наука о человеке. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2017. – С. 62–68.
117. Кулешов А. В. Ценность бытия и парадигмы аксиологии // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 108. – С. 98–102.
118. Куликова Е. В. Языковая специфика рекламного дискурса // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 197–205.
119. Ласкова М. В., Егорова С. А. Реализация спортивного дискурса в коммуникативном пространстве масс-медиа: лингвопрагматические особенности // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 6. – С. 124–134.
120. Лаухина А. В. Некоторые заметки о категории оценки в современном русском языке // Вестник МГОУ. – 2009. – № 1. – С. 112–115.
121. Леонтьев А. А. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл: академия. – 2010. – 509 с.
122. Лигостаева Н. Д. Спорт в дискурсах информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 10(84): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 104–106.
123. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html>. – (Дата обращения: 26.06.2020).

124. Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой. – Ростов-на Дону: Из-во Ростовского ун-та, 1992. – 152 с.
125. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14. – № 9: Филология. – С. 183–201.
126. Лягунова С. В. О лексико-стилистических особенностях в жанре спортивного комментария // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Филологические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 3. – С. 111–123.
127. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
128. Малышкин К. Ю., Никитина Л. Б. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // Омский научный вестник. – 2014. № 5 (132). – С. 108–110.
129. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1998. – 200 с.
130. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.
131. Макурова С. Р. Имплицитность, подтекст и лексико-морфологические категории // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – № 3. – С. 69–75.
132. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. – М.: Флинта, 2011. – 410 с.
133. Манаенко Г. Н. Событие – факт – оценка // Язык. Текст. Дискурс. – 2014. – № 12 (1). – С. 64–73.
134. Манаенко Г. Н. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен и его структура // Актуальные проблемы стилистики. – 2017. – № 3. – С. 108–114.
135. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: учебное пособие. – М.: МПУ, 1993. – 125 с.

- 136.Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки: сб. статей. – М.: Филологические науки, 1995. – № 3. – С. 67–79.
- 137.Мартемьянова С. С. Интерпретация медиатекста как инструмент имплицитного убеждения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 3. – С. 73–77.
- 138.Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск, 2011а. – № 1. – С. 100–103.
- 139.Марьянчик В. А. Связь эмоционального и субъективного в структуре оценки // Мир русского слова. – 2011б. – № 3. – С. 38–43.
- 140.Марьянчик В. А. Оценочный вектор как инструментальная категория и компонент аксиологической структуры текста // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 39.–43.
- 141.Марюхин А. П. «Hedging (Heske)» – новая семантическая категория? // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: СО РАН, 2008. – № 4. – С. 200–204.
- 142.Марюхин А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2010. – 24 с.
- 143.Мидова Е. О. Косвенность речевого акта в современной лингвистической прагматике // Пушкинские чтения – 2013: материалы XVIII международной научной конференции. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. – 2013. – С. 340–346.
- 144.Милосердова Е. В. Прагматика речевого общения: учеб. пособие. – Тамбов, 2001. – 122 с.
- 145.Минемуллина А. Р. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Киров, 2015. – 24 с.

- 146.Мирошников Ю. И. Ценностное сознание и его структура // Научный ежегодник Института философии и права. – Уральск, 2003. – № 4. – С. 66–83.
- 147.Могилевская Э. В. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипуляции // Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2006. – № 5-6 (60-61). – С. 40–47.
- 148.Москвин В. П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи. – Саратов, 2005. – № 4. – С. 63–75.
- 149.Мощанская Е. Ю. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета: Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь: Издательство ПНИПУ, 2014. – № 9. – С. 29–36.
- 150.Нефедов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.
- 151.Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia linguistica*. – СПб.: Тригон, 2000. – № 9. – С. 6–22.
- 152.Никитина Э. Г. Особенности спортивного дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 7. – С. 75–78.
- 153.Новикова Е. А. Лингво-когнитивные аспекты спортивного интервью (на материале англоязычной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов.: Грамота, 2018. – № 5 (83). – Ч. 2. – С. 366–370.
- 154.Нугуманова Л. А. Коммуникативно-прагматический аспект формирования телевизионного дискурса (на материале интерактивных ток-шоу регионального телевидения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Уфа, 2014. – 23 с.

- 155.Окорокова О. А. Хеджирование как метод регулирования валютных рисков // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2017. – № 06 (130). – С. 799 – 809. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/06/pdf/56.pdf>. – (Дата обращения 23.04.2020). – (Дата обращения: 22.01.2019).
- 156.Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. 10.02.19. – Челябинск, 2009. – 43 с.
- 157.Омуралиева А. И. Жанры аналитической публицистики // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – № 3. – С. 76–80.
- 158.Павлова Н. Д. Интенциональные основания вербальной коммуникации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2004. – № 3. – С. 187–198.
- 159.Панкратова О. А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2005. – 223 с.
- 160.Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2005. – 48 с.
- 161.Пастухова О. Д. Способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 95–100.
- 162.Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. – М.: Издательский дом «Дело», 2016. – 472 с.
- 163.Петрова Е. М. Различные подходы к определению понятия «хеджирование» в лингвистике // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сборник научных статей. – Челябинск: Энциклопедия, 2019. – С. 111–116.

- 164.Полуйкова С. Ю. Средства суггестивного речевого воздействия в современном просветительском послании // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 3 (19). – С. 45–50.
- 165.Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
- 166.Попова Т. И. Актуальные направления исследования медийного интернет-пространства // Медиалингвистика. – СПб., 2018. – № 5 (3). – С. 258–272.
- 167.Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 6 (2). – С. 295–300.
- 168.Прокопчик О. Д. О рациональной и эмоциональной оценке // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 3. – Т. 1. – С. 149–153.
- 169.Прокофьев Г. В. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5 (133). – С. 77.
- 170.Пром Н. А. Спортивный репортаж как речевой жанр газетно-публицистического стиля. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (2). – С. 96–101.
- 171.Пром Н. А. Стилистические отступления от языкового стандарта СМИ в текстах современного газетного спортивного репортажа // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 2. – С. 89–93.
- 172.Пушкин А. А. Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Чебоксары, 1992. – 16 с.
- 173.Рабенко Т. Г. Благодарность: модель речевого общения и языковые средства ее реализации // Труды по когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2008. – № 10. – С. 548–554.
- 174.Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в её преодолении: коллект. монография / под ред.

- М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – 188 с.
175. Романов А. А. Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами // Homo mendax: игра с личностью или игра со смыслами. – Тверь: Золотая буква, ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2004. – С. 3–36.
176. Руцкая Е. А., Звягина В. В. Некатегоричность в научных статьях технической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 12 (90). – Ч. 2. – С. 371–375.
177. Рюкова А. Р., Филимонова Е. А. Языковые способы реализации персуазивности // Вестн. Башкир. ун-та. – 2016. – С. 431–435.
178. Садовская Е. С. Лингвокоммуникативная характеристика жанра «литературно-критическая колонка» в немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – 186 с.
179. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Изд-во Перм. ун-та: 2002. – 236 с.
180. Салтыкова А. А. Имплицитная аксиологическая модальность в текстах СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2014. – 163 с.
181. Сальникова Ю. А. Формирование имплицитной оценочной ситуации в американском газетном дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 86. – С. 231–238.
182. Самигуллина А. С., Федорова А. Л. Прямая и косвенная оценка: все дело в эмоциональности // Вестник ОГУ. – Оренбург, 2004. – № 12 (37). – С. 4–9.
183. Самылина Е. В. Оценочность, эмоциональность, экспрессивность и стилевая принадлежность русских и английских процессуальных фразеологизмов со значением физической деятельности и физического

- состояния // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2011. – № 2 (8). – С. 124–130.
- 184.Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. – Саратов, 2002. – № 3. – С. 40–52.
- 185.Седых А. П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 15. – С. 51–56.
- 186.Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – № 17. – 195 с.
- 187.Скоробогач Н. Ю. Глаголы, актуализирующие семантику модальности сомнения, в текстах англоязычного публицистического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – № 5. – С. 224–229.
- 188.Скорородова Е. Ю. Динамика речевых форм в современных текстах средств массовой информации: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. – М., 2008. – 34 с.
- 189.Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным значением: системный и функциональный аспекты: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Смоленск, 2013. – 609 с.
- 190.Снятков К. В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Череповец, 2008. – 245 с.
- 191.Солганик Г. Я. Формат и жанр как термины // Вестник Московского университета. Сер. 10 Журналистика. – 2010. – № 6. – С. 22–24.
- 192.Солнцева Е. С. Журнальный репортаж в современном медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2015. – 22 с.
- 193.Солодилова И. А. Контекстуальная оценка: процессы смыслообразования // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер.: Концептуальный и лингвальный миры. – СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 212–221.

- 194.Солодовникова А. Н. Основные способы воздействия в социальной рекламе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 13–17.
- 195.Социальная политика: энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. А. Волгина. – М.: Академический Проект; Трикста, 2005. – 688 с.
- 196.Телицына Е. Л. К вопросу о разграничении понятий эмоциональность, оценочность и экспрессивность // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 79–83.
- 197.Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 144 с.
- 198.Темиргазина З. К. Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке. – М.: Флинта, 2015. – 247 с.
- 199.Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 262 с.
- 200.Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. – М.: «Гендальф», 1998. – 254 с.
- 201.Тихонова М. А. Оценочная лексика русского языка: проблемы лексикографирования // Вестник Московского государственного университета печати. – 2015. – № 2. – С. 352–358.
- 202.Токарь Э. К. Средства косвенной оценки в политическом дискурсе конца XX-начала XXI вв.: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2008. – 19 с.
- 203.Толковый словарь русского языка под редакцией Н. Д. Ушакова. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru>. – (Дата обращения: 12.03.2019).
- 204.Томахин Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 4. – С. 84.–87.
- 205.Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 165 с.

206. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная лексика в свете антропоцентрических исследований // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 187–197.
207. Трубченинова А. А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2006. – 28 с.
208. Трусова А. Ю. Средства снижения категоричности оценки в современном английском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 – Нижний Новгород, 2003. – 223 с.
209. Турлыгин И. Д. Репортаж как жанр спортивного дискурса // Студент и наука (гуманитарный цикл). – 2019: материалы международной студенческой научно-практической конференции. Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. – 2019. – С. 843–845.
210. Тырыгина В. А. Восемь признаков жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Орёл: ОГГИК, 2008. – № 6. – С. 90–94.
211. Тюрина С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник ИГЭУ. – 2009. – № 1. – С. 75–77.
212. Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. – М.: РГГУ, 2012. – 344 с.
213. Федотова Н. А. Рекреативные функции в системе функций СМИ: теория и концепции // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2011. – № 1 (7). – С. 52–58.
214. Филимонова Е. П. Языковая личность спортивного комментатора в дискурсивном пространстве СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – № 1 (192). – С. 115–119.
215. Худяков И. Н. Об эмоционально-оценочной лексике // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 1980. – 145 с.

- 216.Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. – М., 2004. – 382 с.
- 217.Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 1996. – № 6. – С. 42–54.
- 218.Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил. – Белград, 2007. – № 6. – С. 11–26.
- 219.Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М.: Флинта, 2013. – 203 с.
- 220.Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. – М.: УРСС, 2014. – 232 с.
- 221.Чубарова Ю. Е., Юткина С. В. Персуазивность и суггестивность как различные способы языкового воздействия // Вестник Мордовского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 169–170.
- 222.Шапочникова Л. В. Идея микрокосма в философии Г. Лотце // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2005. – № 2. – С. 59–65.
- 223.Шарикова Ф. Н., Орлова Э. А. Спортивный дискурс и его жанры // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2017. – № 1. – С. 338–342.
- 224.Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: «Гнозис», 2008. – 416 с.
- 225.Шевелева Г. И. Метафора как средство создания образности в текстах оригинала и перевода // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – № 10. – С. 222–230.
- 226.Шевченко В. Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2011. – 40 с.
- 227.Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. – Саратов, 2002. – № 3. – С. 205 – 214.

- 228.Шершнева Ю. С. Жанры спортивной журналистики: современные тенденции // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2016. – № 3 (7). – С. 1–5.
- 229.Шилихина К. М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 121–127.
- 230.Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 304 с.
- 231.Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. – 2018. – № 3 (19). – С. 218–225.
- 232.Ширяев Е. Н. О способах обнаружения имплицитного смысла // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. – Красноярск, 1986. – С. 61–62.
- 233.Ширяев Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 132–147.
- 234.Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов, 1997. – № 2. – С. 88–98.
- 235.Шмелева Т. В. Жанры в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. ст. Памяти К. Ф. Седова. – Саратов; М.: Изд-во «Лабиринт», 2012. – № 8. – С. 26–37.
- 236.Щербатых Е. Ю. Категоричность оценки и ее снижение в текстах современных англоязычных интервью // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 12 (67). – С. 150–154.
- 237.Щипицына А. А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – № 2 (22). – С. 93–98.
- 238.Яхина А. М. Особенности оценки как аксиологического и лингвистического понятия на фразеологическом уровне // Приволжский научный вестник. – Ижевск, 2014. – № 1. – С. 62–67.

239. Alemi M., Ashkan L., Arash N. Persuasion in Political Discourse: Barak Obama's Presidential Speeches against ISIS // *Russian Journal of Linguistics*. – 2018. – № 22 (2). – Pp. 278–291.
240. Allen G. *Intertextuality*. – London: Routledge: 2000. – 252 p.
241. Augendre S., Kupść A., Boyé G., Mathon C. Live TV Sports Commentaries: Specific Syntactic Structures and General Constraints. – In: *The Grammar of Genres and Styles: From Discrete to Non-Discrete Units*. – 2018. – Pp. 194–218.
242. Bednarek M. Dimensions of Evaluation: Cognitive and Linguistic Perspectives // *Pragmatics & Cognition*. – 2009. – № 17 (1). – Pp. 146–175.
243. Bednarek M. Polyphony in Appraisal: Typological and Topological Perspectives // *Linguistics and the Human Sciences*. – 2010. – № 3 (2). – Pp. 107–136.
244. Bhatia V. K. *Applied Genre Analysis: a Multi-Perspective Model* // *Ibérica*. – 2002. – № 4. – Pp. 3–19.
245. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. – Pearson Education Limited, 1999. – 1204 p.
246. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. – Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation: 1989. – 196 p.
247. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge, 1987: Cambridge University Press. – 360 p.
248. Bullo S. *Evaluation in Advertising Reception: A Social-Cognitive and Linguistic Perspective*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – 207 p.
249. Bullo S. Investigating Intertextuality and Interdiscursivity in Evaluation: the Case of Conceptual Blending // *Language and Cognition*. – 2017. – № 9 (4). – Pp. 709–727.
250. Caldwell D., Walsh J., Vine E. W., Jureidini J. (eds.). *The Discourse of Sport: Analyses from Social Linguistics*. – London: Routledge, 2017. – 240 p.
251. Cambridge Dictionary. – [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. – (Access date: 14.08.2020).
252. Cameron D. *Working with Spoken Discourse*. – London: Sage, 2001. – 216 p.

253. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. – In: Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / Ed. by Chafe W., Nichols J. – Norwood, 1986. – Pp. 261–272.
254. Conboy M. British Popular Newspaper Traditions: from the Nineteenth Century to the First Tabloid. – In: Diachronic developments in English news discourse / Ed. by Palander-Collin M., Ratia M. – Taavitsainen I/John Benjamins Publishing Company, 2017. – Pp. 241–265.
255. Crismore A., Kopple V. Rhetorical Contexts and Hedges // Rhetoric Society Quarterly. – Berlin, New York, 1990. – № 20 (1). – Pp. 49–59.
256. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 p.
257. Darian S. Hypotheses in Introductory Science Texts // IRAL, 1995. – № 33 (2). – Pp. 83–108.
258. Dienes Z., Perner J. A Theory of Implicit and Explicit Knowledge // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – № 22 (5). – Pp. 735–755.
259. Drasovean A., Tagg, C. Evaluative Language and Its Solidarity-Building Role on TED.com: An Appraisal and Corpus Analysis // Language@Internet. – 2015. – 12. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2015/drasovean>. – (Access date: 23.09.2019).
260. Farr F., Murphy B., O’Keeffe A. The Limerick Corpus of Irish English: Design, Description and Application. – In: Corpora, Varieties and the Language Classroom / Ed. by F. Farr, A. O’Keeffe. – Special Edition of Teanga 21: Dublin, IRAAL, 2004. – Pp. 5–29.
261. Gray B., Biber D. Lexical Frames in Academic Prose and Conversation. Current Issues in Phraseology // Benjamins Current Topics. – 2015. – Vol. 74. – Pp. 109–134.
262. Grice P. Intention and Uncertainty // Proceedings of the British Academy. – 1971. – Pp. 263–279.
263. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York, 1969: Anchor. – 219 p.

- 264.Hanks W. F. Dialogic Conversions and the Field of Missionary Discourse in Colonial Yucatan. – In: *Les Rituels du Dialogue*. / Ed. by A. Monod Becquelin, P. Erikson. – Nanterre: Société d’Ethnologie, 2000. – Pp. 235–254.
- 265.Heaton H. E. Media Influence on Implicit and Explicit Language Attitudes (PhD Dissertation). – 2018. – [Electronic Resource]. – URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/146019/heheaton_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – (Access date: 03.05.2020).
- 266.Hoek J., Zufferey S. Cognitive Factors Affecting the Explicit vs. Implicit Communication of Discourse Relations across Languages. – 2015. – [Electronic Resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/273767568_Factors_influencing_the_implicitation_of_discourse_relations_across_languages. – (Access date: 18.02.2020).
- 267.Hübler A. Understatements and Hedges in English // *Pragmatics and Beyond*. – 1983. – Vol. 4. – № 6. – 192 p.
- 268.Hyland K. Hedging in Scientific Research Articles. *Pragmatics and Beyond*. – Amsterdam, Philadelphia, 1998. – 308 p.
- 269.Hyland K. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Studies*. – 2005. – Vol. 7. – № 2. – Pp. 173–192.
- 270.Indah D. R. The Indirect Speech Acts of College and University Students’ Meant Intentions in Social Media Communication // *Proceedings of the Eleventh Conference on Applied Linguistics (CONAPLIN 2018)*, 2019. – [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.2991/conaplin-18.2019..> – (Access date: 12.01.2018).
- 271.Jianguo W. Understanding Interdiscursivity: A Pragmatic Model // *Journal of Cambridge Studies*. – 2011. – № 6 (95) – [Electronic resource]. – URL: <http://www.journal.acs-cam.org.uk/data/archive/2011/201123-article8.pdf>. – (Access date: 27.12.2019).
- 272.Knight D., Adolphs S., Carter R. Formality in Digital Discourse: A Study of Hedging in CANELC. – In: *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics: New Domains and Methodologies* / Ed. by J. Romero-Trillo, S. I. Springer. – Netherlands, 2013. – Pp. 131–152.

- 273.Koskela M. Same, Same, but Different: Intertextual and Interdiscursive Features of Communication Strategy Texts // *Discourse & Communication*,. – 2013. – Vol. 7. – № 4. – Pp. 389–407.
- 274.Lachowicz D. On the Use of the Passive Voice for Objectivity, Author Responsibility and Hedging in EST // *Science of Science*. – 1981. – № 2 (6). – Pp. 105–115.
- 275.Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. – In: *Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics* / Ed. by Hockney D., Harper W., Freed B. – 1975. – Pp. 221–271.
- 276.Lakoff R. Identity à la Carte: You are What You Eat. – *Discourse and Identity* / Ed. by A. DeFina, D. Schiffrin. – Bamberg, Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 142–165.
- 277.Lehnert T., Krolak-Schwerdt S., Hörstermann T. Explicit and Implicit Speaker Evaluations and Their Differential Attitudinal Determinants // *Language sciences*, 2018. – [Electronic resource]. – DOI: 10.1016/j.langsci.2018.06.005
- 278.Lewandowski M. The Language of Online Sports Commentary in a Comparative Perspective // *Lingua Posnaniensis*. – 2012. – Vol. 54. – № 1 (65) – [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.2478/v10122-012-0006-0>. – (Access date: 12.03.2020).
- 279.Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – URL: <https://www.ldoceonline.com>. – (Access date: 14.12.2020).
- 280.Macken-Horarik M. Appraisal and the Special Instructiveness of Narrative. – In: *Negotiating Heteroglossia: Social Perspectives on Evaluation (Special Issue of TEXT)* / Ed. by M. Macken-Horarik, J. R. Martin. – 2003. – № 23 (2). – Pp. 285–312.
- 281.Martin J. R., White P. R. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – Pp. 278.
- 282.Morse M. Sport on Television: Replay and Display. – In: *Regarding Television: Critical Approaches* / Ed. by A. Kaplan. – Los Angeles: American Film Institute. – 1983. – 474 p.

283. Mustajoki A. Title Risks of Miscommunication in Various Speech Genres. – In: Understanding by Communication. – Cambridge Scholars Publishing. Cambridge, 2013. – Pp. 33–53.
284. Nikula T. Interlanguage View on Hedging. – In: Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / Ed. by R. Markkanen., H. Schröder – Berlin: de Gruyter, 1997. – Pp. 188–207.
285. O’Keeffe A., McCarthy M., Carter R. From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. Cambridge Uni. Press, 2007. – 315 p.
286. Palmer F. R. Modality and the English Modals. – London: Longman: 1979. – 256 p.
287. Phillips N., Lawrence T. B., Hardy C. Discourse and Institutions // Academy of Management Review. – 2004. – № 29. – Pp. 635–652.
288. Plevskaya I. Some Linguocognitive Means of Manipulation in Religious Discourse. – 2019. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/330500959>. – (Access date: 11.05.2019).
289. Prince E., Frader J., Bosk C. On Hedging in Physician-Physician Discourse. – In: Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies. – Norwood, NJ: Ablex, 1982. – Pp. 83–97.
290. Read J., Carroll J. Annotating Expressions of Appraisal in English // Lang Resources & Evaluation. – 2012. – № 46. – Pp. 421–447.
291. Robins R. H. Malinowski, Firth, and the «Content of Situation». – In: Social Anthropology and Language. – London, 1971. Цит. по: Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 22.
292. Rosseel L., Speelman D., Geeraerts D. Measuring Language Attitudes in Context: Exploring the Potential of the Personalized Implicit Association Test // Language in Society. – 2019. – № 48 (3). – Pp. 429–461.
293. Schiffrin D. Discourse Markers. – Cambridge, 1991. – 364 p.
294. Schiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford; Cambridge, 1994. – 470 p.
295. Schröder H. Hedging and its Linguistic Realization in German, English, and Finnish Philosophical Texts: A Case Study . – In: Fachsprachliche Miniaturen.

- Festschrift für Christer Lauren. – Frankfurt am Main: Lang, 1992. – Pp. 121–130.
- 296.Schröder H. Hedging a Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis. – In: Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. – Berlin: de Gruyter, 1997. – Pp. 3–20.
- 297.Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. – Urbana, 1949. – 117 p.
- 298.Silvestri D. Implicit and Explicit Linguistics // Diogenes. – 2015. – № 60 (2). – Pp. 53– 59.
- 299.Soules M. Media, Persuasion and Propaganda. – Edinburgh University Press, 2015. – 301 p.
- 300.Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 288 p.
- 301.Tannen D. Abduction and Identity in Family Interaction: Ventriloquizing as indirectness // Journal of Pragmatics. – 2010. – № 42. – Pp. 307–316.
- 302.Tolson A. Media Talk: Spoken Discourse on TV and Radio. – Columbia University Press, 2006. – 193 p.
- 303.Vallauri E. L. The «Exaptation» of Linguistic Implicit Strategies // Springerplus, 2016. – № 5 (1). – [Electronic resource]. – DOI: <https://dx.doi.org/10.1186%2Fs40064-016-2788-y>. – (Access date: 14.05.2019).
- 304.Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2018. – Vol. 39. – Pp. 685–890.
- 305.Wierzbicka A. Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław itd.: PAN, 1983. – Pp. 125–137.
- 306.Wilson R. Appraisal Theory as a Linguistic Tool for the Analysis of Market Research Interview Data: PhD Dissertation. – Centre for Translation Studies, University of Leeds, 2011. – 311 p.
- 307.Witosz B. Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. – 2005. – 258 p.

308. Yates J., Orlikowski W. J., Okamura K. Explicit and Implicit Structuring of Genres: Electronic Communication in a Japanese R&D Organization // Organization Science. – 1999. – № 10. – Pp. 83–103.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГП – Гран-при

ИСУ – Международный союз конькобежцев

КР – Кубок России

КЧМ – Командный чемпионат мира

ОИ – Олимпийские игры

СМИ – Средства массовой коммуникации

ФФККР – Федерация фигурного катания на коньках России

ЧЕ – Чемпионат Европы

ЧМ – Чемпионат мира